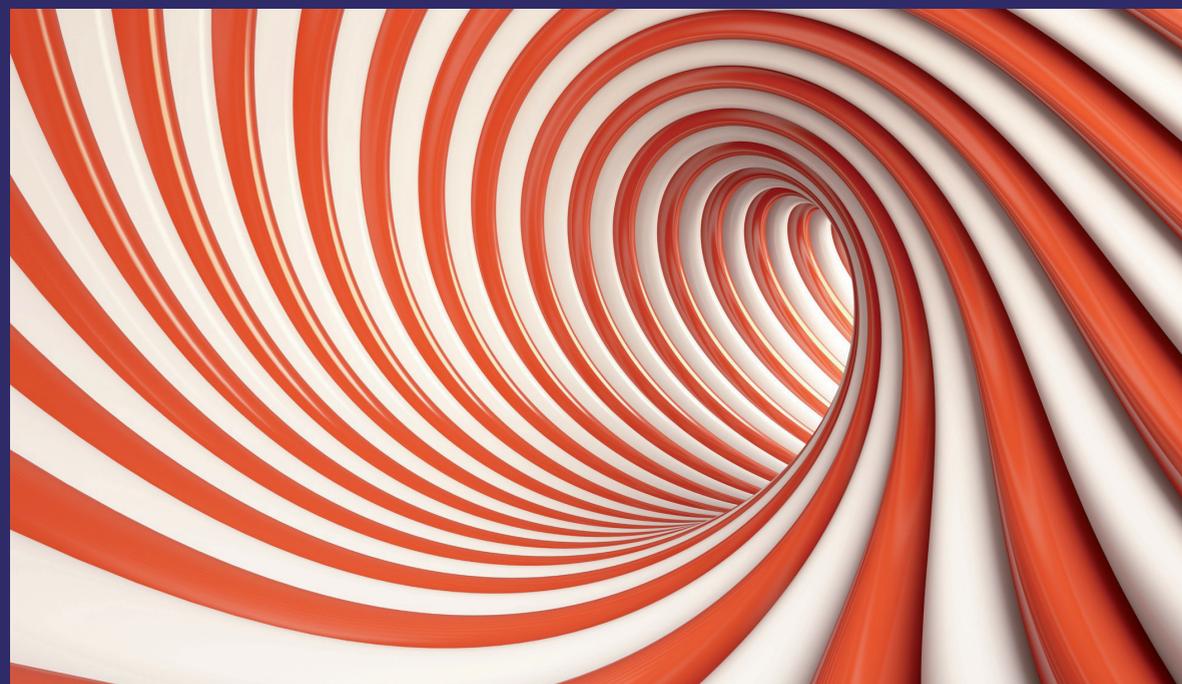


Предлагаемая книга представляет собой процессуально-криминалистическое исследование материалов уголовного дела, по которому Владимир Макаров был обвинен в сексуальном насилии над собственной дочерью. В ней с точки зрения процессуального закона и криминалистической науки автор анализирует работу правоохранительных органов, проводивших предварительное расследование и судебное рассмотрение данного дела, в том числе в кассационной инстанции. Автор оценивает законность и обоснованность привлечения к ответственности осужденного Макарова В.В., обращая внимание на использование следствием и судом недостоверных доказательств, ошибочность принятия многих решений по делу. Книга предназначена для адвокатов, следователей, прокуроров, судей, студентов юридических учебных заведений и может быть полезна для всех, кто следит за состоянием правоохранительной системы в России и интересуется проблемами расследования и рассмотрения уголовных дел в российских судах.

Дело, которого не должно быть



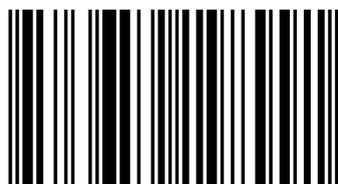
Алексей Эксархопуло

Дело, которого не должно было быть

Криминалистический анализ

Алексей Эксархопуло

Эксархопуло Алексей Алексеевич, профессор, доктор юридических наук, более 30 лет работал на кафедре уголовного процесса и криминалистики ЛГУ (СПбГУ). В настоящее время профессор юридического факультета НИУ "Высшая Школа Экономики" (Санкт-Петербургский филиал). Автор более 100 научных работ по криминалистике и уголовному процессу.



978-3-659-19899-1

Эксархопуло

 **LAMBERT**
Academic Publishing

Алексей Эксархопуло

Дело, которого не должно было быть

Алексей Эксархопуло

**Дело, которого не должно было
быть**

Криминалистический анализ

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung in Deutschland (siehe letzte Seite) /

Напечатано в России (см. последнюю страницу)

ISBN: 978-3-659-19899-1

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2012 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о коррумпированности российской правоохранительной и судебной системы, стал едва ли не самым обсуждаемым не только в средствах массовой информации, но и в профессиональных юридических кругах. И уж, по крайней мере, в среде тех, кто, так или иначе, оказывается по ту или иную сторону российского правосудия. Хотя сам термин «правосудие», происходящий от словосочетания «правый» то есть «правильный» суд, не очень-то годится для обозначения тех процессов и явлений, которые подвергаются критической оценке.

Масштабы коррупции при утрате профессионализма работников правоохранительной сферы достигли того предела, за которым целесообразность даже постановки вопроса о реформировании силовых ведомств, следствия, прокуратуры и суда становится сомнительной, не говоря уже о любых попытках навести здесь порядок. Не успела, к примеру, завершиться переаттестация сотрудников МВД, а министр провозгласить, что с коррупцией в ее рядах наконец-то покончено, как вся страна вновь была шокирована очередными, безумными по своей жестокости проявлениями полицейской изобретательности в «борьбе с преступностью». Переаттестованные охранители правопорядка «успешно» перешли с дубинок и «электрошокеров» на новые садистские способы добывания признательных показаний. Пример казанских полицейских, изнасиловавших весной 2012 года до смерти бутылкой из-под шампанского одного из задержанных, может стать заразительным. А недавно, в июле 2012 года страна узнала, как один из надзирателей колонии «Полярная сова» под пытками заставлял осужденных к пожизненному сроку лишения свободы признаваться в тяжких преступлениях, которых они не совершали. В общей сложности «находчивый» офицер ФСИН «раскрыл» 190 преступлений. В том числе «раскрытыми» оказались самые громкие убийства: президента Чечни Ахмада Кадырова, журналистов Пола Хлебникова и Анны Политковской. Чего не сделаешь ради славы и статистики.¹

На фоне злоупотреблений со стороны должностных лиц полиции, следствия, прокуратуры и суда, описанием которых переполнены средства массовой

¹ См., например: <http://lifenews.ru/news/97356>

информации, нелишне было бы ввести **презумпцию виновности** в делах о совершаемых ими преступлениях против правосудия. Во всяком случае, по сравнению с жертвами полицейского произвола, представителям правопорядка легче было бы обеспечить себе алиби от любых голословных обвинений в злоупотреблениях служебным положением. Например, если все действия полицейских фиксировать с помощью современных технических средств, обеспечивающих наглядность, полноту и адекватность их последующего восприятия. И тогда сотрудники полиции, честно и профессионально исполняющие свой долг, первыми возьмут в руки видеокамеры, чтобы «объективизировать» свою работу. При наличии наглядного подтверждения правомерности предпринятых полицией или следователями действий мало у кого из задержанных появится желание обвинять их в применении насилия к «подопечным», которого в реальности не было.

В борьбе с коррупцией сотрудников силовых ведомств и работников суда, видимо, недостаточно создавать даже самые эффективные методики расследования должностных преступлений. Так, любая разработанная в криминалистике и подтвердившая свою эффективность методика расследования, например, взяточничества, в новых российских условиях неизбежно будет «работать» избирательно. Многие из этих лиц в силу своего служебного положения оказались просто неуязвимы и поэтому недосыгаемы для уголовного преследования. Причины разные, в том числе установленный законодательством иммунитет для значительной части должностных лиц, наделенных властными полномочиями и призванных вершить правосудие от имени государства. Корпоративная солидарность, «высокое» покровительство, «руководящие указания», «телефонное право», соблазн быстрого обогащения при минимальных «трудозатратах» и прочие «реальности» отечественной практики борьбы с преступностью создают, в конечном счете, почву для экономической, политической и «корпоративной» коррупции в системе отправления правосудия. Традиционные способы ее преодоления явно недостаточны. Нужны, очевидно, новые подходы к решению проблемы, в том числе, с позиций криминалистической науки. Важно поэтому, наряду с традиционными мерами, думать о создании условий, при которых взяточники, коррупционеры, будут знать о неизбежном разоблачении и привлечении к ответственности. Или, по крайней мере, не смогут так легко, как сейчас, пользоваться несправедливо полученными средствами или безнаказанно демонстрировать свое благосостояние, обусловленное злоупотреблениями служебным положением. И не испытывать при этом угрызеный совести за приня-

тие заведомо неправосудных решений, абсурдность которых бывает, подчас, очевидна не только юристам, но и людям непосвященным. Безнаказанность, как известно, порождает новые преступления. А безнаказанность за преступления против правосудия, совершаемые теми, кто призван стоять на страже закона, порождает тотальное недоверие к власти, а произвол в системе государственных органов делает их деятельность подобной организованной преступной деятельности.

Читая материалы, отражающие масштабы взяточничества и иных должностных злоупотреблений в правоохранительной среде, создается порой впечатление, что полицейскую систему и систему российского правосудия легче упразднить, создав заново, нежели пытаться восстановить ее авторитет, утраченный, похоже, безвозвратно. По данным Левада-Центра» две трети опрошенных вообще не доверяют полиции.² Одним из самых постыдных для российского следствия и суда стали, на мой взгляд, даже не патологическая алчность отдельных их представителей, и даже не послушное, вопреки закону, исполнение команд высоких начальников, а стремление любыми способами защитить честь мундира. Здесь пострадавших от полицейского и судебного произвола может оказаться значительно больше. Демонстрируя солидарность с коллегами по принципу «своих не сдавать», коррумпированные правоохранители с легкостью лишают свои «жертвы» свободы или имущества. Сколько сломанных судеб и жизней, причем не только тех, кто отбывает срок напрасно, но и членов их семей, родных и близких, никто точно не знает. По данным криминологов количество неправомерно осужденных в стране весьма внушительно. Называют, например, цифру 100 000 человек.³

В одном из своих выступлений В.В.Путин назвал в числе наиболее для него авторитетных российских государственных деятелей Петра Первого и Екатерину Великую. Учитывая нашу современную российскую реальность, было бы неплохо заимствовать некоторые из законоположений эпохи их правления. Так, в екатерининском «Учреждении о губерниях» (1775 год) говорилось, что *«прокуроры и стряпчие должны предъявлять доношения и уголовные иски только тогда, когда имеют на то ясные доказательства или сильные улики»*.⁴ При отсутствии таковых надлежало руководствоваться правилом, сформулиро-

² См., например: <http://fsin.ucoz.ru/forum/49-73-268>; <http://lifefews.ru/news/97356> и др.

³ <http://rg.ru/2012/06/26/detektor.html>

⁴ Цит. по: Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – М: 2001. (репринт: Одесса: 1849). С.135.

ванным в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб», изданном в качестве приложения к Воинским Уставам Петра Великого (1716 год): «... понеже лучше есть десять виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить». ⁵ Позже этот принцип распространили на все виды совершаемых преступлений, закрепив в Своде Законов Российской Империи.

Законодательство времен кумиров нашего президента предусматривало и ответственность за нарушение этих положений. «За умышленный неправильный уголовный иск, - говорилось в екатерининском «Учреждении о губерниях», - стряпчие и губернские прокуроры подвергаются платежу всех убытков, лишению их мест и сверх сего тому наказанию, под которое старались подвести обвиняемого». ⁶ Замечательный пример законодательного решения проблемы борьбы с коррупцией в сфере правосудия.

Одна из причин безнаказанности служителей «закона» за вынесение неправосудных решений видится, помимо прочего, в том, что в этой сфере деятельности всегда ревностно охранялась тайна процедуры их принятия. Возможность ознакомиться, например, с материалами уголовных дел имели считанные единицы участников судопроизводства, а раскрыть их содержание для публичного обсуждения или независимой профессиональной оценки было делом практически невозможным. Я вспоминаю первое уголовное дело, которому я как специалист в области криминалистики давал оценку по запросу адвоката. Шел 1996 год. Я сидел в канцелярии районного суда и знакомился с материалами дела, которые мне передал адвокат, получив их под предлогом подготовки к кассационному рассмотрению его жалобы на обвинительный приговор. По этому приговору один молодой человек был осужден за, якобы, совершенное им ограбление. По результатам анализа процессуальных и иных документов у меня не оставалось почти никаких сомнений в ошибочности принятого районным судом решения. Подготовленное мною заключение адвокат представил в суд кассационной инстанции. Приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение. Но показательным стало даже не разочарование судьи отменной вынесенного им приговора, а та реакция, которая последовала с его стороны. Работникам канцелярии судья устроил настоящий скандал, возмущаясь тем, что они позволили профессору госуниверситета ознакомиться с материалами рассмотренного этим судьей уголовного дела.

⁵ Там же. С.172.

⁶ Там же. С.136.

Позже мне не раз приходилось сталкиваться с резко негативным отношением к экспертно-правовым заключениям, подготовленным по материалам уголовных дел, в которых давалась бы оценка качества работы тех следователей, работников органов дознания и судей, на серьезные ошибки в работе которых было обращено внимание. И дело даже не в том, что современные следователи, прокуроры, судьи, следуя сформировавшейся традиции, просто не желают никого допускать «*в сферу своей компетенции*», а в том, что, отказываясь от квалифицированной помощи, они оказываются, порой, не в состоянии выполнять свои функции на высоком профессиональном уровне. Имея дело с живыми людьми, некомпетентные служители правосудия, способны сломать не одну судьбу, прикрываясь «ширмой», которая была в свое время создана в отечественном правосознании. Установив барьер для обращения к специалистам в области права за получением процессуально значимых заключений, следственная, экспертная и судебная практика не только в значительной мере утратила способность к самооценке, но и оказалась неуязвимой для оценки со стороны ученых или более опытных практических работников.

Между тем, только по материалам уголовного дела можно судить, каким арсеналом располагал субъект судебного исследования, какие действия были им предприняты для выяснения обстоятельств события преступления, насколько правильно и квалифицированно этот арсенал был использован следователем, дознавателем и другими участниками уголовного процесса, чтобы преступление можно было считать раскрытым, а истину установленной. Именно ошибками в выборе познавательных средств, неправильным или неквалифицированным их применением (а порой и злым умыслом), чаще всего обусловлены претензии к собранным в ходе раскрытия и расследования преступлений доказательствам. Поэтому материалы уголовного дела, характеризуя качество проведенной на предварительном следствии работы, важны не только для ее оценки на последующих этапах судопроизводства - в кассации и или в надзорном производстве, но и для выявления допущенных злоупотреблений. Выработка заведомо неправосудных решений происходит, вероятно, по законам, отличным от принятия ошибочных. Причины, последствия и признаки «заказных» решений, надо полагать, иные, нежели признаки просто некомпетентных и непрофессиональных. И они могут быть диагностированы, распознаны по имеющимся материалам уголовного дела.

Информация, содержащаяся в этих материалах часто, однако, бывает, недоступна для общественного контроля и научной оценки, поскольку в силу за-

кона уголовные дела вправе анализировать с юридическими последствиями только уполномоченные на то лица: руководители следственных подразделений, прокуроры, суд. Отчасти защитники и адвокаты. Увы, но провозглашаемая официальными лицами идея «прозрачности» правосудия в сфере уголовного судопроизводства все еще остается лишь благим пожеланием. И поэтому за ширмой «тайны следствия» легко спрятать даже самые вопиющие нарушения закона, в основе которых лежат и некомпетентность, и коррумпированность правоохранительной и судебной системы. Легализация экспертно-правовых оценок материалов уголовных дел сведущими лицами могла бы стать одним из эффективных способов и распознавания, и профилактики таких явлений в сфере уголовного судопроизводства. Перспектива стать объектом профессиональной оценки способна остановить многих из тех следователей, прокуроров или судей, кто сегодня готов за деньги, в угоду власти или по иным мотивам принимать решения, противоречащие и закону, и справедливости, и совести. Хочется надеяться, что практика обращения участников уголовного процесса к специалистам за разъяснением возникающих юридических вопросов на уровне независимых экспертно-правовых оценок качества расследования и разрешения уголовных дел не только не будет восприниматься как посягательство на исключительную компетенцию тех, в чьи обязанности входит принимать решения по уголовному делу, но и получит достаточно широкое распространение. Ибо ничто уже не может лишить человека, чьи права окажутся попранными, обратиться за квалифицированной помощью не только к профессиональным защитникам, но и к независимым экспертам для объективной оценки деятельности органов правосудия.

Такая уверенность небеспочвенна, ибо с принятием в 2001 году нового уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уже можно говорить о создании нормативной базы для расширения форм использования в уголовном судопроизводстве специальных познаний, в том числе и знаний специалистов в области правовых наук, способных профессионально оценить качество работы следователей, прокуроров, судей по конкретному уголовному делу.

Насколько исследование материалов уголовных дел может быть полезным для выяснения законности и справедливости вынесенных судебных решений, я надеюсь, лучше судить не по итогам теоретических рассуждений, а по содержанию самих научно-консультативных заключений о качестве раскрытия, расследования преступлений и судебного разбирательства дел. Этот путь гласного обсуждения итогов работы правоохранительных органов и суда может, на

мой взгляд, стать и эффективным способом противодействия коррупции, а, возможно, и восстановления утраченного профессионализма сотрудников правоохранительной и судебной системы. Насколько это так, легче понять на примере анализа одного из наиболее резонансных уголовных дел последних лет, получившего название «Дело Макарова», расследование и рассмотрение которого сопровождалось, на мой взгляд, принятием целого комплекса заведомо неправосудных решений. Подготовленные мною заключения⁷ по данному уголовному делу и стали основой для предлагаемой читателю книги.

Часть первая. ПРИГОВОР.

Глава 1. Предыстория.

Вечером 23 июля 2010 года в семье Макаровых произошло несчастье. Их семилетняя дочь, играя в своей комнате, упала со шведской стенки. Родители, опасаясь за здоровье ребенка, вызвали «скорую помощь». Девочку в сопровождении мамы повезли в больницу, следом за машиной «скорой помощи» в больницу приехал и отец. Уже при осмотре в приемном отделении ребенку был поставлен предварительный диагноз «компрессионный перелом» позвонков и под вопросом «изнасилование». Поводом для подозрений в сексуальном насилии над ребенком стали для дежурного врача больницы телесные повреждения – травма спины и свежая царапина на лице. Чтобы исключить повреждение почек, ребенку был назначен анализ мочи. При исследовании в лаборатории осадка мочи лаборантка в поле зрения микроскопа обнаружила неподвижные сперматозоиды. О своих наблюдениях она сообщила врачу-лаборанту и дежурному травматологу. Решено было сделать повторный анализ. При повторном исследовании лаборантка также увидела в осадке мочи неподвижные сперматозоиды, правда в количестве, существенно меньшем, чем при первом исследовании. Врачи приняли решение осмотреть девочку, поскольку результаты проведенного анализа мочи подтверждали подозрения в изнасиловании семилетнего ребенка. Время было уже около часа ночи. Сонную девочку мама принесла в процедурный кабинет для врачебного осмотра. При попытке раздвинуть ей но-

⁷ См, например: Эксархопуло А.А. Заключение специалиста по уголовному делу, рассмотренному Таганским районным судом г.Москвы, в отношении подсудимого Макарова В.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. – Библиотека криминалиста. №1, 2012; Его же: Экспертно-правовое заключение на кассационное Определение судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 29.11.2011 года по уголовному делу Макарова В.В., осужденного Таганским районным судом г.Москвы 05.09.2011 года за совершение преступления, предусмотренного п.«б» ч.4 ст. 132 УК РФ, изменившей квалификацию содеянного на ч.3 ст.135 УК РФ. – Библиотека криминалиста. №2, 2012.

ги, еще не проснувшийся ребенок произнес: «больно, папа, пусти». Услышав эту фразу, никто из присутствовавших при осмотре медицинских работников уже почти не сомневался, что в отношении девочки совершено сексуальное насилие и наиболее вероятным его виновником является отец. И хотя никаких повреждений в области половых органов обнаружено не было, врачи приняли решение сообщить о случившемся в милицию. Через две недели было возбуждено уголовное дело, а через год 05 сентября 2011 года состоялось решение Таганского районного суда г.Москвы. Практически все это время Владимир Макаров находился под стражей. Согласно приговору ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком 13 лет.

«Дело Макарова» стало в известном смысле уникальным, поскольку в этом процессе обе стороны - и сторона обвинения в лице потерпевшей и сторона защиты в лице подсудимого не только не признали вину отца и мужа в совершении сексуального насилия над девочкой, но и категорически отрицали сам факт преступления, вмененного осужденному.

Иного мнения придерживались только следователь, государственный обвинитель и суд. Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы на 13 лет лишить свободы человека, чья вина подтверждалась исключительно косвенными доказательствами, а их достоверность и допустимость вызывала серьезные сомнения.

Через неделю после вынесения приговора ко мне обратился адвокат осужденного В.В.Макарова с просьбой подготовить заключение, в котором давалась бы научная оценка обоснованности принятого судебного решения. На разрешение был поставлен вопрос: **«Можно ли считать вынесенный Макарову В.В. приговор обоснованным, а доказательства, положенные в основу выводов суда, отвечающими требованиям допустимости и достоверности?»**

Для дачи заключения были представлены копии всех материалов уголовного дела, состоящего из пяти томов, и полный текст вынесенного Таганским судом приговора.

ПРИГОВОР

(извлечение)

Именем Российской Федерации

Г.Москва

5 сентября 2011 года

*Таганский районный суд г.Москвы в составе
Председательствующего судьи Лариной Н.Г.,
с участием государственного обвинителя Таганской межрайонной про-
куратуры г.Москвы Сафаралиева К.Г.,
подсудимого **Макарова Владимира Владимировича**,
защитника Завалько А.В. ...,
защитника Асташенкова А.В. ...,
законного представителя потерпевшей Макаровой Э.В. – Макаровой Т.И.
и адвоката Колтман И.В.,
при секретаре Муравьевой Р.З.,
рассмотрев в закрытом судебном заседании уголовное дело по обвинению*

Макарова Владимира Владимировича.

...

Установил:

*Макаров В.В. совершил насильственные действия сексуального характе-
ра, т.е. иные действия сексуального характера с использованием беспомощно-
го состояния потерпевшей, совершенные в отношении лица, не достигшего
четырнадцатилетнего возраста.*

...

*Признать **Макарова Владимира Владимировича** виновным в совершении
преступления, предусмотренного п. «б», ч.4 ст.132 УК РФ, и назначить ему
наказание в виде 13 лет лишения свободы с ограничением свободы на 2 года в
виде запрета на выезд за пределы г. Ростов-на-Дону и изменения места жи-
тельства без согласия специализированного государственного органа, осу-
ществляющего надзор за осужденными к ограничению свободы, с отбыванием
наказания в колонии строгого режима...*

Глава 2. Исследование материалов уголовного дела.

(1)

Исходные данные.

Из текста приговора следовало, что суд, рассмотрев в судебном заседании уголовное дело № 333847 по обвинению Макарова В.В. в совершении насильственных действий сексуального характера, установил:

«... в неустановленное следствие время в 2010 году, но не позднее 23 часов 37 минут 23 июля 2010 года, в неустановленном следствии месте в г.Москве, Макаров Владимир Владимирович, имея умысел на совершении насильственных действий сексуального характера в отношении своей дочери – малолетней Макаровой Эллины Владимировны 2003 года рождения, совершил в отношении нее (Макаровой Э.В.), то есть лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, иные действия сексуального характера, используя беспомощное состояние потерпевшей, которая в силу естественной возрастной незрелости и неосведомленности в вопросах сексуальных отношений, не могла понимать характер и значение совершенных в отношении нее противоправных действий, а именно, удовлетворяя свои сексуальные потребности, подвел свой половой член к половым органам потерпевшей (половой щели, области преддверия влагалища и самого влагалища) и, не проникая во влагалище Макаровой Э.В., произвел семяизвержение в него и его (влагалища) преддверие». (Стр.1 Приговора суда Таганского р-на г.Москвы от 05.09.2011 г. – далее «Приговор»).

Несмотря на то, что подсудимый свою вину не признал, суд посчитал ее доказанной. В Приговоре, вынесенном в отношении Макарова В.В., представлен перечень доказательств, который включает около 40 источников (стр. 2-24 Приговора). По мнению суда, это те доказательства, которые изобличают Макарова В.В. в совершении сексуального насилия над собственной дочерью. Однако в число таковых судом были включены также и те доказательства, которые версию следствия и выводы суда опровергают. Так, никто из родственников Макарова В.В. и его жены – Т.И. Макаровой не давал показания, которые можно было бы отнести к доказательствам, подтверждающим обвинение.

Несмотря на обилие доказательств, признанных судом **обвинительными**, и перечисленных в Приговоре, непосредственное отношение к обстоятельствам события, признанного судом преступлением, имела лишь незначительная их часть. Среди таковых, в частности, фигурировали показания и заключение полиграфолога Нестеренко И.В., заключение и показания эксперта Исаенко М.С., заключения - психологов Соколовой Л.А. и Николаевой Г.Н., а также показания свидетелей из числа медицинских работников больницы имени Св. Владимира, куда была доставлена в ночь с 23 на 24 июля 2010 года пострадавшая Макарова Э.В. На этих источниках сведений о событии преступления и лице, его совершившем, суд делает особый акцент.

По результатам оценки всех поименованных в Приговоре доказательств суд формулирует вывод: *«Исследовав вышеприведенные доказательства в их*

совокупности, суд находит их достоверными и допустимыми, а в совокупности достаточными для разрешения настоящего уголовного дела» (стр. 24). Признание поименованных в Приговоре источников информации о событии преступления и его обстоятельствах «доказательствами» и их оценка судом как достоверных и допустимых в уголовном деле Макарова В.В. не только неубедительна, но и во многом ошибочна. Одной из причин тому, на мой взгляд, стало вольное обращение и следователя и суда с понятием «доказательство», используемым в уголовном процессе.

При вынесении обвинительного приговора суду следовало, между тем, руководствоваться общепризнанными правилами, изложенными:

а) судьей Верховного Суда РФ Кудрявцевой Е.П. в комментарии к постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» (в редакции ППВС РФ № 7 от 6 февраля 2007 г.): *«При изложении в приговоре доказательств необходимо учитывать положения главы 10 УПК РФ (ч. 1 ст. 74, ст. 76-81, 83, 84), определяющей понятие доказательств»*⁸;

б) авторами Комментария к УПК РФ, подготовленного под общей редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, о том, что *«никакие иные сведения, сколь бы убедительными они ни выглядели, не могут использоваться в доказывании для обоснования выводов об обстоятельствах, закрепленных в ст. 73 УПК»*⁹.

(2)

О достоверности и допустимости показаний и заключения полиграфолога И.В. Нестеренко.

Среди доказательств, подтверждающих мнение суда, изложенное в приговоре, названы показания Нестеренко И.В., его заявление от 09.09.2010 г. и заключение по проведенному Нестеренко И.В. исследованию в отношении Макарова В.В. с использованием полиграфа от 02.09.10 г. (стр. 10-12 Приговора).

В этих доказательствах, источником которых выступает один человек, полиграфолог И.В. Нестеренко в категорической форме высказывает мнение о виновности Макарова В.В. в совершении инкриминируемых ему действий сексуального характера в отношении его дочери: *«По результатам исследования я*

⁸ Комментарий к Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам / Под ред. Председателя Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессора, Заслуженного юриста РФ В.М. Лебедева. М., 2008. С. 411.

⁹ Научно-практический комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. Председателя ВС РФ В.М. Лебедева; науч. ред. проф. В.П. Божьев. - 4-е изд. М., 2008. С. 300-301.

пришел к однозначным выводам, которые изложил в своем заключении... мои выводы однозначно говорят о том, что Макаров В.В. участвовал в инкриминируемых ему следствием действиях» (т. 2, л.д. 113). Правда, в судебном заседании достоверность своих выводов Нестеренко И.В. уже оценивает скромнее и не столь категорично, а, именно «только на 84%», что, надо полагать, тоже немало (стр. 11 Приговора).

Из текста приговора невозможно определить, к какому виду источников доказательств суд относит заключение И.В. Нестеренко. Известно лишь, что следствие приобщило его к делу в качестве «вещественного доказательства», подтвердив тем самым свою безграмотность в вопросах доказательственного права.

Суд, между тем, называет «труд» полиграфолога «заключением». Если учесть, что в ст. 74 УПК говорится только о двух такого рода источниках доказательств – заключении эксперта и заключении специалиста, то возникает вопрос к какому из них упомянутое заключение должно относиться.

В запросе адвоката Д.И. Богданова (т. 2, л.д. 21) Нестеренко И.В. назван «специалистом по специальным психофизиологическим исследованиям». Именно так к нему обращается адвокат с просьбой провести исследование Макарова В.В. с использованием полиграфа. В каком процессуальном качестве адвокат видит полиграфолога, остается неясным, особенно если учесть, что свое обращение адвокат пишет 16.08.2010 г., будучи убежденным (или делая вид, что убежден) в том, что по делу пока еще проводится доследственная проверка (т. 2, л.д. 21). Правовые основания запроса, адресованного полиграфологу, адвокат Богданов Д.И. не приводит. Не дает однозначного ответа на вопрос о юридическом статусе заключения, подписанного И.В. Нестеренко (и самого полиграфолога) и его содержание (т. 2, л.д. 12-20). Ни ссылок на какой-либо нормативный акт, ни правовых оснований проведения исследования данное заключение, впрочем, как и иные документы, относящиеся к данному исследованию и имеющиеся в материалах уголовного дела, не содержат.

В тексте заключения И.В. Нестеренко имеется фраза, предваряющая постановку вопросов перед полиграфологом: «*На разрешение экспертизы* (выделено мною – А.Э.) *поставлено всего 4 (исправлено на 7 – А.Э.) вопроса*». Возможно, Нестеренко И.В. пользовался заготовкой текста и забыл убрать эту фразу; возможно, сам представлялся Макарову В.В. «судебным экспертом», дающим «заключение эксперта», чтобы у того не осталось сомнений в значимости предстоящей процедуры проверки на полиграфе. Но такая «экспертиза», прове-

денная в частном порядке без вынесения соответствующего постановления уполномоченным на то лицом, процессуального значения не имеет и ссылки на нее в приговоре необоснованны.

«Экспертное заключение, - указывает судья Верховного Суда РФ Кудрявцева Е.П. в комментарии к Постановлению ПВС РФ¹⁰, - полученное по инициативе обвиняемого или его защитника, а не по постановлению суда, лица, производящего предварительное расследование или прокурора, не может быть приобщено к материалам уголовного дела в качестве доказательства».

Во всяком случае, при отсутствии сведений о виде доказательства, на которое ссылается суд в приговоре, вопрос о его допустимости решать однозначно нельзя. Остается только одно – рассматривать заключение Нестеренко И.В. как заключение специалиста. Но заключение, полученное по результатам психофизиологического исследования с использованием полиграфа, в данном случае доказательством признано быть не может, поскольку не может заменить заключения эксперта.

Авторы Комментария к УПК РФ, подготовленного под общей редакцией Председателя Верховного Суда РФ д.ю.н., профессора В.М. Лебедева это особо отмечают: *«Специалист в отличие от эксперта, исследования не проводит и в письменном виде излагает только свои суждения по поставленным перед ним вопросам, ответы на которые требуют специальных знаний. Его заключение, хотя и содержит суждения по вопросам, имеющим значение для дела, но доказательственной силой, присущей заключению эксперта, не обладает. Предметом данного заключения могут быть только те факты, обстоятельства, которые доступны непосредственному восприятию органов чувств человека или о которых в материалах уголовного дела уже содержатся какие-либо сведения. Суждения, содержащиеся в заключении специалиста, лишь способствуют правильному пониманию сторонами фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела..., относительно которых ему поставлены вопросы»¹¹.* О том, что специалист не проводит исследования, а лишь высказывает

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.09.1975 г. № 5 в редакции ППВС РФ от 20.12.76 г. № 7, от 20.12.1983 г. № 10, от 27.08.1985 г. № 7, от 24.12.1985 г. № 10, от 21.12.1993 г. № 11, от 6.02.2007 г. № 7 «О соблюдении Судами РФ процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» см. в кн.: Комментарий к Постановлениям Пленума ВС РФ по уголовным делам / Под ред. Председателя Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессора, Заслуженного юриста РФ В.М. Лебедева. М., 2008. С.391.

¹¹ Научно-практический комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. Председателя ВС РФ В.М. Лебедева; науч. ред. проф. В.П. Божьев. - 4-е изд. М., 2008. С. 280.

свои суждения по вопросам, требующим специальных познаний, говорится и в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» № 28 от 21.12.2010 г., где особо указано на то, что *«в случае необходимости проведения исследования, должна быть произведена судебная экспертиза»*.

Юридическая оценка материалов уголовного дела, связанная с приобщением к ним в качестве доказательства заключения полиграфолога Нестеренко И.В. имеет и другой аспект – уголовно-правовой.

Обращает на себя внимание тот факт, что Нестеренко И.В. не ограничивается описанием в своем заключении тех «преступных действий», которые вменяют в вину В.В. Макарову следствие и суд. В частности, в заключении (и в своих показаниях со ссылкой на заключение, см. т. 2, л.д. 19-20) полиграфолог утверждает, что Макаров В.В.:

1. *«... осуществлял какие-либо действия сексуального характера с дочерью Э.*

2. *...он когда-либо намеренно совершал в присутствии дочери Э. любой половой акт.*

3. *... он в целях удовлетворения сексуальной похоти совершал прикосновение к половым органам дочери Э.*

4. *... он совершал обнажение половых (слово «органов» видимо пропущено в тексте выводов Нестеренко В.В. – А.Э.) в присутствии дочери с целью их демонстрации.*

5. *... он мастурбировал, глядя на дочь».*

Иными словами, в своих выводах Нестеренко И.В. по результатам проверки на полиграфе изобличает Макарова В.В., как минимум, в пяти эпизодах, каждый из которых образует состав преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Почему следствие и суд ограничились только обвинением в преступлении, предусмотренном ст. 132 УК РФ, остается загадкой. Между тем, и обнажение половых органов в присутствии дочери, и мастурбация, глядя на дочь, и прикосновение к половым органам дочери ради удовлетворения «сексуальной похоти» (маловразумительное словосочетание использовано полиграфологом без каких-либо комментариев) вполне могли бы быть квалифицированы еще и по ст. 134 и 135 УК РФ (полиграфолог не только не поясняет, что следует понимать под словами *«ради удовлетворения сексуальной похоти»*, но и не расшифровывает, каким образом он выявил данный мотив действий В.В. Макарова в ходе тестирования на полиграфе).

Заключение Нестеренко И.В. со всеми сформулированными выше выводами были приложены к его заявлению от 09.09.2010 г., в котором полиграфолог сообщает следственным органам о ставших ему известными «сексуальных злодеяниях» Макарова В.В. (т. 2, л.д. 1).

Если выдвинутые Нестеренко И.В. дополнительные обвинения в отношении Макарова В.В. в ходе расследования и судебного разбирательства не подтвердились, что, собственно, вытекает из содержания материалов уголовного дела, то следствие обязано было рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела против самого полиграфолога за заведомо ложный донос. Иначе возникает парадоксальная ситуация – следствие и суд вполне доверяют Нестеренко И.В. в том, что вписывается в формулу обвинения Макарова В.В. (*«оснований не доверять показаниям свидетеля Нестеренко М.В., - написано на стр. 28 Приговора, - и сомневаться в их достоверности у суда не имеется»*), но при этом не замечают им же сформулированных обвинений в преступлениях, совершение которых Макаровым В.В. ничем не подтверждается, закрывая, таким образом, глаза на возможные преступления самого заявителя, подписавшегося под предупреждением об ответственности за заведомо ложный донос. *«Об ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ, - пишет Нестеренко И.В. в своем заявлении 09.09.2010 г., - предупрежден»* (т. 2, л.д. 1).

Отказ осуществить проверку сообщаемых Нестеренко И.В. сведений о совершении Макаровым В.В. иных сексуальных преступлений, а не только вмененных ему следствием и судом, означает отказ от уголовного преследования заявителя, сообщение которого не нашло подтверждения материалами расследования уголовного дела. Это можно рассматривать как невыполнение требования уголовно-процессуального закона, сформулированного в ч. 2 ст. 148 УПК РФ, где говорится об обязанности следственных органов решить вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении. Несмотря на кажущуюся малозначительность данного преступления, оно может представлять собой весьма серьезную общественную опасность: законодатель предусмотрел, например, в ч. 3 ст. 306 УК РФ (заведомо ложный донос с искусственным созданием доказательств обвинения), ответственность заявителя в виде лишения свободы сроком до шести лет.

Что касается содержательной стороны выводов, сформулированных в заключении Нестеренко И.В., то здесь можно высказать не только сомнения в их обоснованности и достоверности, но и (с учетом материалов уголовного дела)

обосновать вполне реальную версию о подлоге результатов психофизиологического исследования, совершенном совместно Нестеренко И.В. и адвокатом Богдановым Д.И. из корыстных побуждений. Суть таких подозрений основывается на следующих фактах.

Рассуждая о достоверности доказательств, источником которых является Нестеренко И.В., суд в Приговоре дает им свою оценку. На стр. 28 Приговора указано: *«оснований не доверять показаниям свидетеля Нестеренко М.В. и сомневаться в их достоверности у суда не имеется, поскольку ранее он Макарова В.В. не знал, оказывал ему услуги на платной основе, а тот факт, что он сам обратился в правоохранительные органы с заявлением о том, из каких источников ему стало известно о совершенном Макаровым В.В. преступлении в отношении своей дочери, свидетельствует о том, что он считает полученные им результаты исследования достоверными и не сомневается в них»; «у суда же не имеется оснований сомневаться в компетенции Нестеренко И.В., учитывая его квалификацию и стаж работы в соответствующей области».*

Оценивая показания и заключение Нестеренко И.В. как достоверные, суд особо обращает внимание на тот факт, что проверка на полиграфе проводилась в присутствии адвоката: *«Макаров В.В. изъявляет желание пройти проверку на полиграфе, обращается к полиграфологу Нестеренко И.В. и в присутствии адвоката Богданова В.В. (инициалы адвоката «Д.И.» – прим. А.Э.), который осуществлял его защиту, 18 августа 2010 года добровольно проходит психофизиологическое исследование»* (стр. 28. Приговора).

Об этом же и в своем заявлении от 09.09.2010 г., и на предварительном следствии, и в суде говорил сам И.В. Нестеренко (т. 2, л.д. 112-115; стр. 11 Приговора). Из заявления: *«Я Нестеренко И.В. ставлю Вас в известность, что в ходе проведения опроса с использованием полиграфа Макарова В.В., проведенного по ходатайству и в присутствии адвоката Богданова Д.И., мне стало известно, что Макаров В.В. осуществил в отношении своей дочери Эли действия сексуального характера. Именно те, которые указаны в моем заключении»* (т. 2, л.д. 1)¹².

¹² Примечательно, что в данном случае сам полиграфолог характеризует свои действия как *«опрос с использованием полиграфа Макарова В.В.»*, однако согласно постановлению и протоколу выемки (т. 1, л.д. 2-4) у Нестеренко И.В. изымается *«заключение с приложениями по проведенному исследованию с полиграфом Макарова В.В.»*, что лишний раз заставляет усомниться в правомерности оценки изъятых документов не только в качестве «вещественного доказательства», но и в качестве «заключения специалиста».

По логике суда и самого Нестеренко И.В. присутствие при «опросе с применением полиграфа» адвоката Богданова Д.И. должно было оградить Макарова В.В. от злоупотреблений или иных нарушений прав со стороны полиграфолога, и свидетельствовать об объективности проведенного «исследования», поскольку трудно себе представить, чтобы адвокат, взявший на себя обязанность защищать Макарова В.В. (ордер на ведение дела от 16.08.2010 г. – т.1., л.д. 181), будет действовать вопреки интересам подзащитного.

Между тем, несмотря на позицию суда, с полным доверием относящегося к перечисленным в Приговоре источникам доказательств вины подсудимого, исходящих от полиграфолога И.В. Нестеренко, в материалах уголовного дела можно обнаружить вполне убедительные свидетельства тому, что Нестеренко И.В. и адвокат Богданов И.Д., готовя «опрос» Макарова В.В. с применением полиграфа, могли действовать в сговоре, руководствуясь исключительно корыстными мотивами; что ни о какой защите адвокатом Богдановым И.Д. интересов Макарова В.В. изначально речи не шло, а полученный ордер на представление интересов Макарова В.В. служил лишь средством достижения преступной цели получения денег с обследуемого. Такая версия мотивов дачи Нестеренко И.В. своего заключения и обстоятельств, связанных с его подготовкой, имеет под собой серьезные основания, поскольку факты, лежащие в ее основе, изложены в ряде документов, не вызывающих сомнений в их достоверности ни у суда, ни у других участников расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Нестеренко И.В. не скрывает, что именно он Макарову В.В. рекомендовал Богданова И.Д. как *«принципиального и очень грамотного адвоката»* (стр. 11 Приговора). Того самого Богданова, с которым позже был заключен коммерческий договор, а затем поделен гонорар в 250 тыс. руб., из которых сам Нестеренко получил 150 тысяч (стр. 11 Приговора). Вопрос о том, может ли участие такого адвоката гарантировать достоверность проведенного Нестеренко И.В. психофизиологического исследования с использованием полиграфа, судом не обсуждался. Суд исходил из функции адвоката, который, как сказано на стр. 28 Приговора, осуществлял защиту Макарова В.В.

Между тем, подсудимый Макаров В.В., давая показания в суде, утверждал, что по завершении исследования Нестеренко И.В. предлагал ему пройти повторное исследование, правда, уже за 400 тыс. руб. (стр. 2 Приговора). Если утверждение подсудимого соответствует действительности, а оснований сомневаться в этом нет, поскольку оно никем не было опровергнуто ни на пред-

варительном следствии, ни в суде (жена подсудимого Т.И. Макарова, правда, говорила о 300 тыс. руб., не считая «доли» адвоката), то вполне резонно будет задаться вопросом, не мог ли отказ от повторного обследования, означавший для полиграфолога утрату надежд на получение немалого дополнительного гонорара, стать для Нестеренко И.В. мотивом обращения 09.09.2010 г. в правоохранительные органы?

Исключать такую вероятность нельзя, в то время как иное объяснение поведению полиграфолога основано только на его же рассуждениях о гражданском долге. Так, заявив в суде о достоверности выводов, в которых содержится утверждение о совершении Макаровым В.В. сексуальных действий в отношении своей дочери, *«он (Нестеренко) не мог скрывать от следственных органов данную информацию, и, поэтому, он написал заявление о том, что ему стало известно о совершенном Макаровым В.В. преступлении, а затем выдал следователю материалы исследования и заключение»* (стр. 11 Приговора). Чего в таком случае Нестеренко И.В. ждал с 18 августа и до 09 сентября? То есть с даты окончания проверки Макарова В.В. на полиграфе, результаты которой, как установил суд в судебном заседании, были уже известны и ему самому, и адвокату Д.И. Богданову. (Допрошенный в качестве свидетеля Нестеренко И.В., - говорится на стр. 28 Приговора, - указал на то, *«что предварительные результаты непосредственно в день исследования адвокату Макарова В.В. были изначально понятны»*.) Оформлял, расшифровывал полиграммы или, объявив о результатах, пусть даже предварительных, ждал согласия Макарова В.В. на повторное обследование и, не дождавшись, направился демонстрировать свою гражданскую позицию в следственный отдел?

Такая версия, объясняющая поведение И.В. Нестеренко имеет под собой не меньше, если не больше оснований. Единственный, но с точки зрения следствия и суда, существенный ее «недостаток», можно обнаружить только в том, что она противоречила предъявленному Макарову В.В. обвинению.

Чтобы оценить достоверность выводов Нестеренко И.В., небезынтересно проследить события, предшествовавшие и последовавшие за проведением им проверки Макарова В.В. на полиграфе.

Хронологически факты могут быть представлены в таком виде:

1) **11.08.2010 г.** следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дела (т. 1, л.д. 1).

2) В тот же день **11.08** следователь подписывает постановление о назначении психофизиологического исследования Макарова В.В. (т. 1, л.д. 104-105).

11.08.2010 г. Макаров В.В., несмотря на данное 04.08.2010 г. согласие (см. Объяснение на имя следователя Лопасаева Д.Н. от 04.08.10 – т. 1, л.д. 96-97), по причине, которая в материалах дела не указана, отказывается проходить назначенное следователем исследование с использованием полиграфа (заявление Макарова В.В. от 11.08.10 – т. 1., л.д. 106). Вероятно, отказ был продиктован возникшим с 04.08 по 11.08 недоверием к следователю и используемым им методам проведения доследственной проверки, породившим сомнение в его объективности и беспристрастности, т.к. в тексте заявления с отказом от участия в опросе с использованием полиграфа Макаров В.В. написал: *«Вместе с тем я планирую организовать аналогичное исследование в моем отношении с привлечением независимых от следствия и органов прокуратуры специалистов»* (т. 1, л.д. 106).

3) **Начиная с 04.08.2010 г.** Макаров В.В. ищет независимого специалиста в области психофизиологических исследований с применением полиграфа и находит его в лице разработчика (как ему сообщается) соответствующей методики, которая используется в криминалистических подразделениях ФСБ. В период с **11.08.2010 г., но не позднее 16.08.10 г.** Макаров В.В. заручившись, как он сам пояснил, рекомендациями «разработчика методики проверки на полиграфе», используемой в ФСБ (речь, очевидно, идет о Ю.И. Холодном), общается с Нестеренко И.В. – учеником Холодного Ю.И., по поводу предстоящего исследования с использованием полиграфа.

4) Во время общения Макарова В.В. с Нестеренко И.В., но не позднее **16.08** полиграфолог рекомендует Макарову В.В. своего знакомого Богданова Д.И. как *«принципиального и очень грамотного адвоката»* (стр. 11 Приговора). «Не позднее» вытекает из того факта, что **16.08** рекомендованный Нестеренко адвокат Богданов уже оформил ордер на представление интересов Макарова В.В., который был им передан для приобщения к материалам уголовного дела (т. 1, л.д. 181).

5) **В тот же день 16.08** Богданов Д.И. заявляет ходатайство о проведении «психофизического» (по терминологии Богданова Д.И., вместо «психофизиологического») исследования с использованием полиграфа. Судя по тексту этого ходатайства *«принципиальный и очень грамотный»* адвокат даже не знает, на какой стадии ведется следователем работа по делу - то ли все еще проводится доследственная проверка, то ли дело возбуждено и идет предварительное рас-

следование по факту обнаружения в моче Макаровой Э.В. сперматозоидов. На всякий случай *«принципиальный и очень грамотный»*, по отзывам Нестеренко И.В., адвокат просит назначить либо экспертизу, либо исследование с использованием полиграфа в зависимости от того, возбуждено дело или нет (т. 1., л.д. 182-183). Неужели, получив ордер и представив его следователю для приобщения к делу, адвокат даже не поинтересовался, в каком состоянии оно находится?

Самое интересное, однако, заключается в том, что адвокат Богданов Д.И., сославшись на, якобы, сформулированные в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (2001) требования к специалистам, проводящим такие исследования (в упомянутом законе, кстати, о требованиях к специалистам, в т.ч. - полиграфологам нет ни слова), утверждает в своем ходатайстве, будто бы *«единственным учреждением, обладающим такими специалистами является Институт криминалистики ФСБ России»*.

Если кого и хотел ввести в заблуждение адвокат, то уж точно не следователя, который обязан был знать о системе существующих в России государственных судебно-экспертных учреждений, занимающихся проведением психолого-психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа, и что Институт криминалистики Центра специальной техники ФСБ РФ – не единственное в стране учреждение, где такого рода исследования официально проводятся. Есть они, например, и в системе МВД и в системе органов юстиции России. На кого был расчет адвоката, понять нетрудно, если иметь в виду, что кроме следователя, единственным «читателем» его ходатайства мог быть сам Макаров В.В., доверивший Богданову Д.И. представлять свои интересы.

Дальнейшие рассуждения адвоката Богданова Д.И. все ставят на свои места. Он далее пишет в своем ходатайстве от 16.08.2010 г.: *«При невозможности назначения исследования в Институте криминалистики ФСБ России, **ПРОШУ ПРИВЛЕЧЬ независимого специалиста**, который обладает профильной криминалистической подготовкой, прошедшего и аттестованного в профильном криминалистическом учреждении..., обладающего знаниями, навыками и умениями, подкрепленными соответствующими документами»*. Нетрудно догадаться, кого адвокат рекомендует в этом качестве: *«...таким специалистом, - пишет Богданов Д.И., - может выступить Нестеренко И.В..., заключения которого принимаются в качестве доказательств по уголовным делам...»*.

Круг замкнулся: Нестеренко рекомендует Макарову в качестве адвоката Богданова, а тот, в свою очередь, настаивает на поручении проведения исследования с использованием полиграфа полиграфологу Нестеренко. И вся эта «независимость» стоит всего лишь в пять раз дороже существующих расценок на проведение такого рода исследований.

6) Не дожидаясь ответа следователя на свое ходатайство, Богданов Д.И. **18.08.2010 г.** в частном порядке на коммерческой основе организует проверку Макарова В.В. на полиграфе, которую в его же кабинете проводит «независимый специалист» И.В. Нестеренко. *«Принципиальный и очень грамотный адвокат»* не мог не знать, что в силу ст. 121 УПК РФ срок для рассмотрения его ходатайства не может превышать трех суток. Значит, вопрос о том, будет ли следователем назначено такое исследование или нет должен был решиться уже 19.08, то есть на следующий день после проверки, которую провел Нестеренко И.В. Почему так торопились Богданов с Нестеренко – вопрос принципиально важный для оценки их истинных намерений. Но об этом более подробно будет сказано ниже.

7) **19.08** выносится постановление следователя о частичном удовлетворении ходатайства Богданова Д.И. от 16.08.10 г., а именно, только в части назначения психофизиологической экспертизы (т. 1, л.д. 190-191). Отказано, однако, проводить экспертизу в предложенном адвокатом Богдановым Д.И. месте (проведение экспертизы в Институте криминалистики ФСБ не устроило следствие по срокам исполнения задания из-за очереди на проведение психофизиологических исследований в данном учреждении). Здесь же в постановлении от 19.08.2010 г. следователь ответил и на предложение назначить «независимого эксперта» И.В. Нестеренко: *«Назначение в качестве эксперта Нестеренко И.В. следствие считает нецелесообразным ввиду его возможной необъективности суждений при производстве экспертизы, т.к. кандидатура данного специалиста представлена непосредственно адвокатом Богдановым, представляющим интересы Макарова В.В.»* (т. 1, л.д. 190-191).

8) **23.08** Богданов Д.И. получает постановление следователя с решением частично удовлетворить его ходатайство. Из этого следует, что ни Богданова Д.И., ни Нестеренко И.В. нисколько не интересовало то, какотреагирует следователь на ходатайство о проведении психофизиологической экспертизы, поданное адвокатом 16.08.2010 г. Иначе, чем объяснить тот факт, что за постановлением о частичном удовлетворении этого ходатайства, которое уже четыре дня лежит у следователя (с 19.08.2010 г.), адвокат Богданов Д.И. является только

23.08.2010 г. (расписка о получении - т. 1, л.д. 192). Знать заранее, в какой части ходатайство было удовлетворено, а в какой в удовлетворении отказано, адвокат не мог. Это значит, что об «интересе» к ответу следователя речь не идет.

9) **30.08** Богданов подает новое ходатайство о проведении психофизиологической экспертизы, содержание которого поражает своим цинизмом (т. 1, л.д. 256-257). Обращает на себя внимание, прежде всего, то обстоятельство, что ходатайство подается адвокатом **30 августа 2010 г.**, то есть спустя 12 дней после завершения исследования «независимым специалистом» И.В. Нестеренко. Иными словами Богданов Д.И. подает новое ходатайство, будучи осведомленным о том, что в результате психофизиологического исследования, проведенного И.В. Нестеренко еще 18 августа 2010 года, его подзащитный Макаров В.В. уже был «изобличен» полиграфологом в совершении сексуального насилия над собственной дочерью. То, что эти результаты Богданову Д.И. были не только известны, но и «изначально понятны», говорится на стр. 28 Приговора, где указано, *«что предварительные результаты непосредственно в день исследования адвокату Макарова В.В. были изначально понятны».*

Какую цель преследовал адвокат Богданов Д.И., подавая новое ходатайство о проведении психофизиологического исследования своего подзащитного, сказать однозначно трудно, ясно только, что эта цель никак не согласуется с задачами защитника, представляющего интересы лица, подозреваемого в совершении преступления.

Особый интерес вызывает в связи со сказанным содержание упомянутого ходатайства адвоката от 30.08.2010 г. В нем Богданов Д.И. пишет буквально следующее: *«Так, несмотря на декларируемую законом, но забытую следствием презумпцию невиновности (ст. 14 УПК РФ, ст. 40 Конституции РФ), отец дочери, Макаров Владимир Владимирович настаивает на объективности расследования данного факта, а учитывая, что подозрения в насильственных действиях заявляются в отношении него, на проведении независимых экспертиз, в частности, опросе с использованием полиграфа у специалистов в этом виде исследований».*

Красиво сказано, особенно про презумпцию невиновности Макарова В.В. со ссылками на УПК и Конституцию России. От имени кого все же выступает Богданов Д.И., прекрасно понимающий, что заключением «специалиста в этом виде исследования» Нестеренко И.В., его «подзащитный» уже изобличен, а само заключение ждет своего часа – часа, когда у Нестеренко И.В. проснется его «гражданское правосознание»? Зная, что в случае удовлетворения его ходатай-

ства проведение психофизиологической экспертизы не только не поможет его подзащитному, а скорее наоборот, лишь усилит подозрения в отношении его доверителя, и тем самым позиции обвинения, адвокат все же настаивает на такой экспертизе, Вновь повторяя, что Институт криминалистики ФСБ РФ – единственное учреждение, располагающее специалистами соответствующей квалификации, адвокат выражает сожаление по поводу отказа назначить Нестеренко И.В. экспертом: *«не понятно, - пишет Богданов Д.И., - почему ему (следователю Лопаеву Д.Н. – А.Э.) не подошла кандидатура независимого специалиста, который обладает профильной криминалистической подготовкой, прошедшего и аттестованного в профильном криминалистическом учреждении»* (т. 1, л.д. 257). И тут же просит назначить экспертом того, кто рекомендовал Нестеренко И.В. Макарову В.В., а именно Холодного Ю.И. либо еще одного его ученика – Иванова Р.С.

Если исходить из предположения, что заключение И.В. Нестеренко действительно отличается объективностью и достоверностью, то не предвидеть результаты новой экспертизы у его наставника или коллеги было невозможно. Такая активность адвоката была бы вполне уместна (и объяснима), если бы речь шла о поведении обвинителя Макарова В.В. (следователя или прокурора), но не адвоката, призванного законом защищать доверителя, а не искать способы его изобличения. Таким образом, можно с достаточным основанием предположить, что ходатайство о назначении экспертизы, поданное человеком, заведомо знающим, каков будет ее результат, есть ни что иное, как стремление оказать давление на Макарова В.В. под угрозой его изобличения теперь уже с использованием процессуальных средств - посредством проверки на полиграфе Макарова В.В. в формате судебной экспертизы. Видимо, по мнению адвоката, угроза проведения исследования с заведомо известным результатом, вполне могла заставить Макарова В.В. согласиться на повторное обследование, но уже за двойную цену. Оба, и Богданов Д.И., и Нестеренко И.В. не оставили Макарову В.В. никакого иного выхода, кроме как, либо удовлетворить их «аппетиты», либо быть «изобличенным» заключением Нестеренко И.В.

Причем ни Нестеренко, ни Богданов ничем не рисковали. Если, к примеру, Макаров В.В. согласится на повторное обследование, то, получив требуемую сумму денег, результаты первого обследования адвокат и полиграфолог могли уничтожить, или же (шантажируя В.В. Макарова дальше) некоторое время никому не показывать. Ведь об уголовной ответственности полиграфолога никто не предупреждал. Если откажется, то результаты первого обследования,

переданные в следственные органы, станут мстостью за отказ платить деньги вымогателям, а также дополнительным аргументом для обвинителей Макарова В.В., при этом полиграфолог Нестеренко предстанет перед общественным мнением как честный специалист, разоблачивший «педофила». И такие предположения, как можно убедиться, проанализировав упомянутые выше материалы уголовного дела, оказываются не лишены оснований. Никакой опасности для Нестеренко и Богданова, получивших отказ Макарова В.В. платить за повторное исследование, не представляло и любое решение следователя по ходатайству адвоката от 30.08.2010 г. Убедившись на собственном опыте в «эффективности» исследования с применением полиграфа, Макаров В.В. никогда не согласился бы повторить его, независимо от того, кто будет назначен экспертом.

10) **09.09.2010 г.** И.В. Нестеренко приносит в следственный отдел Таганского района СУ СК при прокуратуре РФ заявление о преступлении, якобы совершенном Макаровым В.В., и прикладывает к нему свое заключение, в котором, по сути дела, обвиняет его в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении своей дочери Макаровой Э.В. (т. 2, л.д. 1). А следователь Д.Н. Лопаев, забыв о высказанных им же сомнениях в отношении объективности полиграфолога и возможной его заинтересованности, давших ему основание для отказа в удовлетворении ходатайства Д.И. Богданова (см. постановление следователя от 19.08.2010 г. – т. 1, л.д. 191-192), 09.09.2010 г. приобщает заключение И.В.Нестеренко к делу в качестве вещественного доказательства (т. 2, л.д. 10-12).

Суд не замечает вышеприведенных противоречий в решениях следователя, с готовностью признавая заключение И.В. Нестеренко доказательством по делу. К такому решению следствие и суд могли привести только выводы И.В. Нестеренко, вполне вписывающиеся в обвинительную версию. Стоит ли удивляться, что следователь Лопаев с целью легализации очень необходимых ему для выполнения своей обвинительной функции сведений, не нашел ничего лучшего как приобщить к делу заключение частнопрактикующего полиграфолога И.В. Нестеренко в качестве «вещественного доказательства», свойствами которого оно по закону не обладает и обладать не может. За последние 150 лет в теории судебных доказательств никто из авторитетных ученых и практиков, кроме следователя Д.Н. Лопаева, не подвергал сомнению тезис о принципиальном отличии *вещественных доказательств*, связь которых с расследуемым со-

бытием обусловлена их материальными признаками, доступными для непосредственного восприятия, от так называемых *личных* доказательств, исходящих от человека, среди которых всегда назывались заключения и специалистов, и экспертов. Следователь Д.Н. Лопаев внес весьма оригинальный вклад в теорию и практику доказывания по уголовным делам. Хотя единственное, с чем его можно поздравить, так это «с почином».

Важно, однако, подчеркнуть, что заключение И.В. Нестеренко с выводами о виновности Макарова В.В. в совершении сексуального насилия над своей дочерью, не являясь вещественным доказательством по сути, тем не менее, вполне может им стать. Например, в случае возбуждения уголовного дела о фальсификации доказательств в уголовном процессе, если к этому окажется причастным следователь или защитник (ст. 303 УК РФ), или по факту заведомо ложного доноса, соединенного с искусственным созданием доказательств обвинения, если таковым будет признано обращение полиграфолога в следственные органы и передача следователю заведомо недостоверного заключения по результатам опроса Макарова В.В. с применением полиграфа (ч. 3 ст. 306 УК РФ).

Одним из наиболее интересных вопросов, касающихся странного поведения адвоката Богданова Д.И., предшествовавшего подаче заявления Нестеренко И.В. в следственные органы, о чем уже говорилось выше, является вопрос о том, почему Богданов так торопился с проведением психофизиологического исследования у Нестеренко. Прекрасно зная, что ответ на его ходатайство от 16.08.10 г. в силу закона должен быть дан не позднее 19.08 (ст. 121 УПК РФ), адвокат организует проведение проверки в своем кабинете за сутки до истечения этого срока. В запросе на имя Нестеренко И.В. 18.08.2010 г. адвокат пишет, что *«в ходе доследственной проверки (16.08.2010 г.) было заявлено ходатайство о проведении психофизического исследования В.В. Макарова... Учитывая, что до сих пор (трое суток еще не истекли – А.Э.) следователь такого исследования не назначил, ...настоящим прошу Вас провести психофизическое исследование в отношении Макарова В.В.»* (т. 2, л.д. 21).

Зададимся вопросом: что могли ожидать и чего могли опасаться Богданов и Нестеренко? Совершенно ясно, что отказ в удовлетворении ходатайства ничего не значил для планируемой у Нестеренко проверки Макарова на полиграфе, и поэтому не мог заставить ускорить подготовку к проведению психофизиологического исследования у И.В. Нестеренко. Но дело как раз в том, что адвокат Богданов еще не знает о решении следователя, но вполне может предполагать,

что его ходатайство будет удовлетворено. Любой адвокат, взявший на себя защиту гражданина от обвинений в сексуальном преступлении, посчитал бы такое решение следователя своей пусть маленькой, но победой. И дождался бы решения вопроса по заявленному ходатайству, тем более, что любой адвокат знает разницу между непроцессуальным исследованием и судебной экспертизой с точки зрения доказательственной силы полученных результатов. Но Богданов Д.И. действует, судя по всему, вопреки всякой логике и, главное, в ущерб интересам своего подзащитного.

Чтобы понять мотивы, которыми могли руководствоваться Богданов Д.И. и Нестеренко И.В., организовав исследование за сутки до получения ответа на адвокатское ходатайство о проведении официальной экспертизы, достаточно представить себе те последствия, которые могло иметь для них положительное решение следователя о назначении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в ответ на это ходатайство.

Последствия таковы: экспертиза, назначенная следователем, не требует от лица, в отношении которого будет проводиться исследование, никаких расходов. То есть для Макарова В.В. назначенное следователем экспертное исследование должно проводиться бесплатно. В этом случае И.В. Нестеренко, если и сможет рассчитывать как независимый эксперт на гонорар, то, во всяком случае, не в том размере, о каком, судя по всему, у него и адвоката была договоренность с В.В. Макаровым. Санкционировать проведение экспертизы из средств государственной казны в сумме, минимум в пять раз превышающей существующие расценки на проведение исследований с применением полиграфа, а именно в сумме 150 тыс. руб., ни один следователь, думаю, не рискнул бы, не вызвав подозрений в получении «отката». Могут ли при данных обстоятельствах возникнуть основания полагать, что именно риск потери значительной суммы денег, заставил Нестеренко и Богданова поторопиться с проведением проверки Макарова на полиграфе? Думаю, такое предположение небеспочвенно.

Но, вероятно, не только это заставило Нестеренко и Богданова торопиться с проведением исследования в непроцессуальной форме. Выступая в качестве эксперта не по должности, а по процессуальному положению, любой исполнитель задания, сформулированного в постановлении о назначении экспертизы, понимает, что, подписываясь об ответственности по ст. 307 УК РФ, он рискует быть привлеченным за дачу заведомо ложного заключения, если имеет намерение фальсифицировать свое заключение эксперта.

Дальнейшее, то есть после получения результатов опроса 18.08.2010 г., поведение И.В. Нестеренко и Д.И. Богданова лишь подтверждают такое объяснение.

Последующее направление адвокатом аналогичного ходатайства от 30.08.2010 г. с просьбой о проведении психофизиологической экспертизы у «независимого эксперта» Холодного Ю.И., рекомендовавшего Макарову полиграфолога Нестеренко как квалифицированного специалиста, вполне могло иметь цель устрашения Макарова. Ведь своим отказом от повторной проверки Макаров лишил Богданова и Нестеренко перспектив получения теперь уже двойной суммы, о которой говорили в суде и подсудимый и его супруга. Юрий Холодный, зная о результатах работы своего воспитанника Нестеренко, не мог не понимать «опасности» последствий проведения такой экспертизы для себя, если, конечно же, изначально не имел в этом деле (как и Богданов с Нестеренко) материальной заинтересованности. Макарову В.В., вероятно, дали время подумать до 09.09.2010 г., хотя заключение полиграфолога было готово, судя по официальным реквизитам, уже к 02.09. Почему для формирования гражданской позиции «борца с педофилией» потребовалась неделя, хотя «изобличающее» Макарова В.В. заключение Нестеренко было готово еще 02.09.2010 г.? Можно предположить, что к 09.09, видимо, не дождавшись решения Макарова В.В. о готовности платить за повторную проверку, Нестеренко И.В. в отместку, решает подать заявление в следственные органы и приобщает к нему свое изобличающее В.В. Макарова заключение.

Но весь фокус еще и в том, что, подавая ходатайство о проведении психофизиологической экспертизы практически с тем же содержанием и по тем же основаниям, что и ходатайство от 16.08.10 г., адвокат не мог не понимать, что получит отказ. Ничего нового, кроме новых фамилий «независимых экспертов» в повторном ходатайстве не было. О том, как относится следователь к таким предложениям Богданова Д.И., отказав 19.08.10 г. в удовлетворении его первого ходатайства именно на том основании, что они исходят от заинтересованного лица, Богданову было известно. Вряд ли адвокат мог рассчитывать на то, что следователь к 30.08.10 г. изменит свою позицию по данному вопросу.

Таким образом, прекрасно понимая, что следователь не будет искать аргументы для удовлетворения ходатайства с тем же содержанием, что и отклоненное им 19.08.10 г., адвокат подает его. Зачем? И чем объяснить, что Богданов, в своем новом ходатайстве даже не вспомнил про свое, предусмотренное УПК РФ, право предлагать конкретных лиц в качестве экспертов по назначен-

ной следователем экспертизе¹³. То самое право, которое нарушил следователь, отказав в удовлетворении еще первого ходатайства Богданова с противоречащей закону формулировкой. Но «грамотный» адвокат Богданов этого нарушения просто не замечает. Чем объяснить такую его «солидарность» со следствием? Трудно найти какое-либо иное объяснение, кроме стремления запугать Макарова В.В. и заставить согласиться на дорогостоящее повторное исследование.

Собственно с ответом на повторное ходатайство Богданова получилось то, что и следовало ожидать. Следователь, не дожидаясь истечения 3-х суток, положенных для рассмотрения ходатайств, в тот же день 30.08.10 г. отказывает в его удовлетворении, особо подчеркивая при этом: *«При объективном рассмотрении указанного ходатайства установлено, что 16.08.2010 года в СО по Таганскому району СУ СК при прокуратуре РФ по г.Москве поступило аналогичное ходатайство адвоката Богданова Д.И., которое рассмотрено, 19.08.2010 года вынесено постановление о частичном удовлетворении ходатайства. В связи с чем ходатайство защитника Богданова Д.И. удовлетворению не подлежит»* (т.1, л.д. 263). Но об этом не знает Макаров В.В., который в это время находится в отпуске и его вполне можно продолжать шантажировать перспективой нового психофизиологического исследования, если он не согласится на предложение Богданова и Нестеренко.

Примечателен также тот факт, что Нестеренко на следствии в своих показаниях следователю дает объяснение, почему он отказался проводить видеозапись (протокол допроса от 14.10.2010 г.). В судебном заседании он же заявляет, что *«хотел произвести видеозапись, однако запись не получилась»* (стр. 11 Приговора). Значит ли это, что попытка производить видеозапись предпринималась, но по объективным причинам оказалась неудачной?

Ссылка полиграфолога на рекомендации криминалистики в части использования видеозаписи вообще несостоятельна, поскольку его рассуждения на эту тему никакого отношения к криминалистике не имеют (протокол допроса от 14.10.2010 г.). Нестеренко, в частности, разъясняет следователю, что *«проведение видеозаписи в ходе проведения опроса никоим образом не влияет на объект и предмет исследования и соответственно видеозапись является ни чем иным как объективным контролем в целях регистрации недопущения в отношении опрашиваемого лица к.л. противоправных либо иных деяний, которые могут*

¹³ Обвиняемые, защитники и другие участники процесса в силу п.3, части 1, ст.198 УПК РФ вправе *«ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве экспертизы в конкретном экспертном учреждении?»*

ущемлять права гражданина, который проходит опрос. В связи с тем, что при проведении опросов я никогда не допускаю ущемления прав граждан..., более того, в связи с тем, что опрос Макарова В.В. проводился в присутствии защитника Богданова, каких-либо противоправных действий или иных действий, ущемляющих права Макарова В.В. мною не производилось и видеозапись была не нужна» (т. 2, л.д. 112-115).

По смыслу сказанного И.В. Нестеренко на допросе у следователя, применение видеозаписи только тогда оправдано, когда может оказать влияние на предмет и объект исследования. Что имеет в виду «криминалист» Нестеренко под «*влиянием на предмет и объект исследования*», мне с моим 40-летним стажем научной и практической работы в области криминалистики понять невозможно. Никакая техника, даже полиграф, не может применяться в уголовном судопроизводстве с целью повлиять на объекты или предмет исследования, тем более, когда речь идет о человеческой психике. Разве что склонить опрашиваемого с применением полиграфа к признанию в совершении преступления, которого тот реально не совершал. Подобные объяснения человека, работающего, как он сам представляется «*в разделе криминалистики*», могут вызвать не только недоумение, но даже убежденность в его профнепригодности именно как криминалиста. Назначение технико-криминалистических средств состоит исключительно в том, чтобы способствовать познанию исследуемого объекта либо обеспечить наглядное отображение самого познавательного процесса с тем, чтобы исключить всякие сомнения в достоверности и объективности полученных с помощью техники результатов.

Но вот в чем нельзя не согласиться с Нестеренко, так это в том, что видеозапись, если она проводится в ходе опроса (обследования) граждан с применением полиграфа, способна стать объективным подтверждением применения полиграфологом недопустимых методов к опрашиваемому лицу, позволяет установить факт совершения противоправных действий в отношении подвергнутого обследованию гражданина. Поэтому специалисту с безупречной репутацией нечего опасаться производства видеозаписи при проверке на полиграфе. И, прежде всего, самому И.В. Нестеренко, который, как он убеждал следователя в ходе своего допроса никогда «*не допускает ущемления прав гражданина*» (т. 2, л.д. 112-115). Исходя из смысла этих рассуждений Нестеренко, можно, однако, сделать вывод о том, что опасаться применения видеозаписи при проверке гражданина на полиграфе мог только тот специалист, который вполне осознает противоправность предпринимаемых им действий, в том числе мани-

пуляций с прибором и его показаниями. Не этими ли соображениями было продиктовано решение Нестеренко И.В. не прибегать к видеозаписи обследования Макарова В.В. с применением полиграфа, либо сделать так, чтобы «она не получилась»? Оснований для такого предположения не меньше, чем для подтверждения «непогрешимости» самого полиграфолога.

Говоря о факультативности применения видеозаписи при производстве судебных экспертиз (т. 2, л.д. 112-115), И.В. Нестеренко приводит пример с дактилоскопической и трасологической экспертизой. Видеозапись при проведении дактилоскопических идентификационных исследований действительно не проводится, поскольку лишена смысла. Видеосъемка нужна там, где требуется зафиксировать динамично протекающие процессы или события, например, при проверке показаний на месте, при следственном эксперименте, осмотре места происшествия. Для наглядного отображения результатов дактилоскопической экспертизы вполне достаточно фотосъемки, что в реальности и делается экспертами. Практически ни одна такая экспертиза не обходится без фотоиллюстраций, оформляемых как приложение к заключению эксперта. А вот для трасологического исследования, имеющего цель установление механизма образования следов, видеозапись вполне уместна, впрочем, как и ее использование при производстве некоторых иных видов экспертиз. Например, для фиксации момента проявления записей на сгоревшем документе при его сжигании в муфельной печи с целью прочесть невидимый текст.

Отказ от фиксации хода и результатов психофизиологического исследования с помощью технических средств, обеспечивающих синхронную запись видео и аудиоинформации, на фоне неузвимости И.В. Нестеренко с точки зрения закона, предусматривающего уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения эксперта, но не специалиста, дает основание для выдвижения версии о фальсификации им полиграмм. Нельзя, например, исключать допечатку полиграфологом И.В. Нестеренко вопросов к обследуемому непосредственно на графиках (полиграммах), ответы на которые в действительности не имели никакого отношения к зафиксированной прибором и отобразившейся на полиграмме реакции организма В.В. Макарова, поскольку относились к другим обсуждавшимся в беседе с обследуемым вопросам, тем, что так и не были заданы В.В. Макарову в ходе тестирования на полиграфе.

Проверить и убедиться в соответствии заданных вопросов и полученных ответов показаниям прибора, которые отражены на полиграммах, можно было бы, просмотрев видеозапись. Но Нестеренко И.В. такой возможностью, судя по

его безграмотным объяснениям, не воспользовался. Без объективного и наглядного подтверждения, которое обеспечивает видеозапись, все заявления И.В. Нестеренко о достоверности полученных им показаний прибора являются голословными. Тем более, что пользовался он, как можно понять из его нынешнего статуса пенсионера, своим собственным полиграфом. Неизвестно, сертифицированным или не сертифицированным, проверенным на адекватность фиксации реакций и объективность показаний, или же «настроенным» на «выдачу» нужного результата. Этого никто не знает. Вопрос о надежности самого прибора, которым пользовался Нестеренко, и его технической пригодности к использованию в качестве регистратора физиологических реакций организма человека, ни в суде, ни на следствии, если судить по материалам дела, даже не обсуждался. На чем же, в таком случае была основана уверенность суда в достоверности полученных от И.В. Нестеренко сведений? Только на свидетельствах самого полиграфолога.

Не было обращено внимание ни следователем, ни судом и на тот удивительный факт, что все абсолютно вопросы, сформулированные адвокатом Д.И.Богдановым в его запросе от 18.08.10 г. на имя И.В. Нестеренко, практически без изменений были восприняты полиграфологом и включены в вопросники. Что скорее напоминает их коллективный труд. Так ли это на самом деле могут ответить лишь сами участники процедуры, в том числе В.В. Макаров. Между тем, некоторые из этих вопросов, по своему содержанию изначально носили провокационный характер и в принципе не могли быть заданы лицу, которому предстояло пройти проверку на полиграфе.

Сегодня уже общеизвестно, что вопросы к обследуемому должны формулироваться так, чтобы можно было дать однозначный ответ: либо «да», либо «нет». Этому правила грамотный специалист-полиграфолог не может не знать. И, тем не менее, Нестеренко И.В. адресует Макарову В.В. такой, например, вопрос: «*Вы в присутствии дочери Э. намеренно совершали половой акт?*» (т. 2, л.д. 12-20). Как должен отвечать опрашиваемый на такой вопрос полиграфолога, имея только два варианта ответа, и при этом не изоблечь себя самого в совершении полового акта в присутствии дочери? Если ответить «да», то это будет означать, что совершал «намеренно», а если «нет», то тоже совершал, но «ненамеренно». И что зафиксирует в ответ на такие вопросы «полиграф», и как следует оценивать по полиграмме ответы «да – нет» полиграфологу, если обследуемый в действительности никакого полового акта в присутствии дочери не совершал? Только по своему собственному усмотрению, основанному на

внутреннем убеждении? Такие вопросы ставят обследуемое лицо в положение заведомо виновного и поэтому недопустимы при проведении исследования с использованием полиграфа.

Не менее удивителен и тот факт, что на все абсолютно вопросы, поставленные адвокатом перед полиграфологом и воспроизведенные И.В. Нестеренко в вопросниках, были даны категорические положительные ответы, «изобличающие» Макарова В.В. во всех мыслимых и немыслимых сексуальных злодеяниях. Проницательность адвоката и полиграфолога, умудрившихся сформулировать исчерпывающий круг вопросов, ничего, кроме удивления вызвать не может. Остался «не освоенным» только один вопрос: «совершил ли Макаров изнасилование собственной дочери?» Но этот вопрос либо не был поставлен вовсе, либо ответы и реакцию на него В.В. Макарова уже позже «изъяли» из полиграмм, возможно, узнав, что в деле имеются доказательства, исключающие такое обвинение Макарова и вывод полиграфолога «да, совершал» мог бы испортить всю картину «разоблачения». И это также вопрос, который не возник бы, если бы у Нестеренко «получилась» видеозапись.

Следствие, а вслед за ним и суд призывают нас верить на слово И.В. Нестеренко, даже не пытаясь мотивировать свое решение о признании за его заключением доказательственного значения. Разнообразие интерпретаций процессуальной сущности этого документа на стадии предварительного следствия и в суде порождает сомнения в их осведомленности в вопросах теории доказательств, доказывания, доказательственного права. Для показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых и т.д., заключений специалистов и экспертов, протоколов следственных и судебных действий, наконец, вещественных доказательств уголовно-процессуальным законом установлен различный правовой режим.

Между тем, следователь признает заключение полиграфолога, полученное во исполнение коммерческого договора об оказании услуг, то есть выполненного в частном порядке, вещественным доказательством. Сам Нестеренко применяет к своему исследованию правила производства судебной экспертизы (коль скоро он пишет в заключении о вопросах, «*поставленных на экспертизу*» - т. 2, л.д. 12-20), но произведенной без постановления о назначении экспертизы, без оценки следователем компетентности сведущего лица и без подписки об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. То есть без предусмотренных законом условий, гарантирующих обоснованность примененных методов и методик, а значит и достоверность результатов проведенного

исследования. Суд воспринимает И.В. Нестеренко как свидетеля или специалиста, давшего заключение.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что оснований сомневаться и в объективности и в достоверности выводов «специалиста» И.В. Нестеренко у суда было более чем достаточно.

(3)

О достоверности и допустимости показаний и результатов обследований, проведенных Соколовой Л.А. и Николаевой Г.Н.

Уже первое знакомство с результатами психологического обследования Макаровой Э.В. педагогом-психологом Соколовой Л.А., на которые ссылается суд как на доказательство, якобы, подтверждающее вину Макарова В.В. (стр. 26 Приговора), дает основание утверждать, что эти результаты доказательством признаны быть не могут. Прежде всего, потому, что получены до возбуждения уголовного дела. О недопустимости использования таких источников сведений о фактах в качестве доказательств писали и говорили многие ученые и практические работники. В частности, авторы Комментария к УПК РФ, подготовленного под общей редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева со ссылкой на решение Верховного Суда РФ (Бюллетень Верховного Суда РФ 1996, №11, с. 6-7), особо обращают внимание на то, что недопустимыми должны признаваться все доказательства, полученные с нарушением требований УПК, к которым следует *«отнести доказательства, полученные до возбуждения уголовного дела путем проведения следственных действий, если нет на то специального дозволения УПК»*¹⁴.

Учитывая, что уголовно-процессуальный закон до возбуждения дела допускает проведение лишь трех процессуальных действий – осмотр места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ) и осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ), любые источники информации, полученные на данной стадии уголовного процесса посредством проведения иных процессуальных действий, доказательствами признаны быть не могут. Ни получение сравнительных образцов (ст. 202 УПК РФ), ни назначение и производство судебных экспертиз (гл. 27 УПК РФ), ни дача заключений и показаний специалистами (ст. 74, 80 УПК РФ), о которых в материалах уголовного дела по обви-

¹⁴ Научно-практический комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. Председателя ВС РФ В.М. Лебедева; науч. ред. проф. В.П. Божьев. - 4-е изд. М., 2008. С. 257.

нению В.В. Макарова немало сведений (см., например, т. 1., л.д. 87-88; 99-100; 123-131 и др.), на этапе доследственной проверки **недопустимы**. Впрочем, как недопустимо использовать в качестве средств доказывания результаты таких действий, проведенных до возбуждения уголовного дела.

Что касается проверочных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, то они процессуальными действиями не являются. А поэтому также не могут рассматриваться как средства собирания доказательств. Единственное назначение полученных в ходе доследственной проверки данных – это служить основанием для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. О том, что в ходе таких проверочных действий задача собирания, закрепления и проверки доказательств не решается, пишет один из авторитетных ученых-процессуалистов – профессор Безлепкин Б.Т.¹⁵ Это мнение разделяют многие другие ученые.

Так, авторы учебника Уголовно-процессуальное право РФ под редакцией заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., профессора П.А. Лупинской считают доказательства недопустимыми, если *«данные по делу получены без проведения следственных действий или из источников не указанных в ч. 2 ст.74 УПК РФ. Поэтому из материалов, полученных до возбуждения уголовного дела, доказательственное значение имеет только протокол тех следственных действий, проведение которых закон допускает до возбуждения уголовного дела»*¹⁶. О возможности собирать доказательства только посредством проведения следственных и иных процессуальных действий совершенно недвусмысленно сказано и в ст. 86 УПК РФ.

Весьма примечательно, что законодатель, регламентируя порядок возбуждения уголовного дела, даже не употребляет термин *«доказательства»*, оперируя иным термином – *«достаточные данные, указывающие на признаки преступления»* (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Именно поэтому результаты психологического обследования Макаровой Э.В., полученные в ходе двухчасовой беседы с ребенком и оформленные педагогом-психологом Соколовой Л.А., как обращение к руководителю СО СУ СКП по Таганскому району В.М. Бормотову (исх. № 877 от 29 июля 2010 г. – т. 1, л.д. 70-73), не могут быть признаны доказательствами по уголовному делу.

¹⁵ Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008. С. 113.

¹⁶ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. засл. деят. науки РФ, д.ю.н., профессор П.А. Лупинская. М., 2006. С. 230-231.

И не только по указанной выше причине, но и в связи с тем, что такой источник доказательств как письменно оформленные результаты беседы, уголовно-процессуальным законом не предусмотрен. Следователь и суд обязаны знать, что перечень источников доказательств, перечисленных в ст. 74 УПК РФ, является исчерпывающим, и не подлежащим расширительному толкованию. Психологические исследования, подобные обследованию, проведенному Соколовой Л.А., всегда относилось и относится к так называемым предварительным исследованиям, не имеющим доказательственного значения. Такой подход к оценке результатов исследования, проведенного до возбуждения уголовного дела, общепризнан¹⁷ и никогда никем не оспаривался. Удивительно, как об этом могли забыть и следователь, и судья.

Чтобы сведения о фактах, полученные в ходе расследования и судебного разбирательства уголовных дел признать допустимыми доказательствами, они должны отвечать минимум четырем обязательным требованиям: 1) доказательства могут быть собраны только надлежащим субъектом; 2) не должна вызывать сомнений законность источника полученных сведений; 3) собирание доказательств может осуществляться только посредством проведения того следственного или судебного действия, которое предусмотрено законом; 4) в ходе следственного или судебного действия должны соблюдаться установленные законом требования к порядку и условиям их проведения¹⁸. Ни одному из этих требований «заключение» Соколовой Л.А. не удовлетворяет. Поэтому ссылки на него в приговоре **бесосновательны**. Единственным способом «легализовать» результаты работы педагога-психолога в этом случае могло бы стать назначение судебно-психологической экспертизы. Такая экспертиза следователем назначалась и была проведена (т. 3, л.д. 89-90; 101-102, 132-133), однако, перед экспертами вопрос о том, совершались ли в отношении Макаровой Э.В. действия сексуального характера, следователем не ставился. Он был сформулирован Макаровым В.В. в дополнение к поставленным следователем вопросам, и

¹⁷ Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. проф. Т.А. Аверьяновой и проф. Е.Р. Россинской. М., 1999. С. 334; Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. - Изд-е 2-е, доп.. М., 2000. С. 169; Скорченко П.Т. Технично-криминалистическое обеспечение расследования. М., 1999. С. 124-125; и др.

¹⁸ Комментарий к УПК РФ (постатейный). Изд-е восьмое, переработанное и дополненное / Отв. ред.: Засл. юрист РФ, д.ю.н., проф. И.Л. Петрухин, Засл. юрист РФ, д.ю.н., профессор И.Б. Михайловская. М., 2011. С. 179. Также по этому вопросу см.: Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 107-111; Уголовный процесс. Общая часть / Под ред. д.ю.н., проф., Засл. деят. науки РФ В.З. Лукашевича. Спб., 2004. С.196; и др.

совершенно обоснованно отвергнут экспертами как не входящий в их компетенцию.

Однако тот вопрос, на который эксперты-психологи отвечать отказались, Соколова Л.А. решила за два часа, ответив на него с ничем не обоснованной категоричностью: *«Особенности выполнения Макаровой Элиной проективных методик косвенно указывают на то, что девочка вовлечена в сексуальное взаимодействие со значимым взрослым, то есть тем, к кому девочка привязана, кому доверяет и кто осуществляет за ней уход»* (т. 1, л.д. 73). Нетрудно догадаться, кого имеет в виду Соколова Л.А.

Обращает на себя внимание позиция суда по данному вопросу. Так, на стр. 26 Приговора судом приводятся аргументы, которые должны были опровергнуть доводы защиты о недопустимости использования результатов обследования, проведенного Соколовой Л.А. в качестве доказательств: *«С доводами защиты о том, что ... результаты психологического обследования потерпевшей Макаровой Э.В., составленные педагогом-психологом ЦПМСС «Озон» Соколовой Л.А. не могут быть использованы в качестве доказательств, поскольку, якобы, не отвечают требованиям, предъявляемым к подобного рода документам, суд не может согласиться по следующим основаниям.*

Так, судом установлено, что результаты психологического обследования Макаровой Э.В. педагогом-психологом Соколовой Л.А. были составлены на основании запроса следователя Лопалева Д.Н. по итогам ее беседы с Макаровой Э.В. 26 июля 2010 года в больнице в целях выявления у нее признаков вовлечения в сексуальные отношения с использованием соответствующих методик. Соколова Л.А. пришла к выводам, которые отражены в акте обследования и которые она подтвердила в ходе судебного заседания.

Исходя из указанных обстоятельств, данные результаты обследования отражают лишь мнение специалиста по определенным вопросам, которые подлежат оценке наряду с другими собранными по делу доказательствами и, поэтому, оснований, предусмотренных законом, для его исключения из числа доказательств не имеется».

Такие аргументы суда иначе как курьезными назвать трудно. Оказывается любого рода «мнения» (по всей видимости, включая бредовые) достаточно оценить в совокупности с другими собранными по делу доказательствами, чтобы придать этим «мнениям» статус доказательства.

Обращает на себя внимание тот факт, что суд рассматривает результаты проведенного Соколовой Л.А. обследования Макаровой Э.В. как ответ на за-

прос следователя Лопалева Д.Н. *в целях выявления у нее признаков вовлечения в сексуальные отношения*. Между тем, в самом запросе следователя (т. 1, л.д. 69) ни такой, ни какой-либо иной формулировки вопросов обнаружить не удалось. В нем содержится лишь просьба выдать заключение педагога-психолога Соколовой Л.А. по исследованию Макаровой Э.В., проведенному ею 26.07.2010 г. По свидетельству самой Соколовой Л.А. *«следователь пригласил ее для выяснения, совершались ли в отношении девочки сексуальные действия»* (стр. 9 Приговора). Это, надо полагать, было устное предложение. Следователь, очевидно, понимал, что предлагать специалисту ответить на правовые вопросы недопустимо.

Суд ничуть не смущает и ссылка на дату проведения обследования, на то, что «мнение» специалиста Соколовой Л.А. высказано до возбуждения уголовного дела и уже только по этой причине не может рассматриваться в качестве доказательств, что ни в какую процессуальную форму, какого бы то ни было предусмотренного законом источника доказательств, «беседа» с потерпевшей Макаровой Э.В. облечена быть не может, какими бы методами педагог-психолог ни пользовалась, что вопрос о *«совершении в отношении малолетней девочки сексуальных действий»* – это вопрос, который не входит в компетенцию ни педагога, ни психолога, ни даже судебно-психологической экспертизы. Поскольку это вопрос о составе преступления.

«Деликатная формулировка» Соколовой Л.А. о *«вовлечении в сексуальное взаимодействие»* сути не меняет и на юридическом языке читается как *«насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетней»*. «Насильственные», потому что «беспомощное состояние», а «беспомощное состояние», потому что речь идет о малолетнем ребенке. Именно так в соответствии с уголовным законодательством квалифицируется вовлечение в сексуальные отношения малолетних детей. Таким образом, следователь, используя юридическую формулировку при постановке вопроса психологу (пусть и в устной форме), фактически поставил перед «специалистом» вопрос, решение которого не входит в ее компетенцию.

Лукавство педагога-психолога состоит еще и в том, что Соколова Л.А., видимо, опасаясь подозрений в выполнении «задания» под давлением следователя, в своих показаниях перед судом замечает: *«о подозрениях кого-либо в совершении этих действий следователь ей не говорил»*. Но тут же проговаривается: *«со слов следователя ей (Соколовой Л.А.) было известно, что в ходе осмотра в процедурном кабинете Эля закричала: папа, не надо, больно»* (стр. 9 При-

говора). Что эта фраза могла означать, если не реакцию ребенка на насилие со стороны отца, «психолог» Соколова Л.А., очевидно, решила для себя однозначно. С учетом рассказанной следователем фабулы дела об обнаружении в моче Макаровой Э.В. сперматозоидов, ничего иного, кроме как подтверждения версии обвинения от педагога-психолога не требовалось. Надо полагать, Соколова Л.А. «успешно» справилась с «заданием», подтвердив все то, что от нее ожидал услышать следователь.

Не может «мнение» Соколовой Л.А. рассматриваться и в качестве заключения специалиста, то есть в качестве процессуального источника доказательств, указанного в ст. 74 УПК РФ. И не только потому, что высказано оно до возбуждения уголовного дела и содержит ответ на правовой вопрос, но еще и потому, что основано на исследовании, которое требует назначения и производства экспертизы (на это обстоятельство уже было указано ранее при анализе заключения полиграфолога И.В. Нестеренко): «...в случае необходимости проведения исследования, - сказано в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», - *должна быть произведена судебная экспертиза*».

Само же содержание заключения «специалиста» Соколовой Л.А. и степень научной обоснованности примененных ею методов и методик компетентно оценили ее высококвалифицированные коллеги (см. стр. 32-33 Приговора; т. 4., л.д. л.д. 107-112, 122-133; и др.). Суд, тем не менее, не принял их суждения в качестве доказательств, сославшись на то, что никто из психологов, критически оценивших работу Л.А. Соколовой, «с потерпевшей никогда не беседовал» (стр. 32 Приговора). Создается впечатление, что для судей руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не указ. А ведь даже для оценки научной обоснованности экспертного заключения, не говоря уже о «суждении» или «мнении» психолога, не имеющего процессуального статуса, Верховный Суд страны (см. п. 19 указ. Постановления ПВС РФ) рекомендовал обращаться к специалистам: «*Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения*».

Очевидно, весьма кстати как для следователя, так и позже для суда пришлось вовлечение в процесс психолога Г.Н. Николаевой. Она оказалась единственным специалистом, высказавшим, также как и Соколова Л.А., категорическое мнение о «вовлечении Макаровой Э.В. в сексуальные отношения со значи-

мым взрослым». «Ведущий психолог» умудрилась не только установить состав преступления, но и идентифицировать личность «насильника»: *«По результатам общения с девочкой она (Николаева Г.Н. – А.Э.) пришла к однозначному выводу, что она (Макарова Э.В. – А.Э.) вовлечена в сексуальные отношения с отцом»* (стр. 12-13 Приговора). То есть психологу Николаевой Г.Н. хватило непродолжительной беседы, чтобы выполнить всю работу и следствия, и суда. Кто ж откажется воспользоваться таким шансом с «блеском» отрапортовать о раскрытии «преступления» и завершить расследование и рассмотрение «громкого дела», при этом ничего не делая самому?

Поражает своей беспринципностью и логика судьи Лариной Н.Г., не придавшей значения показаниям психолога Гейденрих Л.А., которая проводила психологическое обследование Макаровой Э.В. в течение трех дней - **8, 22 и 29 ноября 2010 г.** (замечу, не «двухчасовую беседу», а достаточно длительное обследование – А.Э.) и составила соответствующее заключение (т. 4, л.д. 40-42) *«о том, что ... у Макаровой Э.В. не было выявлено повышенной значимости сексуальной сферы и признаков сексуального насилия...»* (стр. 32 Приговора). Это заключение судья отвергла на том основании, что *«обследование Макаровой Э.В. проводилось, спустя более чем 3 месяца с момента вовлечения ее в сексуальные отношения»* (там же). Откуда судья взяла, что *больше трех месяцев* – исключает дачу заключения, а почти два месяца, истекших с той же даты до момента проведения обследования Николаевой Г.Н. (18.09.10) не препятствует решению того же вопроса. Чтобы это утверждать, по крайней мере, нужно быть уверенным, что диагностируемое событие имело место именно 23.07.2010 года. Иначе все расчеты судьи ничего не стоят. Между тем, в приговоре ею же написано, что преступление совершено *«в неустановленное время в 2010 году, но не позднее 23 часов 37 минут 23 июля 2010 года»* (стр. 1 Приговора). «Не позднее», значит и в январе, и в мае того же года. Значит и свое обследование Николаева Г.Н. могла проводить по истечении и трех и пяти месяцев. На каком в таком случае основании суд предпочтению отдал результатам ее 2-х часовой беседы по сравнению с 3-хдневным обследованием ребенка Гейденрих Л.А.

Беспринципность судьи Лариной Н.Г. проявилась еще и в том, с какими аргументами ею отвергнуты показания психолога Смолькиной Е.В., которая наблюдала Макарову Э.В. **с февраля по май 2010 года** и также *«не заметила признаков вовлечения ее в сексуальные отношения с отцом»* (стр. 32 Приговора; т. 4, л.д. 31). Аргументация судьи не может не удивлять своей откровенной

противоречивостью, если вспомнить ее же рассуждения относительно недопустимости иных мнений психологов, «*пропустивших трехмесячный срок*» для дачи своих заключений. По мнению суда показания и заключение Смолькиной Е.В. «*так же не опровергают вышеприведенных выводов суда о виновности Макарова В.В. в совершении вышеописанного преступления, с учетом того обстоятельства, что Смолькина Е.В. общалась с потерпевшей **ЛИШЬ в течение 3 месяцев**, при этом на момент выявления у Макаровой Э.В. признаков ее вовлечения в сексуальные отношения ее отцом – конец июля 2010 года, она не наблюдала ее **уже около 2 месяцев***» (выделено мною – А.Э.).

Куда уж детскому психологу Смолькиной Е.В. с ее трехмесячным наблюдением за девочкой по сравнению с двухчасовой беседой «ведущих психологов» Соколовой Л.А. и Николаевой Г.Н.!

Не менее удивительно выглядит и оценка судом заключения психолога Локтионовой А.В., которая также не выявила признаков вовлечения Макаровой Э.В. в сексуальные отношения с отцом (стр. 31 Приговора): «*Указанные заключение и показания Локтионовой А.В. не являются достаточным основанием для вывода о том, что в отношении потерпевшей Макаровой Э.В. вышеописанного преступления отцом совершено не было, с учетом того обстоятельства, что вышеуказанные выводы Локтионовой А.В. **объективно*** (выделено мною – А.Э.) *опровергаются вышеприведенными доказательствами, совокупность которых свидетельствует о виновности Макарова В.В.*».

Замечательный пример для последователей Лариной Н.Г., как нужно разрешать возникающие противоречия в доказательствах: *доказательство, которое представлено защитой, я не признаю только потому, что оно противоречит тем, которые я считаю достоверными и более обоснованными.* Весьма специфическое «внутреннее убеждение», когда мнение любого профессионального психолога, кроме Соколовой Л.А. и Николаевой Г.Н., отвергается на том основании, что их заключения противоречат собственному представлению судьи о событии, ставшем предметом судебного разбирательства. Кстати, совокупность всех заключений специалистов и экспертов, опровергающих выводы Соколовой Л.А. и Николаевой Г.Н., и по количеству, и по объему существенно превышают письменно оформленные результаты их двухчасовых бесед с потерпевшей.

Сказанное дает основание для вывода, что показания Л.А. Соколовой и Г.Н. Николаевой, а также результаты проведенных ими обследований девочки, доказательственного значения иметь не могут, их выводы сомнительны с точки

зрения достоверности и содержат юридическую оценку события, не входящую в компетенцию специалистов-психологов.

(4)

О достоверности и допустимости заключения судебно-генетической экспертизы № 942 от 23.08.2010 г., проведенной М.В. Исаенко.

Среди доказательств, которыми суд обосновывает свои выводы, в Приговоре среди прочих названо и заключение судебно-генетической экспертизы № 942, подготовленное экспертом М.В. Исаенко. Этому доказательству суд уделяет особое внимание, поскольку заключение Исаенко стало одним из немногих, если не единственным (не считая заключения полиграфолога И.В. Нестеренко), доказательством в уголовном деле, основанном на специальных познаниях, которое следствие и суд относят к доказательствам обвинения. Заключение судебно-генетической экспертизы Исаенко М.В., как результату именно ЭКСПЕРТНОГО, а не предварительного исследования, в приговоре уделено больше внимания, чем всем остальным доказательствам.

О проведенной Исаенко М.В. экспертизе в Приговоре упоминается часто, а именно:

1) на стр. 15, где излагаются показания следователя Лопалева Д.Н.: *«Генетическое исследование проводила эксперт Исаенко, которая затем проводила экспертизу»;*

2) на стр. 18-19, где изложены показания самой М.В. Исаенко, подтвердившей факт проведения ею экспертизы;

3) на стр. 17-18, где суд подтверждает, что Исаенко М.В. экспертизу действительно проводила;

4) на стр. 29 Приговора: *«Как следует из заключения судебно-генетической экспертизы, проведенной экспертом... Исаенко М.В. (выделено мною – А.Э.), которое она подтвердила в ходе судебного разбирательства, в ходе проведенных ею исследований было установлено...»;*

5) наконец, на стр. 29 суд формулирует вывод по результатам оценки заключения судебно-генетической экспертизы, проведенной Исаенко: *«Оснований сомневаться в достоверности проведенных экспертом Исаенко М.В. исследований и выводах у суда оснований не имеется, поскольку в судебном заседании установлено, что соответствующие исследования Исаенко М.В. действительно производила...».*

Изучение материалов уголовного дела дает, тем не менее, основания категорически утверждать, что Исаенко М.В. никакой судебной, то есть назначенной в установленном УПК РФ порядке, экспертизы не проводила. А при оформлении своего заключения № 942 (т. 3, л.д. 69-74), судя по имеющимся документам, вероятнее всего, совершила подлог, исправив даты, якобы, проведенного ею экспертного исследования. Кроме того, к эксперту (по должности, а не по процессуальному положению) Исаенко М.В. вполне можно предъявить претензии и по поводу уничтожения доказательств. Такие обвинения, разумеется, нуждаются в подтверждении фактами.

Начну с выводов суда. На стр. 25 Приговора указано: *«Как следует из материалов дела, судебно-генетическая экспертиза экспертом... Исаенко М.В. (т. 3, л.д. 69-80) была проведена на основании постановления следователя Лопаева Д.Н., входящего в состав следственной группы по настоящему уголовному делу, при этом эксперт была предупреждена об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения... Само заключение соответствует требованиям ст. 204 УПК РФ, ст. 25 ФЗ... «О судебно-экспертной деятельности в РФ».*

Если не считать указания на «принадлежность» Лопаева Д.Н. к следственной группе, то все остальное, изложенное в приговоре суда, не соответствует действительности. Чтобы в этом убедиться, обратимся к тексту **постановления о назначении судебно-генетической экспертизы**, вынесенного в день возбуждения уголовного дела, то есть **11 августа 2010 г.** (т. 3, л.д. 64-65):

«...Предоставить в распоряжение экспертов материалы:

1) Простыню бежевого цвета, полученную с актом судебно-медицинского исследования № 917.

2) Одежду (майку и трусы) Макаровой Э.В., полученную с актом судебно-генетического исследования № 874.

3) Образцы мочи Макаровой Э.В., полученные с актом судебно-генетического исследования № 874.

4) Мазок, взятый из влагалища у Макаровой Э.В. 24.07.2010 г., полученный с актом судебно-генетического исследования № 874.

5) Образцы слюны (буккального эпителия) Макарова В.В., полученные с актом судебно-генетического исследования № 918.

6) Образцы слюны (буккального эпителия) Макарова И.А., полученные с актом судебно-генетического исследования № 918».

Казалось бы, в этом перечне нет ничего, что могло бы вызвать подозрения. Все биоматериалы и возможные носители следов преступления были получены следователем и переданы на экспертизу вместе с рядом документов – актов №№ 874, 917, 918. Или, по крайней мере, со ссылкой на акты, реальность существования которых, судя по тексту постановления следователя, сомнений не вызывает. Настораживает только одно, почему следователь не указал даты, от которых составлены перечисленные акты и кем эти исследования проводились.

Чтобы восполнить этот пробел, обратимся к соответствующим документам. Оказывается, все исследования, оформленные указанными актами, проводил один и тот же человек – судебно-медицинский эксперт (по должности) Исаенко М.В., которой позже будет поручено следователем производство судебно-генетической экспертизы.

Ознакомление с содержанием всех упомянутых в постановлении о назначении судебно-генетической экспертизы актов, убеждает в том, что следователь **11.08.2010 г.** представил на экспертизу материалы (акты), которых на дату вынесения им постановления о ее производстве в природе еще не существовало. Чего, понятно, быть не может. И, тем не менее, из документов следует, что судебно-генетическое исследование мочи, мазка, майки и трусов Макаровой Э.В., оформленное актом № 874, завершилось только **13.08** (начато 30.07, окончено 13.08 – т.1, л.д. 127-128). Судебно-генетическое исследование простыни, оформленное актом под № 917, было начато только на следующий день после вынесения постановления о назначении экспертизы следователем Лопавым Д.Н., и завершено **23.08** (начато 12.08, окончено 23.08 – т.1, л.д. 129-130). Судебно-генетическое исследование слюны (буккального эпителия), оформленное актом под № 918, было начато **18.08**, то есть через неделю после вынесения постановления, в котором оно упоминается, и окончено **23.08** (т. 1, л.д. 131-132).

В криминалистике и судебной психологии феномен освещения событий, которые еще не наступили, либо о которых лицо в принципе знать не могло, называется «**виновной осведомленностью**». Это одна из разновидностей «улик поведения», распознавание которых всегда считалось вполне надежным признаком лжи либо фальсификации документов.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что все исследования, оформленные актами №№ 874, 917, 918, проводились и завершились ДО, а НЕ ПОСЛЕ вынесения постановления о назначении экспертизы, то есть еще до воз-

буждения уголовного дела. Такой вывод подтверждается, прежде всего, содержанием всех постановлений следователя о назначении биологических и генетических исследований. Таких постановлений было четыре - от 27.07.2010 г. (исх. № 874), от 28.07.2010 г. (исх. № 2156) и два постановления от 05.08.2010 г. (исх. № 917 и 918), вынесенных до возбуждения уголовного дела. В них говорится, что исследования назначаются по материалам проводимой проверки № 163пр-10 (т. 1, л.д. 123-132).

О том, что результаты исследований, оформленных актами, были известны до 11.08.2010 г., говорят и рапорты следователя Лопаева Д.Н. от 4-го и 10-го августа 2010 г., которые следователь подавал на имя Горячкиной О.О. (т. 1, л.д. 133, 134). В них он сообщает своему начальнику о результатах судебно-генетических исследований. Не обошлось, разумеется, и без курьезов. Так, в рапорте от 04.08 Д.Н. Лопаев ставит в известность О.О. Горячкину о том, что Исаенко М.В. *«при проведении экспресс-анализа на майке Макаровой Э.В. обнаружил сперму с ДНК мужского и женского пола»* (т. 1, л.д. 133). Это надо было очень постараться, чтобы в сперме «обнаружить» ДНК женского пола.

Таким образом, есть все основания полагать, что Акты №№ 874, 917, 918 позднее были фальсифицированы путем внесения изменений в даты проведения соответствующих судебно-генетических исследований, не имеющих процессуального значения. Вопрос о том, кому и зачем нужно было совершать такой подлог, имеет принципиальное значение, поскольку от его решения зависит, можно ли оформленное позже, уже после возбуждения уголовного дела заключение судебно-генетической экспертизы № 942, подписанное экспертом Исаенко М.В., использовать в доказывании. Или оно должно быть признано недопустимым доказательством. Для ответа на вопрос о возможных мотивах исправления дат на актах биологического и судебно-генетического исследования обратимся к тексту самого заключения № 942, подготовленного Исаенко М.В. (т. 3, л.д. 69-74).

Ознакомление с содержанием первой страницы этого документа, где в нижней части листа стоит подпись эксперта Исаенко М.В. о том, что она предупреждена об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, дает основание полагать, что:

Во-первых, первая страница распечатывалась как приложение к Акту № 918 за 2010 год (так написано в верхней части листа), а не к заключению судебно-генетической экспертизы. Печатаемая первую страницу текста своего экспертного заключения, Исаенко М.В., очевидно, забыла исправить реквизиты, кото-

дальше. В исследовательской части заключения судебно-генетической экспертизы № 942 читаем буквально следующее:

«Установление наличия крови, спермы на простыне – см. «Акт исследования» № 2126 за 2010 год судебно биологического отделения Бюро СМЭ ДЗМ (этот Акт датирован: начато 02.08.2010 г. окончено 04.08.2010 г. – см. т.1, л.д. 125-126 – дополнено мною – А.Э.).

Исследование анализов мочи, трусов, майки, мазка, изъятого из влагалища Макаровой Э.В. – см. «Акт исследования» № 874, 917 за 2010 год.

Исследование буккального эпителия Макарова В.В., Макарова И.А. – см. Акт исследования № 874, 917 за 2010 год» (т. 3, л.д. 71).

Этот текст исследовательской части заключения эксперта, где согласно требованиям закона должны найти отражение *«содержание и результаты исследований с указанием примененных методик»* (п. 10 ч. 1 ст. 204 УПК РФ), свидетельствует как раз о том, что Исаенко М.В. по назначенной и порученной ей 11.08.2010 г. экспертизе никаких исследований не проводила. Эксперт просто воспользовалась результатами ранее проведенных непроцессуальных исследований. И именно потому, что исследования, оформленные Актами №№ 2156, 874, 917, 918, имели место до возбуждения уголовного дела. Включать описание хода и результатов непроцессуального исследования вещественных доказательств в содержание процессуального заключения эксперта является грубейшим нарушением уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок назначения и проведения судебной экспертизы.

Но данное обстоятельство ничуть не смущает судью Ларину Н.Г. В Приговоре на стр. 25 судья этот факт даже не скрывает: *«... из показаний эксперта Исаенко М.В. следует, что до проведения экспертизы она проводила исследование представленных ей следователем объектов, о чем были составлены соответствующие акты... При проведении экспертизы она (М.В. Исаенко – прим. А.Э.) исходила из результатов тех исследований, которые были ею получены и отражены в акте экспертизы и настаивает на их достоверности».* «Актами экспертизы» судья, очевидно, называет те Акты, которыми оформлены исследования, проведенные М.В. Исаенко, как выясняется, до возбуждения уголовного дела. Если судья не понимает разницы между экспертизой и предварительным, непроцессуальным исследованием, то, видимо, она занимает не свое место.

Не обращает внимания судья и на то, что все исследования Исаенко М.В., оформленные Актами, проводились без предупреждения эксперта об уголовной

ответственности за дачу заведомо ложного заключения, что вовсе не является обязательным для непроцессуального исследования. Это еще одна причина того, чтобы Акты, на которые ссылается эксперт Исаенко М.В. в заключении судебно-генетической экспертизы № 942, были вместе с самим заключением признаны недопустимыми доказательствами. Со ссылкой на Бюллетень Верховного Суда РФ, авторы Комментария к УПК РФ указывают: *«Непредупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения признается судебной практикой основанием для признания заключения недопустимым доказательством (БВС РФ, № 8, с. 4)»*¹⁹.

Не имела Исаенко М.В. на дату проведения предварительных исследований и процессуального статуса «эксперта», потому что ни назначение, ни проведение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела уголовно-процессуальным законом не допускается. Ничего не меняют в оценке ее процессуального статуса, точнее отсутствия такового, и вынесенные следователем постановления о назначении таких исследований (от 27.07.10 г., 28.07.2010 г., 05.08.2010 г.). Все эти постановления, где следователь умудрился не только дать руководителю экспертного учреждения поручение предупредить экспертов об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, но и разъяснить им права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ (т. 1, л.д. 123-131 и след.), не могут определять статус Исаенко М.В. как эксперта в процессуальном значении этого слова.

Следователь Д.Н. Лопаев, демонстрируя свое невежество и издержки профессиональной подготовки, абсолютно не понимает разницы между экспертом по должности и экспертом по процессуальному положению. Первый, как известно, не вправе проводить экспертизу, пока ему не будет поручено ее производство на основании вынесенного следователем (судом) постановления в соответствии с требованиями ст. 195 УПК РФ. А такое возможно, повторяюсь, только по возбужденному делу. Следовательно, не обладая процессуальным статусом эксперта, Исаенко М.В. не имела и полномочий давать экспертное заключение. Значит и выводы, сформулированные в актах и перенесенные ею вместе с описанием проведенных до возбуждения дела исследований в заключение № 942 не могут быть использованы в качестве доказательств по делу. Опять же сошлюсь на мнение авторского коллектива, труд которого был подго-

¹⁹ Научно-практический комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. Председателя ВС РФ В.М. Лебедева; науч. ред. проф. В.П. Божьев. - 4-е изд. М., 2008. С. 276.

товлен под общей редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева: *«Судебная практика последовательно придерживается позиции признания доказательств недопустимыми, ... если собрание доказательств было произведено органом или лицом, не уполномоченным на соответствующее действие...»*²⁰.

Если же суд считает постановления следователя о назначении судебно-биологических и судебно-генетических исследований от 27.07.10 г., 28.07.10 г. и 05.08.10 г., достаточным правовым основанием для проведения экспертизы, а именно так можно расценить написанное в Приговоре, то их результаты (Акты) должны также признаваться недопустимым доказательством как полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, запрещающего производство этого процессуального действия на этапе доследственной проверки.

Можно предположить, что именно в стремлении придать результатам своих непроцессуальных исследований доказательственное значение, Исаенко М.В. (самостоятельно или с подсказки следователя) совершила подлог Актов, на которые она ссылается в заключении № 942 как на документы, отражающие, якобы, проведенные ею исследования в рамках назначенной экспертизы. На самом деле Исаенко М.В. создала лишь иллюзию правомерности их использования в качестве процессуальных доказательств. В действительности по постановлению следователя от 11.08.2010 г., и это можно утверждать с категоричностью, Исаенко М.В. никаких исследований не проводила. И уже только по этой причине само заключение № 942 должно быть признано недопустимым доказательством. Поэтому ссылки на него в Приговоре бесосновательны.

Не лишним было бы провести и проверку мотивов, которыми руководствовалась Исаенко М.В., сознательно внося изменения в Акты, содержащие сведения, признанные судом доказательствами, и если будет установлено, что к этому причастен следователь, то, возможно, и возбудить уголовное дело против него по ч. 3 ст. 303 УК РФ. Этот пробел было бы полезно восполнить.

Картину юридической безграмотности следователя дополняют, помимо указанного выше, и Акты получения образцов для сравнительного исследования от 4 и 8 августа 2010 г., опять же проведенного следователем до возбуждения уголовного дела (т. 1, л.д. 89-90, 99-100). Получение сравнительных образцов относится к числу процессуальных действий, предусмотренных ст. 202 УПК РФ, производство которых на этой стадии уголовного процесса запреще-

²⁰ Научно-практический комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. Председателя ВС РФ В.М. Лебедева; науч. ред. проф. В.П. Божьев. - 4-е изд. М., 2008. С. 249-250.

но. А, следовательно, и использование полученных в результате запрещенного законом действия материалов (образцов) при производстве любых экспертиз, делает заключение эксперта недопустимым доказательством.

Показательна и мотивировка судом отказа признать получение образцов мочи, одежды Макаровой Э.В. недопустимыми доказательствами. Удивительно, что эти аргументы приводит судья, юридическая квалификация которой не должна вызывать сомнений. На стр. 25 Приговора написано: *«Оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом для оценки недопустимыми доказательствами получение следователем Лопавым Д.Н. до возбуждения уголовного дела для исследования образцов мочи Макаровой Э.В., ее одежды – трусов и майки, стекла с мазком из влагалища, также не имеется, поскольку уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок получения сравнительных образцов в порядке доследственной проверки, а кроме того, в судебном заседании установлено, что указанные объекты действительно изымались следователем Лопавым Д.Н. и направлялись для исследования в экспертные учреждения».*

Отсутствие процессуальной регламентации уже есть достаточное основание для признания результатов таких действий недопустимыми доказательствами. Поразительно, но судья тот же аргумент приводит в обоснование обратного.

Между прочим, в УПК РФ и обыск, и следственный эксперимент, и многие другие следственные действия не регламентированы применительно к этапу доследственной проверки, потому что до возбуждения дела проводить их НЕЛЬЗЯ. УПК РФ предусматривает исчерпывающий перечень допустимых на стадии возбуждения уголовного дела процессуальных действий, среди которых ни производство выемки, ни получение сравнительных образцов не предусмотрены. Эти процессуальные действия регламентированы ст. 183 и 202 УПК РФ, соответственно. И то, и другое действие проводятся на основании постановления следователя. Такой, установленный законом порядок является своего рода гарантией достоверности получаемых материалов для сравнительного исследования. Несоблюдение его влечет за собой признание их недопустимыми доказательствами, равно как и всех экспертных заключений, основанных на исследовании таких объектов.

Судебная практика знает примеры именно такого решения вопроса о доказательственном значении полученных до возбуждения уголовного дела сравнительных образцов. Один из них приводится авторами учебника по уголовно-

процессуальному праву: судом «...были признаны недопустимыми доказательствами протокол изъятия и осмотра одежды потерпевшей, поскольку эти действия совершены не уполномоченным на эти действия лицом и совершены до возбуждения уголовного дела. Соответственно недопустимым было признано заключение эксперта о происхождении пятен на этой одежде»²¹.

До возбуждения уголовного дела допускается проводить только три следственных действия: осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование. Получение образцов к их числу не относится.

Между тем, заключение эксперта Исаенко М.В. № 942 и в познавательном плане мало что проясняет в деле Макарова В.В. Суд признал, что проведенными Исаенко М.В. исследованиями факт присутствия спермы в моче Макаровой Э.В. не подтвердился.

В экспертном заключении № 942, подписанном экспертом Исаенко М.В., о наличии спермы в образцах мочи вообще ничего не сказано, эксперт лишь отметила, что «категорически высказаться о принадлежности исследованного образца мочи именно Макаровой Э.В. не представляется возможным ввиду отсутствия ее образца крови или буккального эпителия» (т. 3, л.д. 74). Тем не менее, в исследовательской части своего заключения, где речь идет об исследовании представленных на экспертизу анализов мочи, эксперт Исаенко М.В., не ответив на вопрос следователя о наличии в этих образцах спермы, сослалась на некий Акт № 874, из содержания которого следует, что ни в первом, ни во втором анализе мочи Макаровой Э.В. сперма не обнаружена. Исследование, как можно понять из текста данного Акта № 874, было основано на определении простатоспецифического антигена ПСА (как позже пояснила Исаенко М.В. на допросе у следователя, ПСА является признаком присутствия в исследуемом объекте спермы - т. 2, л.д. 240). В образцах мочи (в Акте № 874 они обозначены как объекты № 1 и № 2) этот антиген (ПСА) ею обнаружен не был (т. 1, л.д. 173).

Не подтвердили наличие спермы в анализах мочи Макаровой Э.В. и последующие экспертные исследования, которые назначались и проводились в рамках предварительного расследования данного дела. В частности, повторная судебно-генетическая экспертиза, проведенная комиссией экспертов (т. 3, л.д. 223-257). Сомневаться в их юридической «чистоте» и правомерности проведе-

²¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. засл. деят. науки РФ, д.ю.н., профессор П.А. Лупинская. М., 2006. С. 235.

ния не приходится, в отличие исследований М.В. Исаенко, о чем было сказано выше.

Что касается других объектов исследования, проведенного Исаенко М.В., то использованный ею тест по обнаружению ПСА, например, на майке и в мазке, не дает оснований для однозначного ответа на вопрос о наличии на этих объектах спермы. *«Полученный результат, - пишет в своем заключении специалист, кандидат биологических наук Ефремов И.А., – нельзя считать достоверным... Выявление простатоспецифического антигена не может однозначно свидетельствовать о наличии спермы»* (т. 4, л.д. 78).

Не отличаются конкретностью и ряд других выводов эксперта М.В. Исаенко, положенных в основу Приговора, где на стр. 17-18 раскрывается содержание заключения молекулярно-генетической экспертизы, проведенной экспертом бюро СМЭ ДЗ Москвы М.В. Исаенко. Среди выводов есть и такой: *«...по ряду тестов в данном препарате определяются только генотипические признаки, характерные для женщины, которой принадлежит образец мочи, что может свидетельствовать о крайне низком содержании генетического материала спермального происхождения в исходном объекте исследования (ниже порога чувствительности используемых методов анализа). Таким образом, с известной долей определенности можно сделать вывод о том, что в исследуемом мазке присутствие биологического материала Макарова В.В. не исключается...Однако конкретизировать этот вывод не представляется возможным...»* (выделено мною – А.Э.).

Получается, что если обнаружить не удалось в силу ограниченности возможностей современных познавательных методов и средств, значит, по логике судебно-медицинского эксперта Исаенко М.В., нельзя исключать, что необнаруженное все же присутствует в исследуемом материале. Исключать, конечно, же, нельзя. Тем не менее, вывод о том, что *«обнаружить не удалось, значит, не исключается присутствие»* - это не экспертное заключение, это гадание. Признавать за такими «экспертными» формулировками доказательственное значение – значить уподобляться знахарям, гадалкам и прочим шарлатанам.

Не скрывает характер своих выводов как вероятностных и сама М.В. Исаенко. На стр.18-19 Приговора излагаются ее показания: *«...в связи с недостаточностью ДНК материала, полученного из мазка ... достоверно идентифицировать принадлежность их ... Макарову В.В. возможным не представляется, в результате чего она (Исаенко) ... пришла к вероятностному выводу, что сначала отразила в акте исследования, затем в заключении экспертизы ...»*.

Следовательно, выводы Исаенко М.В., являясь вероятностными, уже только по этой причине не могут быть положены в основу Приговора. Ровно об этом говорится в п. 3 Постановления ПВС РФ «О судебном приговоре»: *«В соответствии ст. ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях...»*. О сомнительном доказательственном значении вероятностных выводов судебных экспертиз неоднократно говорилось и в специальной литературе²².

Тем более удивительны рассуждения судьи, весьма своеобразно оценивающей заключение Исаенко М.В.: *«При этом то обстоятельство, что в ходе проведенных экспертом Исаенко М.В. исследований следы на представленных ей объектах оказались израсходованы, суд считает, не являются достаточным и предусмотренным уголовно-процессуальным законом основанием для исключения составленного ею заключения из числа доказательств по настоящему уголовному делу»* (стр. 25 Приговора).

Возможно, факт «израсходования следов» и не является достаточным основанием для признания их носителей недопустимым доказательством, но только если расходование следов произведено с соблюдением требований уголовно-процессуального закона. Понятно, что вещественные доказательства, признанные таковыми в установленном УПК РФ порядке, в ходе экспертного исследования могут быть изменены, отчасти израсходованы, и даже уничтожены в результате применения разрушающих методов исследования. Но на каком основании Исаенко М.В. эти методы применяла? Такая вольность сведущего лица категорически запрещена законом. В п. 3 ч. 4 ст. 57 кодекса прямо записано, что эксперт не вправе *«проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств»*.

Тем более, недопустимо применение разрушающих методов исследования при проведении предварительных исследований. Об этом говорится во всех ведомственных инструкциях, адресованных экспертам государственных судебно-экспертных учреждений. Трудно поверить в то, что эти правила не были известны эксперту М.В. Исаенко или следователю. И, тем не менее, в материалах уголовного дела не удалось обнаружить ничего, что могло бы свидетельствовать о согласовании судебно-медицинским экспертом Исаенко М.В. вопроса о

²² Уголовный процесс. Общая часть / Под ред. проф. В.З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 257; Криминалистика / Под ред. проф. Т.А. Седовой и проф. А.А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 597; Курс криминалистики в 3-х томах. Т. 1 / Под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. СПб., 2004. С. 670 и др.

применении методов, которые привели к утрате следов, со следователем Лопавым Д.Н.

Но тогда, что, спрашивается, приобщал следователь к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств через полгода после их изъятия (см. постановление от 04.02.2011 г. - т. 4, л.д. 335)? Предметы, которые в силу п. 1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ признаются вещественными доказательствами при условии, если стали носителями следов преступления? Но по этому признаку ни контейнеры с мочой, ни мазок таковыми признаны быть не могут, поскольку еще в начале августа 2010 года, как установил суд, следы на них оказались уничтожены несанкционированным применением М.В. Исаенко разрушающих методов исследования. Уничтожение доказательств, как известно, является одним из способов их фальсификации. Можно лишь предположить, что именно утрата следов в результате несанкционированного применения экспертом Исаенко М.В. еще до возбуждения уголовного дела разрушающих методов исследования, вынудила ее, надо полагать не без участия следователя, совершить подлог. Предположение более чем обоснованное, если учесть, что с утратой следов повторить исследования в рамках назначенной 11.08.2010 г. судебно-генетической экспертизы уже стало невозможным. Поэтому нельзя исключать, что, будь экспертиза биологических материалов проведена надлежащим образом, то и анализы мочи, и мазок, и одежда ребенка могли стать доказательствами защиты, а не обвинения. И вина за утрату доказательств целиком лежит на следователе и эксперте.

Поразительно, однако, с какой легкостью судья оценивает факт отсутствия следов спермы в анализах мочи ребенка, подтвержденный, кстати, всеми экспертами-генетиками (т. 3, л.д. 223-257): *«То обстоятельство, что в ходе указанных экспертных исследований в моче не были обнаружены сперматозоиды, суд считает не является достаточным основанием для вывода о том, что таковых изначально в ней не было, с учетом вышеприведенных показаний свидетелей – сотрудников ДГКБ им. Св. Владимира, а также показаний эксперта Иванова П.Л. о возможном их разрушении на момент ее исследования, что также следует из заключения повторной судебно-генетической экспертизы...»* (стр. 25 Приговора, выделено мною – А.Э.).

Логика убийственна по своей легкомысленности даже для обывателя, не говоря уже про федерального судью, от которого часто зависит судьба человека. Судья, очевидно, забыла и про презумпцию невиновности, и про руководящие разъяснения высшей судебной инстанции. Между тем, Пленум Верховного

Суда РФ в своем постановлении «О судебном приговоре» указал (см. п. 4): *«По смыслу закона в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления...»*²³.

Ссылка на показания свидетелей из числа сотрудников больницы им. Св. Владимира, обнаруживших сперматозоиды в моче ребенка, не может заменить экспертизу. И именно потому, что для установления данного факта требуются специальные познания, реализуемые в установленной УПК РФ форме, а не свидетельскими показаниями.

А вот как суд разрешает противоречия в результатах экспертизы Исаенко М.В., и повторной судебно-генетической экспертизы, проведенной в сентябре 2010 года комиссией высококвалифицированных экспертов, пришедших к выводу, что ни мазке, ни на других объектах, кроме простыни, изъятой в ходе обыска у Макаровых, сперма не обнаружена (т. 3, л.д. 223-257): *«Заключение же повторной судебно-генетической экспертизы, как установлено судом, не опровергается заключением судебно-генетической экспертизы, проведенной экспертом Исаенко М.В.»* (стр. 29 Приговора).

Вот уж воистину **«не опровергается»**, я бы даже добавил, что и не может опровергаться, поскольку заключение М.В. Исаенко предшествовало производству повторной экспертизы, кстати, назначенной в связи с обнаружившимися противоречиями в экспертном исследовании М.В. Исаенко. Об этих противоречиях, как основании принятия соответствующего решения, говорится в мотивировочной части постановления о назначении повторной экспертизы, вынесенном Горячкиной О.О. (т. 3, л.д. 206-207). Естественно, эксперт Исаенко М.В. о результатах повторного исследования не знала и знать не могла, когда готовила текст своего заключения, заимствованный из результатов исследования, назначенного и проведенного до возбуждения уголовного дела. Но, несмотря на то, что результаты ее исследования, касающиеся, например, обнаружения спермы в мазке из влагалища Макаровой Э.В., вполне и компетентно опровергнуты заключением повторной экспертизы, судья находит весьма неожиданные аргументы, чтобы с ним не согласиться

²³ Постановление ПВС РФ от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре» в редакции ППВС РФ от 06.02.2007 г. № 7 см. в кн.: Комментарий к Постановлениям Пленума ВС РФ по уголовным делам / Под ред. Председателя Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессора, Заслуженного юриста РФ В.М. Лебедева. М., 2008.

В Приговоре указано: «...*заключение повторной экспертизы вполне согласуется с заключением Исаенко в том, что касается установления биологического отцовства Элины, наличия следов крови и спермы на простыне*» (что, кстати, никем не оспаривалось изначально и чему давала объяснение Т.И. Макарова – А.Э.) и далее на стр. 29-30: «*Относительно противоречий, касающихся наличия спермы на майке Макаровой Э.В. и в мазке из влагалища, согласно показаний Исаенко М.В. и эксперта Иванова П.Л., то как установлено в судебном заседании, они были вызваны тем, что эти следы были израсходованы в ходе первоначального исследования, проведенного экспертом Исаенко М.В. либо их было недостаточное количество*». Складывается впечатление, что суд искренне верит, будто совпадения в мнениях, ничего не значащих для выяснения обстоятельств события, ставшего предметом судебного разбирательства (о следах на простыне или о биологическом отцовстве Макарова В.В.), способны поколебать выводы повторной экспертизы, опровергающие выводы Исаенко М.В.

Суд, мотивируя свое решение о признании одних и отклонении других, противоречащих первым доказательств (на примере с экспертизой М.В. Исаенко), с удивительной легкостью признает их согласованность по одним вопросам, а для объяснения различий ссылается на то, что следы были израсходованы, смыты при первом исследовании.

Возникает ощущение, что для подтверждения выводов, совпадающих с мнением М.В. Исаенко, можно пренебречь фактом исследования объектов, на которых следы смыты, а для опровержения выводов того же эксперта как доказательства вины Макарова В.В., аналогичный аргумент суд считает не вполне корректным? Такая избирательность – есть ни что иное, как показатель односторонности и предвзятости исследования доказательств, проведенного судьей Н.Г. Лариной, в том числе с использованием сомнительного способа разрешения имеющихся в них противоречий. Еще один пример тому - оценка судом недостатков проведенной Исаенко М.В. экспертизы: «... *Вместе с тем, согласно показаний эксперта Исаенко М.В., не доверять которым нет оснований, соответствующие следы, подтверждающие ее исследование имелись, однако камера фотоаппарата их четко не зафиксировала, а на тест кассетах полоса изначально была очень слабая*» (стр. 29 Приговора).

Ничуть не приближают нас к уяснению обстоятельств обнаружения спермы в моче Макаровой Э.В. и показания свидетеля Н.Н. Дашкевич, на которые ссылается суд: «*При этом суд отмечает, что наличие соответствующих*

следов спермы в исследуемом материале наблюдала в ходе исследования и свидетель – лаборант Дашкевич Н.Н., что она и подтвердила в ходе судебного разбирательства» (стр. 29-30 Приговора).

Даже показания эксперта, назначенного в установленном законом порядке для производства экспертизы, и поэтому имеющего соответствующий процессуальный статус, даются для разъяснения или уточнения данного им заключения, а не для его восполнения. Показаниями нельзя восполнить пробелы и упущения проведенной экспертизы. Тем более заключение, подписанное М.В. Исаенко, нельзя восполнить показаниями свидетеля Н.Н. Дашкевич, которая, как выяснил суд, проводила совместно с Исаенко исследование, не будучи экспертом. Ни ее подписи под предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, ни подтверждения компетентности «эксперта» Н.Н. Дашкевич в материалах уголовного дела нет. Только ее свидетельские показания об обстоятельствах, установление которых с достоверностью невозможно без проведения экспертизы.

Комментарии, как говорится, излишни. При таких аргументах считать доказанным факт обнаружения спермы на представленных эксперту Исаенко М.В. образцах, да еще со ссылкой на показания свидетеля Н.Н. Дашкевич, нет ни малейших оснований.

(5)

О достоверности и допустимости показания сотрудников ДГКБ им. Св. Владимира.

Факт обнаружения сперматозоидов в моче Макаровой Э.В., поступившей в больницу с предварительным диагнозом: компрессионный перелом позвонков, и (под вопросом) «изнасилование» (т. 1, л.д. 36, т. 2, л.д. 92), стал поводом к началу доследственной проверки, которая проводилась с 24.07.2010 г. по 11.08.2010 г.

В своих объяснениях от 24.07.2010 г. работники больницы С.М. Рубель и Е.В. Пономарева подтвердили факт обнаружения сперматозоидов в анализах мочи Макаровой Э.В. (см. Объяснения – т. 1, л.д. 49, 50). Не сомневается в их достоверности и суд, заслушавший показания сотрудников и сотрудниц больницы им. Св. Владимира. У суда, говорится на стр. 26 Приговора, *«нет оснований не доверять показаниям допрошенных свидетелей Рубель С.М., Юткиной М.С., Баранова С.А., Сашкиной А.Е., Савельевой Т.Б., Авериной О.А., Озеровой М.А., Пономаревой Е.В...., поскольку сообщаемые каждым из вышеуказанных*

лиц сведения, являющиеся средством установления фактических обстоятельств дела, согласуются между собой, не противоречат друг другу, при этом каких-либо оснований для оговора им ранее незнакомого Макарова В.В. судом не установлено».

Личные наблюдения сотрудниц больницы, изложенные в их показаниях, как на предварительном следствии, так и в суде, представляя интерес, прежде всего, для уяснения событий, имевших место в ночь с 23 на 24 июля 2010 г., не могли, тем не менее, заменить полноценного исследования. Они должны были стать лишь основанием для проведения экспертизы, поскольку в данном случае требовались специальные познания в области медицины и биологии. Без проведения специального исследования считать факт обнаружения сперматозоидов в моче ребенка установленным нет достаточных оснований. Такая экспертиза была назначена 11.08.2010 г. (т. 3, л.д. 64-65), на разрешение следователь поставил ряд вопросов, в том числе и вопрос, кающиеся наличия сперматозоидов в двух анализах мочи Макаровой Э.В. (т. 3, л.д. 65). Но ни в первом, ни во втором анализе мочи сперматозоиды обнаружены не были, что эксперт Исаенко М.В. подтвердила в своих показаниях суду (стр.18-19 Приговора).

Казалось бы, вопрос исчерпан. Но в июле, получив сообщение об «изнасиловании» (такой «диагноз», хотя и под вопросом, поставила ребенку врач-травматолог С.М. Рубель), сотрудники криминальной милиции Таганского ОВД и следователь Лопаев Д.Н. еще не могли знать о результатах генетического исследования мочи. Они появятся позже. Стремление выяснить этот вопрос еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела оправдано. Тем не менее, не имея данных, достаточных для формулировки сколько-нибудь определенных выводов, и в конце июля 2010 г., и позже факт обнаружения сотрудниками больницы им. Св. Владимира в анализах мочи ребенка сперматозоидов был однозначно интерпретирован следователем. Это как раз тот случай, когда неквалифицированная работа следователя и его не критическое отношение к тому, что сообщали в своих объяснениях медицинские работники, и что нашло отражение в справке о результатах анализов мочи Макаровой Э.В., проявились достаточно наглядно.

Никто из работников правоохранительных органов, осуществлявших проверку факта обнаружения сперматозоидов в моче ребенка, в то время, судя по материалам дела, даже не задумался над тем, чем еще можно объяснить этот факт, и чем объяснить фактически пятикратное (с 1-3 до 5-7) уменьшение концентрации наблюдаемых в окуляре микроскопа сперматозоидов во втором ана-

лизе мочи Макаровой Э.В., если «источник» тот же, времени между взятием анализов прошло не более часа, и, следовательно, повторный забор мочи был произведен из ее остатков в мочевом пузыре, который вряд ли за это время существенно пополнился? Естественной убылью, растворимостью или распадом сперматозоидов за истекший час, или все же тем, что лаборантка или медсестра, предоставившая Макаровой Т.И. емкость для сбора мочи, испугавшись лишних вопросов о возможном их происхождении, более тщательно вымыла руки перед проведением повторного анализа? Тем более если учесть, что лаборантка и медсестра, видимо, только в ночь заступили на дежурство. Что они делали перед выходом на работу, никем не выяснялось, а принадлежность подсушимому сперматозоидов, обнаруженных лаборанткой Т.Б. Савельевой в моче Макаровой Э.В., с достоверностью никем не была подтверждена. Да и сама сперма в анализах мочи экспертами позже обнаружена не была.

Возможна масса объяснений и происхождения, и уменьшения количества одновременно наблюдаемых в окуляр сперматозоидов, гораздо более правдоподобных, нежели интерпретация следователем и судом факта их обнаружения в моче Макаровой Э.В. как результата эякуляции (семяизвержения) в область преддверия влагалища ребенка. Специалист-биолог, кандидат биологических наук Ефремов А.П. прямо указывает в своем заключении на возможный механизм попадания постороннего биологического материала на предметное стекло: *«...такие чужеродные загрязнения (например, биологический материал постороннего мужчины) могли возникнуть при простом касании пальцами предметного стекла в области локализации биологического материала»* (т. 4, л.д. 77).

Исключить такую возможность должен был следователь, а не сами лаборанты больницы. Но ни у следователя, ни у суда не вызвала никаких сомнений стерильность горшка-утки, лотка для сбора мочи, равно как и оборудования, которым пользовалась, проводя анализы мочи, Т.Б. Савельева. Об их «стерильности» сообщают в своих показаниях только сами участники - медсестра Аверина О.А., лаборант Савельева Т.Б. и другие. Судья в Приговоре на стр. 26-27 пишет: *«Каких-либо достаточных и убедительных данных считать, что анализы были получены неправильно, в нестерильную посуду либо при их исследовании были использованы нестерильные приборы в ходе судебного разбирательства получено не было* (интересно, на ком, по мнению суда, лежит обязанность доказывания вины Макарова В.В. – прим. А.Э.), *напротив, свидетели Аверина О.А., Озерова М.А., Савельева Т.Б., Пономарева Е.В. в своих показаниях*

ях исключили данные обстоятельства... при этом повторный анализ брался и исследовался именно в целях исключения ошибки».

И далее суд объясняет, почему пришел к такому выводу: «Также суд принимает во внимание, что Макарова Э.В. поступила в детское лечебное учреждение, в связи с чем оснований считать, что на посуде для сбора анализов мочи и на приборах, используемых в данном медицинском учреждении присутствуют следы спермы в избытке не имеется» (стр. 27 Приговора). Как понимать «в избытке» суд не разъясняет, видимо такая оценка начинается с количества от одного до семи сперматозоидов в поле зрения. Надо сказать, сделанный акцент на «избытке» весьма показателен для судьи Лариной Н.Г.

Важно, однако, другое, а именно, с каких пор стерильность материалов подтверждается свидетельскими показаниями лаборантки, которая сама же с этими материалами и работала? Неужели можно представить себе, что, нарушив, к примеру, существующие правила обращения с исследуемыми препаратами, она об этом заявит, рискуя потерять работу или, что еще хуже, подвергнуться уголовному преследованию за фальсификацию доказательств. Да и вряд ли лаборанты и медсестры больницы знали правила работы с биологическими объектами, которые могли носить на себе следы преступления. Между тем эти правила обязан был знать следователь и оперативные сотрудники, посетившие больницу утром 24.07.2010 г. в рамках проведения доследственной проверки.

Правила таковы: «Особенность следов биологической природы заключается в том, что они малозаметны и с течением времени могут менять свои свойства. При взаимодействии с внешней средой... они претерпевают ... изменения, утрачивают ряд индивидуализирующих признаков... Следы человека биологической природы... изымают в соответствии с определенными правилами, строгое следование которым позволяет предотвратить возможность взаимного загрязнения объектов. Во-первых, изъятие вещественных доказательств биологического происхождения производят в стерильных резиновых перчатках... Во-вторых для изъятия каждого объекта используется отдельные инструменты. Когда это невозможно, после окончания работы с каждым объектом инструменты обрабатывают тампоном, смоченным в этиловом спирте и затем протирают стерильным сухим тампоном...»²⁴ и т.д. Как эти правила соблюдали О.А. Аверина, Т.Б. Савельева и мать девочки – Т.И. Макарова (которая знать их никоим образом не обязана), собирая мочу для анализа,

²⁴ См., например: Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. - 2-е изд. М., 2008. С. 532-533.

чтобы исключить случайное попадание в нее сперматозоидов, следствие не выясняло.

Показания и объяснения тех, кто обнаружил сперматозоиды в моче ребенка, должны были стать лишь поводом для проверки «чистоты» собранных биоматериалов. Чтобы в этом убедиться, следовало изъять лоток, горшок-утку, образцы предметного стекла из лаборатории, устройство для центрифугирования и проч., наконец, откопировав на липкую ленту содержимое кожного покрова с рук всех тех, кто так или иначе имел контакт с емкостями, в которые собирались анализы мочи ребенка, то есть у Савельевой, Авериной и самой Макаровой, как возможных носителей биологических следов, в том числе сперматозоидов. Это правило о необходимости исключить происхождение следов преступления от лиц, заведомо непричастных к его совершению, должно соблюдаться всегда. Так, в случае обнаружения следов рук на месте происшествия, все участники следственного действия, которые могли по неосторожности оставить свои отпечатки на предметах материальной обстановки, подлежат дактилоскопированию.

Что касается аргумента о том, что в *детском лечебном учреждении, куда поступила Макарова Э.В., на посуде для сбора анализов мочи и на приборах, используемых в данном медицинском учреждении присутствие следов спермы «в избытке» невозможно*, то это утверждение суда можно было бы назвать «обоснованным», к примеру, при условии, что обслуживание в больнице осуществляется исключительно медицинским персоналом, не достигшими половой зрелости или же наотрез отказавшимся от реализации репродуктивной функции. Поскольку такое предположение абсурдно, то оперуполномоченному Фомичеву А.В. или А.В. Шибанову, посетившим утром 24.07.10 г. больницу (т. 1, л.д. 47), следовало убедиться, что в данной больнице ранее не было зарегистрировано ни одного похожего случая. И если прецеденты случались, то нужно было обратить внимание на работу врачей, лаборантов и медсестер, допускающих распространение сперматозоидов в детской больнице, а не ограничиваться получением от них объяснений (т. 1, л.д. 47).

Но оперуполномоченные даже объяснения взяли лишь у двух сотрудников больницы - С.М. Рубель и Е.В. Пономаревой, хотя исследование анализов мочи Макаровой Э.В. проводила и первой обнаружила в ней сперматозоиды лаборантка Т.Б. Савельева. Но от нее оперативными работниками Таганского ОВД объяснения получены не были, во всяком случае, таковых в материалах уголовного дела обнаружить не удалось. При том, что у сотрудников милиции в

силу ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995) были все законные основания, чтобы изъять в качестве образцов (лоток, горшок-утку, образцы предметного стекла из лаборатории и др.), исследование которых позволило бы убедиться в объективности проведенного Т.Б. Савельевой анализа. И только после подтверждения отсутствия в этих образцах посторонних частиц, в том числе сперматозоидов, можно было делать сколь угодно обоснованные выводы.

Каким все же извращенным сознанием нужно обладать, чтобы интерпретировать факт обнаружения спермы в моче ребенка исключительно как сексуальное насилие со стороны ее отца, не проверив все возможные варианты попадания спермы в анализы мочи, не исключив возможность использования в больнице по обыкновению (к сожалению) не слишком чистой посуды. Суду же оказалось достаточным показаний тех, кто имел доступ к анализам и вполне мог занести посторонние биоматериалы в анализы мочи через «грязные» руки, «грязную» посуду, возможно, того и не подозревая. Следовательно, ничего не сделав для проверки этой, вполне реальной версии, просто изъят то, что ему предоставили медицинские работники.

Почему следователь, а вслед за ним и суд, не предприняли никаких мер для проверки версии о случайном попадании сперматозоидов в мочу девочки, ограничившись свидетельскими показаниями тех, кто реально мог занести посторонние частицы (следы постороннего мужчины) в этот биоматериал? Объяснение этому одно: либо из-за низкой квалификации, либо не желая разрушать собственное объяснение причин попадания спермы в анализы Макаровой Э.В., то есть из опасения, что очень своевременная «на злобу дня» версия о причастности к этому «педофила» будет опровергнута.

Между тем, версия о присутствии в анализах мочи ребенка сперматозоидов, полностью опровергнутая результатами множества, если не всех, назначенных и проведенных по делу, судебно-генетических и судебно-медицинских экспертиз, судом признается единственно верной на основании сомнительных показаний трех работников больницы. Но именно на них суд строит свои выводы. Суд верит не результатам экспертных исследований, а сомнительным с точки зрения достоверности, показаниям. Утверждать о наличии спермы в моче ребенка, даже если медицинские работники и наблюдали в образцах нечто похожее на сперматозоиды, можно было при одном неопровержимом условии, а именно однозначно исключив их попадание в мочу иными путями, нежели тем, который сформировался в воображении следователя и судьи и описан, как способ

сексуального насилия, совершенного Макаровым В.В. в отношении собственной дочери. И не было бы дальнейших разбирательств, завершившихся осуждением человека на 13 лет, если бы следствие и суд действовали профессионально, а не возводили свои догадки в ранг доказательств.

Так, ЧТО же и, главное, КТО все-таки видел в окуляр микроскопа сперматозоиды? На этот вопрос отчасти можно ответить, проанализировав объяснения С.М. Рубель и Е.В. Пономаревой, а также их и Т.Б. Савельевой показания, данные на предварительном следствии и в суде.

События, связанные с обнаружением сперматозоидов в двух анализах мочи Макаровой Э.В., сделанных в больнице в ночь с 23 на 24 июля 2010 г., описывают многие работники больницы. Из числа тех, кто непосредственно наблюдал в окуляр микроскопа и видел эти сперматозоиды и в первом, и во втором анализе мочи, судя по материалам уголовного дела, могли быть только трое. В их числе врач-травматолог ДГКБ Св. Владимира Рубель С.М., 24.07.2010 г. сообщившая об этом факте в милицию, Савельева Т.Б. (фельдшер-лаборант ДГКБ им. Св.Владимира), проводившая исследование мочи, и врач-лаборант Пономарева Е.В. Остальные работники больницы о факте обнаружения сперматозоидов узнали от своих коллег. Тем не менее, их показания легли в основу выводов суда по делу, сформулированных в приговоре.

Прежде всего, для оценки достоверности показаний вышеупомянутых Рубель, Савельевой и Пономаревой, необходимо обратить внимание на те противоречия и абсурдные оценки, с которыми они выступили в суде. Оценки, непростительные для работников сферы здравоохранения. Так, для подтверждения своих наблюдений в окуляре микроскопа С.М. Рубель обращает внимание суда (а до этого следователя) на факт обнаружения в моче ребенка белка. *«В них (анализах) было обнаружено большое количество белка..., что также подтверждает наличие сперматозоидов в моче»* (стр. 2-3 Приговора). То же за ней повторяет и Е.В. Пономарева: *«такое количество белка могло дать только наличие в ней сперматозоидов»* (стр.7 Приговора).

Откуда такая «осведомленность» у врача и лаборанта больницы? Белок, обнаруженный в моче, прежде всего, свидетельствует о ненормальном функционировании почек, часто такие нарушения наблюдаются у лиц, страдающих сахарным диабетом, для которых белок в моче вполне распространенное явление. Появляется белок на фоне высокого уровня сахара, как в моче, так и в крови. Но сотрудники больницы им. Св.Владимира, похоже, даже не посмотрели на этот показатель в первом анализе Макаровой Э.В., а ведь там сахар присутству-

ет (т. 2, л.д. 95). В случае с Макаровой Э.В. вполне объяснимое явление. Нарушения углеводного обмена с появлением сахара в моче и существенным повышением его уровня в крови, а нередко и само заболевание диабетом, часто оказываются следствием травм и стрессов, что также должно быть известно медикам. В данном конкретном случае, когда ребенок был травмирован, такое объяснение имело все основания. Примечательно, что во втором анализе мочи у Макаровой Э.В. сахар не обнаружен, но и содержание белка снизилось почти в 10 раз. Вероятно, медицинские работники забыли, что белок в моче может появиться не только в результате полового акта, сопровождаемого семяизвержением, но и по другим, не менее веским причинам. Видимо, медицинские работники просто увлеклись сенсационной версией дежурного врача об «изнасиловании» малолетней девочки: белок – значит только сперма, а иначе, откуда белок?

Не менее удивительны и показания сотрудников больницы им. Св. Владимира, касающиеся событий ночи с 23 на 24 июля 2010 г. Даже для непосвященного останется загадкой, как работники больницы могли перепутать два функционально разных кабинета. Речь о кабинете, где в ночь на 24 июля врачами больницы проводился осмотр Макаровой Э.В. Одни говорят, что осмотр проводился в **перевязочной** (Аверина О.А., Озерова М.А.), другие – что в **процедурном кабинете** (Юткина М.С.), третья (Рубель С.М.) – в одной части своих показаний этот кабинет называет **перевязочной**, в другой – **процедурной** (стр. 2-7 Приговора). Где, в каком кабинете осматривали Э.В. Макарову - этот вопрос, очевидно, не интересовал ни следствие, ни суд. Для медицинского работника перепутать эти кабинеты невозможно, а совместить в одном недопустимо по условиям режима больницы. В процедурном кабинете должна соблюдаться идеальная чистота, поскольку там ставят капельницы и делают инъекции. В перевязочной же обрабатывают и перевязывают раны, в том числе, гнойные.

Не менее занятно выглядят и рассуждения лаборантки Т.Б. Савельевой, которая делала анализ мочи ребенка и обнаружила в ней сперматозоиды. Особый интерес в плане абсурда, представляют ее показания, касающиеся способа обнаружения в моче белка. На стр. 6 Приговора показания Т.Б. Савельевой в этой части изложены так: *«Затем она (Савельева – А.Э.) слила надосадочную жидкость и перенесла осадок на предметное стекло, которое положила под микроскоп и посмотрела в его окуляр. Посмотрев в окуляр, она увидела лейко-*

циты, эритроциты и неподвижные сперматозоиды, а также большое количество белка (1,0%)».

Как ей удалось в микроскоп увидеть белок и определить в процентах его содержание, знает только фельдшер-лаборант Т.Б. Савельева. Обычно белок в моче выявляют по результатам биохимического исследования, а не микроскопического. Можно было бы это недоразумение отнести на совесть судьи, вольно изложившей показания лаборантки в приговоре. Однако, если взглянуть на показания той же Савельевой, данные на предварительном следствии и расписавшейся об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, то обнаружится, что их содержание в точности – до слова, до буквы, до запятой совпадает с текстом Приговора (т. 2, л.д. 137-141). Отличие лишь в том, что в протоколе допроса на предварительном следствии показания Савельевой Т.Б. излагаются от первого лица, а в приговоре – от третьего. И протокол в отличие от Приговора подписан допрошенной Т.Б. Савельевой на каждой странице, в том числе и под сказанным об обстоятельствах и способе обнаружения белка в моче Макаровой Э.В.

Существенные противоречия можно обнаружить в показаниях тех же Савельевой, Рубель и Пономаревой, касающихся обстоятельств обнаружения сперматозоидов в моче Макаровой Э.В., а также в объяснениях последних двух врачей. Так, С.М. Рубель в своем Объяснении от 24.07.2010 г., которое она давала оперуполномоченному ОВД Таганского района, то есть сразу после событий прошедшей ночи, ничего не сообщает о том, как она смотрела в микроскоп и видела там неподвижные сперматозоиды. Говорится лишь то, что сперматозоиды обнаружила врач-лаборант: *«...в 01 ч. 00 м. был получен анализ мочи, взятый по экстренным показаниям, в котором были выявлены врачом-лаборантом неподвижные сперматозоиды. Был взят повторный анализ, в котором также были выявлены неподвижные сперматозоиды»* (т. 1, л.д. 49).

О своих наблюдениях в микроскоп С.М. Рубель вспомнила и впервые сообщила спустя два с половиной месяца, что зафиксировано в протоколе ее допроса у следователя 14.10.2010 г. (т. 2, л.д. 137-141). И здесь, и в приговоре одинаково воспроизводятся ее показания, из которых следует, что она (Рубель) *«лично видела»* сперматозоиды, причем, как в первом, так и во втором анализе (стр. 2-3 Приговора).

Показания травматолога Рубель С.М., тем не менее, несколько отличаются от показаний Е.В. Пономаревой, которая и на предварительном следствии, и в суде рассказывала, как были обнаружены сперматозоиды в первом и во вто-

ром анализе мочи Макаровой Э.В. (стр. 7 Приговора). Причем, и здесь показания свидетеля слово в слово совпадают с их изложением в протоколе допроса у следователя. В частности, в них говорится о том, что о своей «находке» ей сообщила Савельева, что она, Пономарева, спустилась в лабораторию, посмотрела в окуляр микроскопа и увидела неподвижные сперматозоиды... в количестве 5-7. О том, что эту «картину» наблюдала еще и Рубель, в показаниях нет ни слова. Далее Пономарева в своих показаниях описывает обстоятельства получения повторного анализа: *«было решено повторно собрать мочу, чтобы исключить ошибку»*. И опять Е.В. Пономарева про свою коллегу С.М. Рубель не упоминает, хотя та утверждала, что сама назначала оба анализа мочи. После получения повторного анализа лаборантка Т.Б. Савельева вновь обнаружила сперматозоиды, правда, в меньшем количестве и продемонстрировала их Е.В. Пономаревой. Та вновь посмотрела в окуляр и увидела... в количестве *«1-3 в поле зрения»*. И только здесь появляются сведения о том, что С.М. Рубель также видела сперматозоиды, но только во втором анализе.

Не прояснились причины расхождений в показаниях Рубель и Пономаревой после ознакомления с содержанием Объяснения, которое Пономарева, так же как и Рубель давала 24.07.2010 г. Содержание этого документа, подписанного Е.В. Пономаревой, лишь подтверждает версию о том, что С.М. Рубель, скорее всего, не видела результатов первого анализа и в окуляр микроскопа в первый раз не смотрела. В объяснении Пономаревой также нет ни слова о том, что кто-либо, кроме лаборантки Савельевой, смотрел в окуляр микроскопа и видел сперматозоиды. Сказано, что о результатах и первого, и второго анализа она (Пономарева) лишь *«доложила дежурному врачу Рубель С.М.»* (т. 1, л.д. 50-51). Но то ли для большей убедительности показаний коллег, то ли из желания участвовать в «сенсации» С.М. Рубель, возможно, просто ввела следователя и суд в заблуждение. Заметная разница в освещении одного и того же эпизода двумя работницами больницы может иметь множество объяснений, в том числе и заведомую ложь. Во всяком случае с даты представления своих объяснений (24.07.2010 г.) и до даты дачи показаний следователю на допросе (октябрь 2010 г.) прошло более двух месяцев, и у Рубель с Пономаревой было достаточно времени, чтобы согласовать свои позиции. Однако, нельзя не учитывать, что «главным действующим лицом» в истории с наблюдением за неподвижными сперматозоидами, все же была лаборант Т.Б. Савельева, которая и проводила оба анализа мочи.

Из показаний Савельевой Т.Б. по тому же эпизоду (протокол допроса от 20.10.2010 г. - т. 2, л.д. 144-145), следует, что о результатах первого анализа она сообщила только Пономаревой Е.В. и что *«Пономарева подтвердила наличие сперматозоидов. Было решено сделать второй анализ...»*. Во втором анализе ею было обнаружено уже 1-3 сперматозоида. И только после освещения результатов второго анализа в показаниях Савельевой Т.Б. появляется ссылка на Рубель: *«После меня в окуляр микроскопа смотрели Пономарева и Рубель»*. То есть опять же Рубель видела сперматозоиды лишь во втором анализе. «Картинку» с первым анализом, по словам самой Савельевой, кроме нее наблюдала только Пономарева.

Таким образом, возникает вопрос: достаточно ли было у следователя и суда оснований усомниться в искренности медицинских работников? По крайней мере, их было достаточно, чтобы проверить и устранить все противоречия в их показаниях.

На фоне вышеизложенного не стоит, вероятно, обращать внимания на такую «мелочь», как отсутствие в приговоре сведений о месте и времени совершения Макаровым В.В. преступления, хотя это те обстоятельства, которые входят в предмет доказывания и в силу закона (ст. 73 УПК РФ) должны устанавливаться в процессе расследования и судебного разбирательства дела. Причем, устанавливаться только с помощью доказательств, а не сведений, полученных до возбуждения уголовного дела от лиц, не имеющих процессуального статуса.

По сравнению с другими «нововведениями» следователя Лопалева Д.Н. и судьи Лариной Н.Г., с легкостью устранивших все сформировавшиеся в науке за десятилетия и даже столетия представления о теории доказательств и доказывании, это действительно мелочь. Так, усилиями безграмотных служителей Фемиды создаются прецеденты для таких же безграмотных их последователей, так формируется порочная практика не «доказывания» обстоятельств уголовного дела, а «усмотрения» следствия и суда, формируемого на основе предвзятого мнения, либо, что еще хуже, стремления идти «в ногу», а иногда и опережать идеи, высказанные представителями власти (даже когда такие идеи высказываются из лучших побуждений или продиктованы заботой о благе государства и его граждан).

Логика судьи в ее оценке собранных в ходе следствия и представленных в судебном заседании доказательств, скорее напоминает инквизиционный процесс, нежели правосудие. Правда, в отличие от суда над Макаровым В.В., например, средневековые «ордалии» не отнимали у подсудимого надежду на

оправдание, поскольку у человека, оказавшегося в руках средневекового правосудия, оставался все же шанс утонуть, и тем самым подтвердить свою невиновность. Судья Ларина Н.Г. такого шанса Макарову В.В. не оставила.

И последнее, на что следует обратить внимание. Со дня вынесения приговора В.В. Макарову истек почти месяц, но протокол судебного заседания так и не был представлен сторонам - участникам процесса для ознакомления. Проблема здесь не столько в нарушении трехсуточного процессуального срока, предусмотренного ч. 6 ст. 259 УПК РФ, сколько в том, что судья Ларина Н.Г., слово в слово переписав в свой Приговор содержание показаний Рубель, Пономаревой, Юткиной, Авериной, Озеровой, Баранова, Савельевой из обвинительного заключения, тем самым поставила себя (и секретаря судебного заседания Муравьеву Р.З.) в положение, когда приходится выбирать из «двух зол» одно: либо адекватно отразить в протоколе судебного заседания обстоятельства рассмотрения дела и содержание действительно прозвучавших и исследованных судом доказательств, либо – «подогнать» протокол под содержание вынесенного Приговора. В первом случае несоответствие протокола содержанию Приговора даст кассационной инстанции безусловное основание для его отмены. Во втором - основание для привлечения к ответственности секретаря судебного заседания за фальсификацию составленного ею протокола. Аудиозапись судебного разбирательства, которая, как мне известно, велась стороной защиты, может быть использована в качестве вещественного доказательства или документа, отражающего факт совершения подлога.

Можно предположить уже сейчас, что замечаний (в том числе принципиальных) на протокол судебного заседания, проведенного под председательством судьи Лариной Н.Г., будет заявлено множество и стороной обвинения (в лице законного представителя потерпевшей), и стороной защиты. Однако с не меньшим основанием можно утверждать, что никакой реакции судьи на эти замечания не последует.

Часть вторая. КАССАЦИЯ.

Глава 1. Исходные данные.

Протокол судебного заседания Таганского районного суда по делу Макарова В.В. готовился почти месяц, хотя закон ограничивает этот срок несколькими днями. После ознакомления с его текстом участники процесса и со стороны подсудимого и со стороны потерпевшей подготовили замечания на протокол и представили их судье Н.Г.Лариной. Как и следовало ожидать, никакой

положительной реакции с ее стороны не последовало, хотя многие замечания носили принципиальный характер. Все они были судьей отклонены.

Представители сторон, адвокаты и защитники приступили к подготовке жалоб на вынесенный Макарову В.В. приговор, воспользовавшись своим правом на кассационное обжалование незаконного и необоснованного приговора. В ноябре 2011 года все ждали судебного решения на поданные кассационные жалобы. Решение состоялось 29 ноября 2011 года. А через некоторое время мне передали текст кассационного определения, вынесенного судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда. Сенсации не произошло. Никто и не ждал, что приговор будет отменен.

С согласия осужденного *Макарова Владимира Владимировича* и представителя потерпевшей *Макаровой Татьяны Ивановны* я взялся за изучение нового решения, вынесенного вышестоящей судебной инстанцией, с тем, чтобы подготовить второе экспертно-правовое заключение по «делу Макарова». Передо мной стояла задача высказать свои суждения по вопросу **о соответствии судебных решений фактическим обстоятельствам дела и обоснованности выводов, содержащихся в Приговоре суда первой инстанции и Определении судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда.**

Для дачи заключения мне были представлены помимо самого кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда, дополнительно тексты всех кассационных жалоб, протокол и аудиозаписи всех заседаний Таганского суда, вынесшего 5 сентября приговор Макарову В.В., и некоторые другие материалы.

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ
(извлечение)

Г.Москва

29 ноября 2011

года

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе:

Председательствующего Колесниковой И.Ю.,

судей Буяновой Н.А., Музыченко О.А.

при секретаре Стратиевко В.А.

рассмотрела в судебном заседании от 29 ноября 2011 года кассационные жалобы осужденного Макарова В.В., адвокатов Завалько А.В. и Асташенкова О.В. (в защиту интересов осужденного Макарова В.В.), законного представи-

теля потерпевшей Макаровой Э.В. Макаровой Т.И., адвоката Колтман И.В. (в защиту интересов Макаровой Т.И) на приговор Таганского районного суда города Москвы от 5 сентября 2011 года, которым

Макаров Владимир Владимирович...

осужден по п.»б» ч.4 ст.132 УК РФ к 13 годам лишения свободы с ограничением свободы на 2 года в виде запрета на выезд за пределы города Ростова-Дону без согласия...,

Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА

Приговор Таганского районного суда города Москвы от 5 сентября 2011 года в отношении Макарова Владимира Владимировича изменить.

Переквалифицировать действия Макарова В.В. с п. «б» ч.4 ст.132 УК РФ на ч.3 ст.135 УК РФ, по которой назначить ему наказание в виде 5 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

В остальной части этот же приговор оставить без изменения, кассационные жалобы осужденного ... без удовлетворения.

Председательствующий: ПОДПИСЬ

Судьи: ПОДПИСИ

Глава 2. Общие положения.

29 ноября 2011 года судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда рассмотрела кассационные жалобы осужденного Макарова В.В., адвокатов Завалько А.В., и Асташенкова О.В. (в защиту осужденного Макарова В.В.), законного представителя потерпевшей Макаровой Э.В. Макаровой Т.И., адвоката Колтман И.В. (в защиту интересов Макаровой Э.В.) на приговор Таганского районного суда г.Москвы от 05 сентября 2011 года. Все участники процесса, обжаловавшие приговор суда первой инстанции единодушно оценивали состоявшееся судебное решение как незаконное, необъективное и необоснованное. В своих жалобах и сторона защиты, и сторона обвинения в лице потерпевшей и ее представителей настаивали на отмене вынесенного в отношении Макарова В.В. приговора.

По результатам рассмотрения кассационных жалоб судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда, не найдя «*нарушений норм уголовно-процессуального законодательства, свидетельствующих о неполноте и необъ-*

ективности предварительного и судебного следствия, либо влекущих отмену или изменение приговора», пришла к выводу о том, что «суд правильно установил фактические обстоятельства дела и сделал вывод о виновности осужденного». (стр. 20 Кассационного Определения судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 29.11.2011 года, здесь и далее «Определение»). Это означало, что своим решением суд полностью подтвердил факт совершения осужденным преступления, описание которого приводится в приговоре, вынесенном 05 сентября 2011 года Таганским районным судом г.Москвы (здесь и далее «Приговор»). А именно то, что «...Макаров Владимир Владимирович..., удовлетворяя свои сексуальные потребности, подвел свой половой член к половым органам потерпевшей (половой щели, области преддверия влагалища и самого влагалища) и, не проникая во влагалище Макаровой Э.В., произвел семяизвержение в него и его (влагалища) преддверие». (Стр.1 Приговора).

Наряду с другими обстоятельствами дела, установленными в Приговоре, приведенное описание способа совершения преступления у судебной коллегии по уголовным делам не вызвало никаких сомнений, поскольку, как записано в кассационном определении, «*всем положенным в основу обвинительного приговора доказательствам дана **ОБЪЕКТИВНАЯ** оценка*». (кассационное Определение, стр.15, выделено мною – А.Э.). С утверждения об «объективности оценки» доказательств совершения Макаровым В.В. сексуального насилия над дочерью указанным в приговоре способом, есть смысл начать анализ Определения судебной коллегии, вынесенного 29.11.2011 года

Обращает на себя внимание тот факт, что в материалах уголовного дела нет никаких сведений о том, где, когда, при каких обстоятельствах Макаров В.В. «*подвел свой половой член к половым органам потерпевшей...*». Суд в своих выводах о способе совершения преступления опирается исключительно на косвенные доказательства. А именно, на заключения двух судебно-медицинских экспертиз (в том числе комиссионной), которыми решался вопрос о наиболее вероятном механизме попадания спермы на одежду, наружные половые органы и во влагалище ребенка. При этом эксперты не устанавливали, а исходили из факта обнаружения спермы во влагалище Макаровой Э.В. и объяснений матери потерпевшей о том, что дочь лежала на кровати, где могли остаться следы спермы ее мужа. Со ссылкой на результаты этих экспертиз суд утверждает: «*попадание же спермы на наружные половые органы, в том числе во влагалище, бытовым путем без непосредственного семяизвержения в область преддверия влагалища, о чем высказала предположение законный*

представитель потерпевшей... Макарова Т.И., исключается, что следует из заключения судебно-медицинской экспертизы (т. 3, л.д. 7-10) и комиссионной судебно-медицинской экспертизы (т. 3, л.д. 35-56)». (стр. 30 Приговора, выделено мною – А.Э.).

Во-первых, влагалище, надо полагать, не относится к числу наружных половых органов женщины. Во-вторых, в выводах судебно-медицинской экспертизы, на которые ссылается суд в Приговоре, говорится прямо противоположное тому, что утверждает судья. Суть заключения судебно-медицинской экспертизы состоит в том, что *«наличие отпечатка части биоматериала (спермы) на коже ягодиц и коже наружных половых органов Макаровой Э.В. при описанных Макаровой Т.И. обстоятельствах – не исключается...»* (см. стр. 16 Приговора, выделено мною – А.Э.). Абсолютно то же самое о возможности попадания спермы на наружные половые органы Макаровой Э.В. сказано и в заключении комиссионной судебно-медицинской экспертизы, если судить по его изложению судом, а именно «НЕ ИСКЛЮЧАЕТСЯ» (стр.17 Приговора). Иными словами объяснения матери не только не противоречат, но и вполне согласуются с выводами обеих судебно-медицинских экспертиз. О какой ОБЪЕКТИВНОСТИ оценки доказательств может идти речь, если суд, ссылаясь на один и тот же источник (экспертные заключения), воспроизводит в приговоре выводы экспертов, прямо противоположные тем, к которым они на самом деле пришли по результатам своих исследований.

Уже этот пример дает основание констатировать, что описание судом в Приговоре способа совершения преступления далеко не во всем согласуется с доказательствами, исследованными в судебном заседании. А значит, оснований считать доказанным способ совершения сексуального насилия, по крайней мере, недостаточно.

Вместе с тем из заключений судебно-медицинских экспертиз, следует, что попадание спермы во влагалище, а не в преддверие влагалища и не на наружные половые органы возможно не иначе как в результате семяизвержения (стр. 16-17 Приговора). Но чтобы этот вывод экспертов интерпретировать как факт совершения сексуальных действий в отношении несовершеннолетней Макаровой Э.В., нужно, по крайней мере, с достоверностью установить наличие спермы в мазке из влагалища девочки. Единственным источником сведений об этом факте стало для суда заключение молекулярно-генетической экспертизы № 942, подписанное Исаенко М.В. Обращает на себя внимание однако то, что назначенная еще на стадии предварительного следствия повторная судебно-

генетическая экспертиза, не обнаружила в мазке следов спермы. (стр. 20 Приговора). Это противоречие суд объясняет тем, что *«следы оказались израсходованы»* в ходе первого судебно-генетического исследования, проведенного М.В. Исаенко.

Даже без учета результатов повторной экспертизы выводы эксперта Исаенко М.В. не могут не вызвать сомнений в их достоверности. Эти сомнения подтверждает сама эксперт, иллюстрируя свой вывод о наличии спермы в мазке из влагалища Макаровой Э.В., удивительными рассуждениями, в частности, о том, что по ряду тестов в препарате ДНК, полученном из мазка, *«определяются только генотипические признаки, характерные для женщины, которой принадлежит образец мочи, что может свидетельствовать о крайне низком содержании генетического материала спермального происхождения в исходном объекте исследования (ниже порога чувствительности используемых методов анализа)». Таким образом, с известной долей определенности можно сделать вывод о том, что в исследуемом мазке присутствие биологического материала Макарова В.В. не исключается...Однако конкретизировать этот вывод не представляется возможным»* (стр.18 Приговора, выделено мною – А.Э.). Других доказательств обнаружения спермы в мазке из влагалища, представленного эксперту Исаенко М.В. для исследования, в деле нет. Если обвинительный приговор основан на подобных рассуждениях эксперта, то настаивать на ОБЪЕКТИВНОСТИ оценки доказательств, как это делает судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда, можно только закрыв глаза на закон, где прямо сказано, что *«обвинительный приговор не может быть основан на предположениях...»*. (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). В нашем случае невозможность обнаружения следов по причине недостаточной чувствительности использованных экспертом методов, не может быть интерпретирована даже как вероятность их присутствия в мазке, не говоря уже о вероятной принадлежности необнаруженных следов В.В. Макарову. Для заключения эксперта подобные выводы абсурдны и представляют собой ни на чем не основанные умозаключения эксперта, противоречащие объективно полученным ею же в ходе исследования данным.

Ниже будет дана более обстоятельная оценка экспертному заключению Исаенко М.В.

Возвращаясь к кассационным жалобам на приговор Таганского районного суда, замечу, что сопоставление доводов судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда, представленных в мотивировочной части

принятого ею Определения, с материалами уголовного дела, дает основание утверждать, что многие суждения, приведенные в этом Определении, не только не опровергают сформулированных в кассационных жалобах оценок приговора как необоснованного, одностороннего и необъективного, но и сами по себе представляются в значительной части либо надуманными, либо ошибочными, поскольку во многом основываются на заведомо недостоверных или существенно искаженных фактах. Об ошибках и заведомо недостоверных выводах суда, допущенных в ходе исследования основных доказательств обвинения и, якобы, подтверждающих как событие преступления, так и виновность подсудимого (осужденного), а также о необоснованности выводов коллегии по уголовным делам Мосгорсуда, сформулированным в кассационном определении, речь пойдет ниже.

Как можно понять из содержания Приговора суда первой инстанции и Определения судебной коллегии по уголовным делам кассационной инстанции, обвинение основано на, якобы, доказанности следующих фактов:

1) Факта обнаружения спермы в моче потерпевшей, что должны были подтвердить два проведенных в больнице анализа и свидетельские показания работников больницы им. Св.Владимира, которые по их же утверждениям лично видели сперматозоиды в моче ребенка.

2) Факта обнаружения спермы в содержимом влагалища потерпевшей Макаровой Э.В., который по утверждению суда вытекает из заключения судебно-генетической экспертизы, проведенной экспертом Исаенко М.В. и факта принадлежности обнаруженной спермы подсудимому Макарову В.В., подтвержденному вероятностным выводом эксперта Исаенко (*«происхождение от Макарова В.В. не исключается»*) и умозаключением суда (*«поскольку с ребенком никто из мужчин, кроме отца, не общался»*).

3) Факта эякуляции (семяизвержения), якобы, произведенного Макаровым в область половых органов дочери (*половой щели, преддверия влагалища и самого влагалища*), с последующим затеканием спермы во влагалище, подтвержденного, по мнению суда, заключениями судебно-медицинской экспертизы о единственно возможном механизме попадания спермы во влагалище потерпевшей без нарушения девственной плевы. Суд считает, что этими заключениями дано единственно правильное объяснение факта обнаружения спермы во влагалище девочки.

4) Факта вовлечения подсудимым своей дочери Макаровой Э.В. в сексуальные отношения, подтвержденного заключением психолога Соколовой Л.А., и показаниями Николаевой Г.Н.

5) Факта совершения осужденным разнообразных действий сексуального характера в отношении своей дочери, подтвержденного заключением полиграфолога Нестеренко И.Д. Причем не только действий, вмененных Макарову В.В. судом и описанных в приговоре, но и иных развратных и насильственных сексуальных действий, не получивших оценки и подтверждения.

Все эти факты, якобы установленные судом первой и не вызвавшие никаких вопросов у судебной коллегии второй инстанции, не только не подтверждаются материалами уголовного дела, но и весьма убедительно опровергаются теми же самыми материалами, исследованными в ходе судебного разбирательства.

Помимо перечисленных выше показаний и заключений экспертов, никакие иные доказательства, признанные таковыми следствием и судом, не имели прямого отношения к выводу о совершении подсудимым сексуального преступления в отношении своей дочери указанным в приговоре способом. Первое, что обращает на себя внимание, так это то, что все перечисленные выше факты и доказательства судом первой инстанции были оценены как допустимые, относимые, достоверные, а в совокупности как достаточные для вынесения обвинительного приговора. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда подтвердила этот вывод, сформулированный в вынесенном В.В.Макарову приговоре, отвергнув все доводы кассационных жалоб.

Не найдя оснований для отмены или изменения приговора по признаку нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, судебная коллегия, все же не согласилась с квалификацией действий Макарова В.В. по ч.4 ст.132 УК РФ, поскольку, как сказано в Определении суда, в материалах дела не содержалось доказательств применения насилия к потерпевшей. И потому переквалифицировала действия осужденного Макарова В.В. на ч.3 ст.135 УК РФ, то есть на *«совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим 18-летнего возраста, в отношении лица, заведомо не достигшего двенадцатилетнего возраста»* (стр.22 определения). Переквалификация деяния на более «мягкую» статью УК РФ была произведена судебной коллегией по собственной инициативе. Отметив, что *«дело, вопреки доводам кассационных жалоб, расследовано и рассмотрено объективно и в соответствии с законом... Принципы состязательности процесса и равенства сторон судом*

обеспечены... Все представленные сторонами доказательства судом исследованы...» (стр. 21 Определения, выделено мною – А.Э.), судебная коллегия в итоге, признала приговор, вынесенный в отношении Макарова В.В., в полной мере соответствующим уголовно-процессуальному закону. (стр. 21 Определения).

Глава 3. Об объективности и законности расследования уголовного дела.

(1)

О законности и объективности следственной проверки.

1. Уже на следующий день после получения сообщения из больницы им. Св.Владимира об обнаружении в анализах мочи Макаровой Э.В. сперматозоидов следователь Д.Н.Лопаев в рапорте на имя своего начальника Бормотова В.М. пишет, будто бы у него ***«имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступлений, предусмотренных ст.ст.... УК РФ»***. На этом основании Лопаев считает необходимым ***«зарегистрировать эту информацию, провести проверку и принять решение в соответствии со ст.ст. 144-145 УПК РФ»***. (т.1, л.д. 33, выделено мною – А.Э.). Лопаев, очевидно, не знаком с содержанием ст.140 УПК РФ, в которой ***«наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления»***, названо не поводом для следственной проверки, а ***«основанием для возбуждения уголовного дела»***. Если у следователя такие достаточные данные имелись уже 24.07.2010 года, что следует из его рапорта, то нужно было дело возбуждать и использовать процессуальные средства доказывания, а не назначать ***«судебно-генетические исследования»***, имитируя процессуальный характер вынесенных им в ходе следственной проверки постановлений, которые процессуально-правового значения в действительности иметь не могут. (т.1, л.д. №№ 122-124; 127-128; 146-151). Вынесение таких ***«постановлений»*** в рамках проведения следственной проверки никаким законом не регламентировано. А сами исследования, проведенные во исполнение этих постановлений, не являются ни следственными, ни процессуальными действиями. А значит, не могут быть и средствами собирания доказательств. Ничего не меняет и название исследований, использованное в постановлениях следователя Лопаева: ***«судебно-генетические»***, ***«биологические судебные исследования»*** или ***«судебно-медицинские»***. Это такая же имитация процессуального статуса фактически непроцессуальных, предварительных исследований, как и сами постановления следователя Лопаева.

Не менее абсурдно с точки зрения уголовно-процессуального закона выглядит и содержание этих постановлений. В них следователь Лопавев не только поручает Бюро СМЭ *«разъяснить эксперту права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, но и предупредить его об уголовной ответственности по ст.307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения»* (т.1 л.д. 122-124; 127-128; 146-151; выделено мною – А.Э.). Разъяснять сведущему лицу, который в процессуальном смысле слова экспертом не является, и являться не может, права, предусмотренные УПК только для субъектов проведения судебной экспертизы, да еще и предупреждать его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения может только следователь, абсолютно не понимающий разницы между экспертом по должности и экспертом по процессуальному положению. Не говоря уже о разнице в доказательственном значении результатов предварительных (до возбуждения уголовного дела) исследований и выводов, сформулированных в заключении эксперта.

2. В кассационной жалобе адвокат А.В.Завалько указывает на недопустимость использования в доказывании протокола осмотра места происшествия, поскольку он произведен без согласия собственника жилья или временно проживающих в нем лиц (Определение, стр.2). Речь, очевидно, идет о втором осмотре места происшествия, который проводился 24.07.10 года следователем Лопавевым (т.1, л.д. 52-55), поскольку до начала первого, проведенного дежурным следователем Тонковой Н.В. несколькими часами раньше (т.1., л.д. 37- 40), письменное согласие В.В. Макарова было все же получено. (т.1., л.д. 42). Посчитав доводы адвоката необоснованными, судебная коллегия мотивировала свой вывод тем, что положения ст.ст. 164, 166, 176, 177 УПК РФ следователем при производстве осмотра места происшествия соблюдены, что в осмотре *«принимали участие понятые, права и обязанности которым разъяснены, ... Макарова Т.И., которая не отрицает данный факт. Протокол подписан всеми участвовавшими в осмотре лицами, каких-либо замечаний от которых не поступало»* (стр.18 Определения). Судя по всему, судебная коллегия, утверждая о соблюдении следователем положений упомянутых выше статей УПК РФ (ст.ст. 164, 166, 176, 177), особенно ст.177 УПК РФ, не нашла времени даже ознакомиться с содержанием соответствующего протокола осмотра места происшествия (т.1. л.д.52-54). Между тем, достаточно взглянуть на первую его страницу, чтобы убедиться: следователь при проведении осмотра места происшествия в жилище Макаровых руководствовался только *«частями первой-четвертой и шестой»* статьи 177 УПК РФ, регламентирующей порядок производства

осмотра, даже не упомянув в протоколе пятую ее часть. (см. фрагмент протокола на рис. 1. - т.1, л.д. 52).



Рис.1.

Это значит, что при разъяснении прав и обязанностей участникам данного следственного действия, положения этой части статьи уголовно-процессуального закона не были доведены до их сведения, в том числе до сведения Т.И. Макаровой. А ведь именно в ней – в пятой части ст.177 УПК РФ, положениями которой следователь Д.Лопаев отказался руководствоваться, говорится, что «осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения». Как можно что-либо опровергать в оценке адвокатом протокола осмотра места происшествия, даже не ознакомившись с содержанием самого документа? Стоит ли говорить о других менее значимых недоразумениях в аргументации судебной коллегии, указавшей в своем решении, невзирая на факты, что Лопаевым требования закона при проведении осмотра места происшествия были соблюдены. Например, по логике судебной коллегии «согласие на проведение осмотра в жилище» должно было подтвердить то, что *Макарова не отрицала факт своего участия в осмотре, ... от нее не поступало замечаний на протокол осмотра.* Причем на тот факт, что следователь проводил осмотр вопреки требованиям закона, отказавшись руководствоваться требованиями части 5 ст.177 УПК РФ, а сама Макарова Т.И. правила производства осмотра в жилище, предусмотренные УПК, знать не обязана, можно не обращать внимания. Если так рассуждать, то и обыск в жилом помещении можно провести без судебного решения, лишь бы имелось подтверждение факта присутствия при его производстве обыскиваемого лица, и под протоколом обыска была проставлена его подпись. Между тем, именно следователь Лопаев Д.Н. обязан был разъяснить Макаровой правила производства следственного действия в ее жилище, установленные УПК и требующие получить от нее согласие, как написано в законе (часть 5 ст.164 и часть 10 ст.166 УПК РФ). Вероятно, забыв о них, следователь не только не выполнил этой своей

обязанности, но и утаил соответствующие положения закона от участников данного следственного действия. Но судьи, увы, этого нарушения конституционных прав семьи Макаровых не заметили, признав осмотр места происшествия в их квартире 24 июля 2010 года вполне законным.

Что до результативности осмотра в квартире Макаровых, то следователем Лопаевым Д.Н. изъята была только простыня с пятнами бурого цвета (т.1, л.д.53). Ни детская одежда, ни одежда самого Макарова В.В. внимание следователя не привлекли. Эти возможные носители следов сексуального преступления, которые согласно всем методическим рекомендациям по расследованию данного вида преступлений должны в обязательном порядке изыматься, судя по всему, нисколько следователя Лопаева не интересовали. Они, вероятно, так и остались лежать там, где их обнаружил следователь – на стиральной машине и на полотенцесушителе: *«В ванной на стиральной машине лежат чистые (интересно, как следователь это определил ???) трусы (мужские), на стене справа на полотенцесушителе развешаны трусы и другое детское белье, которое находится в чистом и сухом состоянии».* (т.1, л.д. 53). Между прочим «сухое состояние» одежды только способствует сохранности и не только биологических следов, в том числе спермы, но и микрочастиц, микроволокон ткани, свидетельствующих о контактном взаимодействии с жертвой преступления. Ни химчистка, не говоря уже о простой стирке, как правило, не препятствуют обнаружению и исследованию таких следов. Судя по результатам работы на месте происшествия (отсутствию таковых) и протокольному описанию хода его проведения, у следователя Лопаева ни знаний методики, ни какого бы то ни было практического опыта расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, откровенно сказать, не обнаруживается.

3. Интересна с точки зрения «объективности» проверки сообщения о преступлении и интерпретация следователем Лопаевым Д.Н. полученных от эксперта Исаенко М.В. сведений о некоторых результатах исследования мочи Макаровой Э.В., положенных в основу решения о возбуждении уголовного дела. Накануне вынесения соответствующего постановления, а именно, 10 августа 2010 года Лопаев подает рапорт на имя Горячкиной О.О., исполняющей обязанности руководителя СО по Таганскому району. (т.1, л.д. 134). В нем следователь пишет: *«10.08.2010 г. мною был осуществлен телефонный звонок по номеру... эксперту Исаенко М.В., проводящей судебно-генетическое исследование по данному материалу. В ходе телефонного разговора Исаенко М.В. пояснила,*

что в одном из анализов МОЧИ... Макаровой Э.В., обнаружена СПЕРМА с ДНК мужского пола» (выделено мною – А.Э.). Как выяснилось позже, в том числе и при допросе Исаенко, ни в первом, ни во втором анализе мочи сперма обнаружена не была. В судебном заседании вопрос о том, кто из двоих лжет – следователь Лопаяев или эксперт Исаенко – выяснялся особо. Лопаяев продолжал настаивать на том, что сведения о «сперме в моче ребенка» получил от Исаенко (*«какую информацию сообщали, такую и писал»* - Протокол судебного заседания от 03.08.11 стр. 8. Здесь и далее – «Протокол»), а эксперт убеждала суд в том, что не могла сказать следователю такого. (*«Я категорически утверждаю, что я не могла сказать так, как записано в рапорте»* - Протокол от 28.07.11 стр.12). Но противоречие так и не было разрешено. Однако это не помешало суду заключить о законности и обоснованности возбуждения уголовного дела.

В материалах доследственной проверки, кроме отмеченного выше, можно обнаружить не менее красноречивые подтверждения низкой квалификации следователя Лопаяева и незаконности предпринятых им действий. Но своего апофеоза они достигли уже в стадии предварительного расследования «дела Макарова».

(2)

О законности и объективности предварительного следствия.

Начну с оценки следствия как проведенного *«объективно и в соответствии с законом»*. Работа правоохранительных органов началась в ночь с 23 на 24 июля 2010 года после получения телефонограммы из детской больницы им. Св.Владимира. Время ее поступления в Таганское ОВД 02 часа 29 минут (т. 1 л.д. 36). В телефонограмме сообщалось, что по результатам проведенных анализов в моче ребенка – Макаровой Э.В., поступившей в больницу с подозрениями на компрессионный перелом позвонков, обнаружены сперматозоиды. Это сообщение в силу ч.1 ст.140 УПК РФ стало поводом к возбуждению уголовного дела и основанием для проведения доследственной проверки (ст.144 УПК РФ).

О том, как в таких случаях должен действовать следователь, получивший сведения о происшествии из дежурной части ОВД, учат во всех юридических учебных заведениях. А должен он незамедлительно выехать на место обнаружения вероятных следов преступления для производства следственных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела. А именно, для осмотра места происшествия с целью процессуального закрепления и изъятия всех потенциальных носителей следов преступления и выяснения иных обстоятельств,

имеющих значение для уголовного дела (ст.176 УПК РФ), а также для проведения процессуального освидетельствования девочки с привлечением врача в целях обнаружения на теле ребенка следов преступления, телесных повреждений и выяснения иных обстоятельств дела (ст.179 УПК РФ). Тем более, что в телефонограмме, полученной Таганским ОВД помимо компрессионного перелома позвонков, был указан диагноз «изнасилование» под вопросом. (т.1, л.д.36).

Ничего этого, однако, «объективным и законным» следствием сделано не было. Дежурный следователь Тонкова через два часа после получения телефонограммы направилась на квартиру к Макаровым для проведения осмотра места происшествия, который окончился безрезультатно (т.1 л.д. 36), а двое оперативных сотрудников выехали в больницу для получения объяснений у врачей Рубель и Пономаревой, забыв, между прочим, опросить «главное действующее лицо» - лаборантку Савельеву, которая проводила исследование мочи девочки и обнаружила в ней, как записано в приговоре, сперматозоиды. Сами анализы мочи, в которых, якобы были обнаружены сперматозоиды, пролежали в больнице двое суток и только 26 июля 2010 года были «выданы» лечащим врачом С.А.Барановым по запросу следователя Д.Н.Лобаева, он же – следователь их и получил (т.2, л.д. 110). При этом никакого описания, что получено следователем, в каком количестве, каковы индивидуализирующие признаки контейнеров с мочой (пояснительные надписи с указанием, чьи это анализы), в материалах дела нет. Переложив на работников больницы свои обязанности по закреплению и изъятию «следов преступления», следователь лишился возможности получить процессуально безупречные доказательства. Действительно ли эти анализы мочи принадлежали Макаровой Э.В. или кому-то другому, следователь, получивший их на руки, не проверял, удовлетворившись, очевидно, устными заверениями тех, от кого он эти анализы получил. Не была процессуально установлена принадлежность этих анализов потерпевшей и первым судебно-генетическим исследованием, проведенным Исаенко М.В. (т.1 л.д.139). И только повторная судебно-генетическая экспертиза, проведенная комиссией экспертов, подтвердила факт происхождения представленных на исследование анализов мочи от потерпевшей.

А вот о том, чего стоят рассуждения суда о стерильности посуды и условий взятия анализов мочи у ребенка (Приговор, стр.26-27), можно понять из заключения двух специалистов – кандидата медицинских наук, профессора Шербакова В.В. и доктора биологических наук, профессора Корниенко И.В.:

«1. Представленные на исследование два анализа мочи, полученные с разницей во времени 20-30 минут, в случае правильного забора при проведении анализа и соблюдении методики проведения анализов не могут различаться таким кардинальным образом.

2. Разные анализы мочи..., которые были представлены на исследование, могут свидетельствовать либо о том, что это анализы двух разных людей, либо при проведении анализов была использована грязная посуда, либо при проведении этих двух анализов не были использованы строго стандартизированные методы исследования. При этом диагностическая ценность результата «обнаружения» сперматозоидов в моче Макаровой Э.В. в судебно-медицинском отношении представляется ничтожной в связи с тем, что он не подкреплен исследованием в соответствии с действующими методическими стандартами». (т.4, л.д. 55).

Небезынтересно отметить еще один примечательный факт. А именно, во всех материалах экспертиз и исследований, а проводились они в июле-октябре 2010 года, исследование мочи обозначено как «исследование вещественных доказательств». Увы, но таковыми анализы мочи на момент проведения исследований не были. Носители следов приобретают статус вещественных доказательств только после их следственного осмотра с участием понятых, вынесения постановления о признании таковыми и приобщении вещественных доказательств к материалам уголовного дела. Следователь Лопаев действительно и осматривал контейнеры и выносил постановление, но только через шесть с лишним месяцев после их получения в больнице, точнее 04 февраля 2011 года (т.4, л.д.331-338), и не «ДО», а после проведения всех экспертиз. То есть уже тогда, когда в них ни самой мочи, ни «следов преступления» не осталось. Трудно поверить, что времени на процессуальное оформление вещественных доказательств, требуемое законом, у следователя Лопаева не хватило. Экспертные заключения, как известно, оцениваются не только с точки зрения обоснованности выводов, но и с точки зрения доброкачественности представленных на исследование объектов. Выводы эксперта, основанные на исследовании полученных непроцессуальным путем до возбуждения уголовного дела и поэтому не имеющих процессуального статуса материалов, происхождение которых достоверно ничем не подтверждено, не могут быть безоговорочно признаны источником доказательств. Это опять же к вопросу о безусловно с точки зрения суда и объективно проведенном расследовании дела.

Таким образом, следствием были упущены возможности для процессуального закрепления следов «преступления» и придания им доказательственного значения. Иными словами, Макаров В.В. стал заложником ошибок, допущенных следствием, и не только не обнаруженных судом двух инстанций, но и приумноженных ими в своих решениях, оценивших проведенное расследование уголовного дела как законное и объективное.

То же самое можно сказать и о мазке из влагалища, якобы принадлежащего Э.В. Макаровой. Вместо того, чтобы безотлагательно провести освидетельствование потерпевшей в соответствии с требованиями ст. ст. 179-180 УПК РФ (допускаемого до возбуждения уголовного дела), привлечь врача-гинеколога к производству процессуального освидетельствования в качестве специалиста, о чем говорят выработанные наукой криминалистические рекомендации по расследованию половых преступлений, следствие перекладывает свои процессуальные обязанности на медперсонал детской больницы и привлеченного ими же (а не следователем) гинеколога Сашкину А.Е. В протоколе судебного заседания от 28.07.10 стр.23 свидетель Сашкина описывает, как брала мазок у девочки. *«Мазок был перенесен на стекло, помещен в конверт белого цвета, к нему я прикрепил бланк направления, положила в контейнер, а контейнер в сейф. Потом приехали сотрудники прокуратуры и забрали мазок»*. Кто, когда изъял стекло с мазком Сашкина не знает, но при этом «весьма кстати» приводит пример, как однажды в больнице перепутали мазок взрослой женщины с мазком ребенка. Из протокола судебного заседания мы узнаем, кроме того, что сам инструмент для взятия мазка – *«желобоватый зонд»* ими никогда не передается следствию, а следователь даже не поинтересовался этим «носителем следов», как первоисточником, содержащим намного больше биоматериала, нежели то, которое было намазано на предметное стекло и передано следователю неизвестно когда и кем. Никаких сведений о том, что следователь получил мазок, принадлежащий именно Макаровой Э.В., ни в медицинской карте, ни в материалах уголовного дела обнаружить не удалось. Есть лишь ни на чем не основанное, а вернее – полностью искажившее смысл реально сказанного, утверждение судебной коллегии по уголовным делам, будто бы врач-гинеколог Сашкина в судебном заседании подтвердила, что мазок Макаровой Э.В. был получен следователем (стр.18 Определения). В протоколе есть запись сказанного Сашкиной, несколько отличающаяся от текста кассационного определения: *«насколько мне известно, его изъял следователь...»*. И никакого утверждения. Утвердительная форма сказанного о передаче мазка следователю

– это не более, чем фантазии, противоречащие даже протоколу судебного заседания, где излагаются показания врача-гинеколога. В нем написано, что Сашкина на вопрос защитника Асташенкова О.В. о том, кто передает мазок представителю прокуратуры, *«вы передаете?»*, ответила: *«Нет, сотрудники приемного отделения»*. (Протокол от 28.07.2011 года, стр. 24). Если верить протоколу, то, помимо разъяснений, кто передает мазок, Сашкина в суде говорила также: 1) что выдают они «материал» по акту (никакого акта, однако, в материалах дела нет); 2) что мазок хранится не у нее, а в приемном отделении, что сама она, после того, как положила предметное стекло с мазком в контейнер, больше его не видела; (на фонограмме есть дополнение: *«поместила данное стекло в контейнер, контейнер не стерильный, многоразовый. Кто выдавал контейнер со стеклом мне неизвестно, но не я...в этот день дежурила не я. Выдавала не я»*); 3) что никакой особой упаковки для сохранности мазка они не используют, а иных мер предосторожности не предпринимают, потому, что этого никто от них не требует; 4) что для сохранности предметного стекла с биоматериалом не используют даже покрывное стекло; 5) что предметное стекло берут руками, правда, осторожно, стекло помещается в конверт; 6) что выдают они следовательно только одно стекло с мазком, то есть без контейнера. (Протокол заседания от 28.07.11 г., стр. 24) . Соблюдая такие «правила» изъятия мазка из влагалища Макаровой Э.В., и «способ» передачи его следовательно «по Акту», которого никто, судя по материалам дела, не видел, на стекле можно было обнаружить все, что угодно. В том числе сперму самого Лопалева Д.П., который неизбежно должен был брать стекло в руки (получал ведь без контейнера), а мыл ли он их перед этим, никто не знает.

Так, что же в таком случае подтвердила врач – гинеколог Сашкина в судебном заседании относительно передачи мазка Макаровой Э. следовательно? Если руководствоваться материалами уголовного дела, то ничего мы не узнаем, кроме подтвержденного врачом факта, что в тот день она вообще не работала и знать не знает, кому конкретно и какой мазок был выдан по запросу следователя Лопалева. Если слова свидетеля: *«насколько мне известно»*, имеют пояснения *«выдавала не я, кто не знаю, я в тот день не работала»*, превращены судебной коллегией в категорическое: *«свидетель подтвердила, что мазок выдан следователю»*, то не стоит удивляться окончательным оценкам кассационных жалоб на приговор, вынесенный В.В.Макарову. Но при чем здесь «законность» и «объективность»? Подобные умозаключения, вероятно, называются иначе.

Смотрим дальше. В описании процедуры получения мазка врач-гинеколог Сашкина даже не упомянула о каких бы то ни было реквизитах или пояснительных надписях, которыми обычно снабжаются такие объекты. Гинеколог, хотя в суде и говорила о документации – акте – по которому мазок должен был передаваться следователю, но самого акта передачи, как уже отмечалось выше, обнаружить в материалах дела не удалось. На каком в таком случае основании все, начиная со следователя и кончая судом, утверждали, будто бы на судебно-генетическую экспертизу, обнаружившую сперму в мазке, направлялся мазок из влагалища именно Макаровой, а не чей-то другой. В справке гинеколога Сашкиной от 24.07.10 о результатах осмотра девочки в приемном отделении Измайловской б-цы про мазок вообще ничего не сказано (т.1, л.д.51). В постановлении следователя о назначении судебно-генетического исследования от 05.08.2010 года (т.1, л.д.127-128) в разделе с описанием предоставленных материалов в п.5) говорится о мазке, взятом у Макаровой Э.В. 24.07.2010 года и упакованном в белый конверт, но также без каких-либо пояснительных надписей. О существовании таковой мы узнаем только из Акта №874. Здесь также дано описание представленных на исследование объектов. В п.2.: *«Стандартный почтовый конверт из бумаги белого цвета... к конверту скобой прикреплен типографский бланк анализа... с рукописным текстом: «...24.07.10... Миронова Элина ... 7 лет... приемное на сперму...»*. (т.1, л.д. 136, выделено мною – А.Э.). То же самое про «Миронову», а не Макарову написано и в Заключение судебно-генетической экспертизы №942 (т.3 л.д.70), и в заключении повторной судебно-генетической экспертизы (т.3 л.д. 226). Когда и кто прикрепил этот типографский бланк к конверту, установить по материалам уголовного дела не представляется возможным. И кто написал фамилию: *«Миронова»*, вместо *Макарова*, если конечно, мазок действительно был взят у Э.Макаровой, а не у другой девочки. Возможно, была допущена ошибка, но кем и когда? Об этом типографском бланке не упоминала ни Сашкина в своих показаниях, которая и помещала мазок в конверт, ни следователь при описании мазка в постановлении о назначении генетического исследования.

Прежде, чем рассуждать про обнаруженную во влагалище Макаровой Э.В. сперму, нужно, по крайней мере, быть уверенным, что мазок принадлежит именно ей. Эти упущения можно было бы исправить, если бы вопрос о принадлежности мазка Макаровой Э.В. был поставлен перед экспертом Исаенко М.В. и решен положительно. Ничего этого, однако, в Акте № 874 с результатами проведенного исследования мазка, нет. Отмечается лишь, что генетические ха-

рактеристики препарата ДНК, полученного из следов в мазке, *«не противоречат варианту суммарного профиля ПДАФ ДНК женщины, которой принадлежит образец мочи (по условию настоящего исследования – Макаровой Э.В.)»*. (т.1, л.д. 140). «Не противоречит» еще не значит, что мазок и моча принадлежат одной женщине. А вот ссылка на «условия настоящего исследования» однозначно свидетельствует о том, что во всех поставленных вопросах следователь априори исходил из того, что мазок взят именно у потерпевшей. Из этого же исходила и Исаенко, нисколько не усомнившись в принадлежности мазка. В итоге, при отсутствии объективного и процессуально зафиксированного подтверждения принадлежности исследованного мазка Макаровой Э.В., следователь получил заключение, в котором этот факт не подвергается уже никакому сомнению и фигурирует в приговоре как факт обнаружения следов спермы в мазке из влагалища Макаровой Э.В., якобы, установленный экспертным путем. Не усомнился в объективности сформулированного вывода и суд. И это еще одно свидетельство безграмотных действий следователя Лопалева, который обнаружение и изъятие мазка фактически «перепоручил» гинекологу Сашкиной, не приняв в этом никакого участия, не убедившись, чей мазок он получил в больнице, и не закрепив процессуально полученный материал.

Не добавила определенности в решении вопроса о принадлежности мазка именно Макаровой Э.В. и повторная судебно-генетическая экспертиза, проведенная комиссией экспертов (т.3, л.д.223-241). Эксперты не устанавливали принадлежность мазка Макаровой Э., а исходили из этого, никем не подтвержденного факта. То есть опять же из «условий настоящего исследования». На вопрос судьи, прозвучавший в судебном заседании и адресованный Иванову П.Л., подтверждает ли допрашиваемый, что моча и мазок принадлежат Э.В. Макаровой, Иванов П.Л. ответил: *«По условиям исследования это написано и у Исаенко М.В.»*. На тот же вопрос адвоката Асташенкова О.В. профессор ответил, что в *«их заключении вывода о принадлежности мазка Макаровой Э.В. нет»*. А на вопрос, почему Вы решили, что это мазок ее, был такой ответ: *«Это описательная часть, то как нам представлены, под видом содержимого. Он просто так называется априори»*. (Протокол от 18.08.11 года, стр.14, стилистика протокола сохранена – А.Э.).

О сомнительном происхождении мазка, исследованного Исаенко М.В., говорил в судебном заседании и специалист, кандидат биологических наук И.А.Ефремов, который оценивал обоснованность выводов, изложенных в заключении эксперта №942. Ближе к сказанному в суде, эти показания изложены

и в протоколе за 15.08.11 г. На вопрос защитника Асташенкова О.В. о том, правильно ли сделаны выводы в заключении Исаенко, специалист ответил: *«Неправильно установлен генотип, а если правильно, то исключается, что это мазок Макаровой Э.»* (стр. 11 протокола).

Еще ряд соображений по поводу «законности и объективности» следствия, получившего именно такую оценку у судебной коллегии по уголовным делам Московского горсуда.

Первый эпизод. Уголовное дело по факту совершения насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней Макаровой Э.В. возбуждено следователем Лопаевым Д.Н., как сказано в постановлении, 11 августа 2010 года в отношении **«неустановленного следствием лица»** (т.1. л.д.1). В тот же день, отцу девочки – Макарову В.В. следователем Лопаевым направляется уведомление: *«Настоящим уведомляю, что СО по Таганскому району... 11.08.10 в 11 часов 00 минут в отношении Вас возбуждено уголовное дело № 333847...»*. (т.1. л.д.2, выделено мною – А.Э.). Чем объяснить эту первую ложь следователя. Ведь Лопаев знал, или должен был знать, что в соответствии с УПК РФ, если дело возбуждено в отношении конкретного лица, то это лицо пользуется всеми правами подозреваемого. Значит, Лопаев должен был знакомить Макарова с постановлением о назначении судебно-генетической экспертизы, вынесенном в тот же день 11 августа, предоставить ему право заявить отвод эксперту (а основания для того были, ведь Исаенко М.В. уже проводила генетические исследования на этапе доследственной проверки), пользоваться услугами адвоката и т.д. Зачем, спрашивается, следователь вводит в заблуждение Макарова? Неужели напугать его хотел перспективой уголовного преследования? И при этом избежать необходимости обеспечить все те права, которые предоставлены законом лицу, подозреваемому в совершении преступления. А то, что подозрения в совершении отцом сексуального насилия над ребенком сформировались у следователя Лопаева еще за неделю до возбуждения уголовного дела, говорит перечень вопросов, которые следователь задавал Макарову 04 августа 2010 года, получая от него письменные объяснения: *«Совершали ли Вы какие-либо противоправные действия по отношению к Макаровой Э.В.?»; «Совершали ли Вы какие-либо действия сексуального характера по отношению к Макаровой Э.В.?»; «Готовы ли Вы представить следствию сравнительные образцы... пройти судебно-медицинское исследование... подтвердить изложенные сведения при опросе с использованием полиграфа?»*. (т.1, л.д. 97). Не эта ли встреча со следователем, столь откровенно давшим понять Мака-

рову В.В., кого он подозревает в сексуальном насилии над ребенком, послужила причиной жесткого разговора на следующий день, который повел Макаров, напомнив следователю о том, что стало со швейцарским авиадиспетчером, по вине которого погибли пассажиры, а сам он был убит одним из родственников, лишившихся семьи. Может быть, именно с этого конфликтного разговора следователь решил отомстить Макарову, сначала безуспешно попытавшись возбудить против него уголовное дело по факту угроз убийством, а потом, проведя *«объективное и законное»* расследование *«факта сексуального насилия над дочерью»*, которое завершилось осуждением отца без доказательств? Судя по результатам работы Лопаева, такая версия мотивов привлечения Макарова В.В. к уголовной ответственности имеет под собой достаточно серьезные основания.

Второй эпизод. 16 августа адвокат Богданов Д.И. подает следователю Лопаеву Д.Н. ходатайство о проведении психофизиологической экспертизы в отношении Макарова В.В. и назначении в качестве эксперта полиграфолога И.В. Нестеренко. Полиграфолог Нестеренко 18 августа 2010 года по инициативе адвоката Богданова, не ставя в известность следователя, проводит частное психофизиологическое обследование Макарова В.В. на коммерческой основе и приходит к выводу о том, что испытуемый виновен в целом комплексе сексуальных преступлений против собственной дочери. Следователь Лопаев, не зная о результатах обследования Макарова В.В. на полиграфе у Нестеренко, 19.08.10 года выносит постановление с отказом в удовлетворении ходатайства адвоката о назначении Нестеренко И.В. экспертом для проведения психофизиологической экспертизы, заявленного еще 16.08.10 года. Основание отказа – блестящая иллюстрация «компетентности» Лопаева: *«Назначение в качестве эксперта Нестеренко И.В., - пишет Лопаев Д., - следствие считает нецелесообразным ввиду его возможной необъективности суждений при производстве экспертизы, т.к. кандидатура данного специалиста представлена непосредственно Богдановым, представляющим интересы Макарова В.В.»* (т.1 л.д. 190-191). Неужели Лопаев не знал (или не хотел знать), что обвиняемые, защитники и другие участники процесса в силу п.3, части 1, ст.198 УПК РФ вправе *«ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве экспертизы в конкретном экспертном учреждении?»* И что должно было произойти в сознании следователя после того, как Нестеренко 09 сентября 2010 года принес ему свое разоблачительное «Заключение». Или, получив «нужное доказательство», можно забыть о мотивах своего отказа назначить Нестеренко экспертом для проведения психофизиологической эксперти-

зы? Но следователь Лопаяев, вопреки своим собственным умозаключениям, не говоря уже о законности, приобщает этот документ к материалам уголовного дела в качестве... «ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА», а позже активно использует «заключение» Нестеренко в доказывании вины В.В. Макарова. Где, в каком учебном заведении, интересно, учили Лопаяева основам уголовно-процессуального и, в частности, доказательственного права, слышал ли следователь Лопаяев что-либо о теории судебных доказательств и сути института специальных познаний, в частности, судебной экспертизы? Или (что вернее), кто заставил Лопаяева забыть то, чему его учили в ВУЗе? Будь следователь компетентен в юридических вопросах, он бы понимал не только отличие заключения сведущего лица от вещественных доказательств, экспертного заключения от заключения специалиста, процессуального действия от частной инициативы адвоката, но и то, что у него не было законных оснований даже отказывать адвокату в ходатайстве о назначении Нестеренко экспертом для производства психофизиологической экспертизы. Во всяком случае, с той формулировкой, которая выдает некомпетентность следователя. Или Лопаяев опасался, что заявленный в ходатайстве полиграфолог Нестеренко даст «НЕ ТО» заключение. Видимо, именно по причине увлеченности собственной версией обвинения (а возможно, и в своем стремлении просто отомстить Макарову) следователь Лопаяев три недели спустя, убедившись, что получил от отвергнутого им же ранее полиграфолога «ТО, ЧТО НУЖНО», не нашел ничего лучшего, чем приобщить это заключение к делу в качестве вещественного доказательства. А судья Ларина, не найдя в таком решении следователя ничего противоречащего закону, поддержала «ИДЕЮ» Лопаяева, корректирующую теорию доказательств, которая в отечественной юридической науке и практике формировалась веками. Но судья Н.Г.Ларина демонстрирует в приговоре ту же, что и следователь осведомленность в этих вопросах, о чем свидетельствует тот факт, что по завершении судебного разбирательства дела, судья распорядилась заключением полиграфолога Нестеренко И. именно как вещественным доказательством, записав в приговоре: *«Вещественные доказательства по вступлению приговора в законную силу: ... хранящееся при деле заключение с приложением по проведенному независимым экспертом по специальным психофизиологическим исследованиям Нестеренко И.В., оставить хранящимся при деле».* (Приговор, стр.35). Тоже неплохая иллюстрация, теперь уже компетентности судьи Лариной в вопросах доказательственного права.

Эпизод третий. 20 сентября 2010 года следователь Лобаев Д.Н. назначает проведение судебно-генетической экспертизы для решения ряда вопросов, в том числе по установлению генотипа потерпевшей Макаровой Э.В. (т. 3, л.д. 112 – 113). Из материалов дела следует, что экспертиза начата 22 сентября и 28 октября ее проведение окончено (т.3, л.д. 116). Исходя из требований уголовно-процессуального закона, обвиняемый и его защитник должны были быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы, и им должно было быть предоставлено право заявлять отводы экспертам, дополнять перечень вопросов, поставленных им на разрешение, предлагать свои кандидатуры в качестве экспертов и др. (ч.3 ст. 195, ч.1 ст. 198 УПК РФ). Такое ознакомление должно было состояться не позднее 22.09.2010 года, то есть до начала проведения экспертизы, иначе теряют смысл соответствующие положения ст.198 УПК РФ. Однако, **«законное и обоснованное»** с точки зрения судебной коллегии Мосгорсуда следствие выполняет эту свою обязанность спустя четыре с половиной месяца, а именно 07 февраля 2011 года (см. протокол ознакомления обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении экспертизы от 20.09.10 – т.3, л.д. 115).

Еще пример. 07 октября 2010 года назначена теперь уже следователем Горячкиной О.О. техническая судебная экспертиза ноутбука, которым пользовался Макаров В.В., для выяснения, нет ли в памяти компьютера следов обращения пользователя к порносайтам. (т.3, л.д. 149-150). Обвиняемому и его защитнику, опять же вопреки требованиям закона, право ознакомиться с этим постановлением предоставляется только через два с лишним месяца, а именно 10 декабря 2010 года (т.3., л.д. 151). А представителю потерпевшей – ее матери Макаровой Т.И. и вовсе 31 января следующего года (т.3, л.д.152), когда и знакомить представителя потерпевшей с постановлением не имело смысла, поскольку экспертиза к тому времени была уже завершена. (Заключение от 31 декабря 2010 года, т.3, л.д. 155). Для кого, спрашивается, писался закон, в частности, часть 2 ст. 198 УПК РФ, в соответствии с которой следователь обязан знакомить потерпевшего с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта. Но судебную коллегию эти нарушения прав обвиняемого и потерпевшего, допущенные следователями, отнюдь не смущают.

Далее еще вопрос: как могло случиться, что человек, наделенный правами следователя, понятие не имеет о том, что на этапе доследственной проверки, любые источники информации, кроме полученных путем проведения следственных действий, допущенных законом до возбуждения уголовного дела, ис-

пользоваться в качестве доказательств не могут, а если используются, то они должны признаваться недопустимыми доказательствами. Это относится и к «заключению» психолога Соколовой Л.А., и к Актам судебно-генетического (№№ 874, 917, 918) и судебно-биологического исследования (№2156). Не могут быть доказательствами и заключения сведущих лиц, полученные частным порядком вопреки установленным законодательством и получившим оценку Верховного Суда РФ правилам назначения и проведения судебных экспертиз. К таковым недопустимым доказательствам относится «заключение» полиграфолога Нестеренко И. Как мог следователь допустить, чтобы важнейшие вещественные доказательства - мазок из влагалища, следы на майке - были уничтожены экспертом Исаенко М.В. без его ведома, то есть вопреки требованиям п.3, части 4, ст.57 УПК РФ.

Выше приведены лишь некоторые из весьма характерных примеров не только незаконного, необъективного и необоснованного расследования дела Макарова В.В., но и откровенной безграмотности следователей, которые вели это дело. Своими неправомерными действиями и решениями, следствие по делу Макарова В.В. закон не нарушило, оно закон **упразднило**.

Глава 4. О соответствии сведений, содержащихся в приговоре, их изложению в протоколе судебного заседания.

Судебная коллегия по уголовным делам признала несостоятельными доводы адвокатов Асташенкова и Колтман, которые выразили сомнения в достоверности изложения в протоколе и приговоре показаний участников судебного разбирательства, положенных в основу приговора суда первой инстанции. В частности, адвокаты утверждали, что приведенные в приговоре показания свидетелей, специалистов и других участников судебного разбирательства противоречат их подлинным показаниям, что показания свидетелей вырваны из контекста и искажают истинное значение сказанного. Отклоняя кассационные жалобы адвокатов в этой части, суд приходит к убеждению, что *«существо показаний подсудимого, законного представителя потерпевшей, экспертов, специалистов и свидетелей, на основании которых установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию, изложено в приговоре в соответствии с их существом, отраженным в протоколе судебного заседания»*. (стр. 15 кассационного определения).

Такое впечатление, что судьи судебной коллегии по уголовным делам Московского горсуда не поняли, о чем идет речь. Защита говорит о

несоответствии приговора сути сказанного в судебном заседании, то есть обращали внимание на несоответствие показаний, действительно прозвучавших в суде, их изложению в приговоре и протоколе. Но кассационный суд в опровержение этих претензий адвокатов утверждает, что не находит никаких существенных разночтений между текстом приговора и текстом протокола судебного заседания. Разница, надо полагать, и фактически и юридически более чем существенная. Если несоответствие приговора протоколу свидетельствует о допущенной судом ошибке, то несоответствие и приговора и протокола реальности судебного разбирательства говорит о вынесении заведомо неправосудного решения на основе фальсификации процессуальных документов. Максимум, что может ожидать судью, допустившего ошибку – это разбирательство в квалификационной коллегии судей. В то время как подлог и заведомо неправосудное решение чревато для судьи уголовным преследованием.

Тем не менее, способ опровержения аргументов защиты, который использовали судьи коллегии по уголовным делам, можно было бы признать обоснованным, но только при одном непременном условии. А именно, при наличии данных свидетельствующих о том, что протокол судебного заседания адекватно отражает его ход и результаты, то есть в полной мере соответствует реально сказанному участниками разбирательства в ходе проведения слушаний по уголовному делу. В противном случае доводы судебной коллегии, отклонившей кассационные жалобы на несоответствие протокола и приговора реальности, сами по себе окажутся недостоверными. Результаты рассмотрения кассационных жалоб в этой части, иначе говоря, будут основаны на использовании негодных средств.

О том, какие показания реально прозвучали во время судебного разбирательства, следовало выяснять не по протоколу заседаний суда, а по аудиозаписям, которые велись стороной защиты и представителями потерпевшей. И проверить, почему судья Ларина, получив множество замечаний на протокол, основанных именно на сопоставлении текста приговора с фонограммами допросов, проведенных по делу в зале суда, не воспользовалась своим, предусмотренным законом правом вызвать лиц, подавших замечания для уточнения их содержания (часть 2 ст. 260 УПК РФ).

Но вместо объективной проверки заявленных в кассационных жалобах претензий по поводу достоверности положенных в основу приговора показаний участников судебного разбирательства, судебная коллегия проверяет их путем

сопоставления с субъективным изложением тех же показаний секретарем Таганского суда в протоколе.

Между тем, претензии адвокатов к существу показаний, изложенных в приговоре, имели под собой веские основания. Достаточно сопоставить тексты протоколов допросов на предварительном следствии свидетелей Рубель, Юткиной, Пономаревой, Озеровой и некоторых других работников больницы им. Св.Владимира и их изложение в обвинительном заключении, с показаниями тех же свидетелей, воспроизведенными в приговоре, вынесенном судьей Лариной, чтобы убедиться в их полной тождественности. Разница лишь в том, что в протоколах допроса показания изложены от первого, а в приговоре и обвинительном заключении от третьего лица. Невозможно поверить, чтобы на предварительном следствии и через год в судебном заседании, одни и те же свидетели рассказывали об известных им обстоятельствах расследуемого события, употребляя абсолютно одни те же слова, выражения, фразеологические обороты и в той же стилистической манере. Такого просто не может быть, потому, что не может быть никогда. Люди не способны давать абсолютно одинаковые показания, повторяя однажды сказанное, если, разумеется, не заучили свои ранее данные показания наизусть или не читают заранее написанный текст. Содержание этого документа в части достоверности описания событий, реально имевших место в ходе судебного следствия, уже только по обозначенной выше причине представляется более чем сомнительным. Идентичность текстов записанных в протоколах устных показаний, данных допрошенным лицом в разное время – есть признак фальсификации. И, тем не менее, судебная коллегия городского суда, не предпринимая ни малейшей попытки (впрочем как и судья Ларина) затребовать имеющиеся у сторон фонограммы судебных заседаний, чтобы проверить обоснованность жалобы адвокатов, сопоставляет существо записей в приговоре не по достоверному первоисточнику – фонограммам, а по протоколу, составленному секретарем уже после оформления приговора. И при этом констатирует соответствие протокола судебного заседания положениям ст. 259 УПК РФ, а рассмотрение замечаний на протокол судьей Лариной соответствующим требованиям ст. 260 УПК РФ (стр. 21 Определения). Не обращая внимания на нарушения упомянутых самим судом кассационной инстанции статей уголовно-процессуального кодекса. Например, на семикратное превышение предельно допустимого срока изготовления и подписания протокола, установленного частью 6 ст. 259 УПК РФ, на

отсутствие обязательных для фиксации в протоколе сведений о принятом судом решении проводить заседания в закрытом режиме в силу п.п.7,8 части 3 той же 259 статьи УПК РФ. Проблема здесь, однако, не столько в нарушении формальных требований ст. 259 УПК РФ, сколько в том, что судья Ларина Н.Г., слово в слово, переписав из обвинительного заключения в свой Приговор содержание показаний Рубель, Пономаревой, Юткиной, Авериной, Озеровой, Баранова, Савельевой, поставила секретаря судебного заседания Муравьеву Р.З. перед необходимостью либо адекватно отразить в протоколе судебного заседания обстоятельства рассмотрения дела и содержание действительно прозвучавших показаний и исследованных судом доказательств, создав несоответствие протокола приговору, либо – «подогнать» протокол под содержание вынесенного Приговора. Судья по всему, секретарь вынуждена была чередовать оба способа изготовления протокола. Такие манипуляции с текстом неизбежно ведут к искажению сути событий, имевших место в реальности. Несколько примеров для иллюстрации сказанного.

На стр 24 Приговора читаем изложение показаний специалиста Дубинской О.В., в которых она *«... пояснила, что по результатам непродолжительного допроса Макаровой Э.В. в судебном заседании невозможно определить признаки вовлечения ее в сексуальные отношения»*. Из фонограммы и из протокола заседания суда следует, что таких пояснений педагог-психолог Дубинская суду не давала.

На стр. 6 Приговора вновь читаем, теперь уже фрагмент показаний врача Баранова, якобы данные в ходе судебного заседания, которые в реальности не звучали: *«...Баранов пояснил, что ... с ним беседовал отец девочки Макаров В.В., который стал угрожать ему неприятностями по службе, говорил, что обратится с заявлением в прокуратуру»*. А в конце приговора на стр. 27 к этим показаниям и вовсе приписаны слова, якобы, сказанные Барановым, а на самом деле выдуманные составителем текста: *«который угрожал ему ... из-за того, что его дочь была направлена на осмотр гинеколога»*. То же самое можно найти и на стр. 9 протокола судебного заседания от 18.07.11 года. Ничего, однако, даже близкого по смыслу на фонограмме нет.

Важны, между тем, не сами факты искажения сути судебного разбирательства, пусть даже многочисленные, ибо нельзя требовать от секретаря (и судьи) абсолютно точного воспроизведения хода заседаний в протоколе, а то, как эти искажения могли сказаться на вынесении обвинительного приговора. Ниже приводятся наиболее характерные примеры вполне откровенных

искажений реальности, допущенные судьей и секретарем судебного заседания, которые привели к необоснованным выводам, и, тем не менее, остались незамеченными кассационной инстанцией, подтвердившей законность и обоснованность вынесенного Макарову В.В. приговора. Приведенные примеры не исчерпывают всего многообразия «несоответствий» судебных документов реальным событиям. Ниже речь пойдет об упомянутых, но более подробно, и о других «несоответствиях».

(1)

Показания потерпевшей Макаровой Э.В. в свете оценок педагога-психолога О.В.Дубинской и других.

Особенно красноречиво иллюстрируют односторонность и необъективность разбирательства дела, обусловленные искажениями существа судебного следствия, аргументы судебной коллегии, согласившейся с оценкой, которую суд первой инстанции дал показаниям потерпевшей Макаровой Э.В. В них ребенок категорически отрицал совершение ее отцом вмененных ему действий сексуального характера. Кассационная инстанция находит этим показаниям свое объяснение: *«Отрицание потерпевшей совершения Макаровым В.В. вмененных ему действий, на что обращает внимание адвокат Асташенков О.В., не может свидетельствовать о том, что таких действий не совершалось, поскольку как пояснила участвовавшая при допросе потерпевшей в судебном заседании педагог-психолог Дубинская, если ребенок вовлекается лицом, значимым для него и в игре, он не воспринимает это как травматическую ситуацию. При этом ребенок склонен прощать родителей и защищать их...»*. (Кассационное определение, стр.15).

Ссылки на возможное поведение девочки, подвергшейся насилию, без учета особенностей поведения тех детей, которые такому насилию не подвергались, не только неубедительны, но и вполне могут оказаться ошибочными. Суд, тем не менее, даже не допускает мысли, что дети, способны говорить правду, реагируя на необоснованные обвинения родителей, что дети вовсе не обязательно прибегают ко лжи, защищая их. На каком основании утверждения Эллины о том, что и голым она папу не видела, и больно он ей никогда не делал, суд воспринимает как сокрытие ребенком факта совершения над ней сексуального насилия с целью «защиты» отца. И как, спрашивается, должен был отвечать на поставленные вопросы ребенок, который действительно и голым отца никогда не видел, и никакого насилия с его стороны никогда не испытывал?

Что должен был ответить ребенок на вопрос о действиях отца, если к ее половым органам отец никогда не прикасался, и больно ей никогда не делал? Да именно так: не видела, не прикасался, не делал. И такие ответы будут отражать реальность, а не попытки скрыть преступление, совершенное близким человеком. Ответы ребенка, никогда не подвергавшегося сексуальному насилию, будут ПРАВДОЙ, и поэтому должны восприниматься не как защита виновного, а как «реакция» еще не развращенной логикой суда девочки на абсурдное обвинение ее отца. Дети, надо полагать, могут защищать своих родителей не только потому, что желают скрыть факт совершенного в отношении них насилия, но и потому, что их воспитали говорить взрослым только правду, что дети просто любят и доверяют своим родителям. Почему же такая простая мысль так и не пришла в голову тем, кто решал судьбу Макарова В.В.? Та же Дубинская в своих показаниях, зафиксированных в протоколе, на вопрос адвоката Асташенкова О.В. о склонности Макаровой Э. к фантазированию и сокрытию, ответила, что не смогла выявить таких признаков. (стр. 6 протокола от 25.07.11). На эти объяснения психолога, оказывается, можно не обращать внимания, интерпретируя рассуждения Дубинской сообразно собственному нездоровому восприятию показаний девочки, имеющих, якобы, криминальный подтекст.

Если бы в деле имелись доказательства, которые опровергали бы описанные в показаниях потерпевшей факты («голым я папу никогда не видела», «меня никто не трогал и не делал мне больно» и т.д.), то суд должен был такие доказательства привести. Но в деле их нет. Есть только данные, подтверждающие достоверность сказанного дочерью подсудимого Макарова В.В. Можно предположить, что вполне адекватные объяснения слов, сказанных потерпевшей, суд не воспринимает не потому, что Макарова Э.В. что-то скрывает, а потому, что эти объяснения противоречат версии обвинения.

Можно, разумеется, сомневаться в достоверности показаний свидетеля, но как объяснить то, что судья и судебная коллегия, отвергая показания ребенка, руководствуется не собранными по делу и проверенными доказательствами, а исходя из убежденности в совершении Макаровым В.В. преступления. Рассуждения педагога-психолога о склонности детей защищать своих родителей вполне подходят к любой ситуации, и менее всего к криминальной. Тем более, что Дубинская вовсе не имела в виду конкретную ситуацию с обвинением Макарова В.В. в сексуальном преступлении. Для объективности оценки показаний потерпевшей следовало обратить внимание не на абстрактные рассуждения педагога психолога об отношении любого ребенка к родителям, допускающим в

отношении собственных детей насилие, а на ее же, Дубинской, конкретные оценки, касающиеся версии о вовлечении потерпевшей в сексуальные отношения с отцом. Между тем, эти оценки специалиста суд просто игнорирует. Так, на стр. 24 Приговора читаем: *«Участвовавшая в судебном заседании при допросе малолетней потерпевшей Макаровой Э.В. – специалист Дубинская О.В. ... пояснила, что по результатам непродолжительного допроса Макаровой Э.В. в судебном заседании **невозможно** определить признаки вовлечения ее в сексуальные отношения».* (выделено мною – А.Э.)

А вот о том, что действительно произносилось Дубинской в ходе ее допроса и зафиксировано в протоколе судебного заседания и на фонограмме, суд, вынося приговор, предпочел умолчать. Между тем, сказано было совершенно иное и по смыслу и по содержанию. Ответ педагога-психолога Дубинской О.В. на вопрос защитника о том, обнаруживается ли у девочки Эллены вовлечение в сексуальную игру, зафиксирован в протоколе (стр.5 Протокола судебного заседания, состоявшегося 25 июля 2011 года). Здесь написано буквально следующее: *«исходя из того, что я сегодня услышала, **не обнаруживается**».* (выд. мною – А.Э.). Аналогично звучит этот фрагмент и на фонограмме.

Избирательность в подборе аргументов, которые, по мнению суда, должны были опровергнуть показания потерпевшей, ни к чему, кроме односторонности принимаемых решений привести не может.

Откуда этот фрагмент показаний Дубинской был взят судом и включен в содержание приговора можно только предполагать. На самом деле про *«невозможность»* определить признаки вовлечения Макаровой Э. в сексуальные отношения, ничего не сказано ни в протоколе судебного заседания, ничего подобного не удалось обнаружить и на фонограмме. Дубинская этого не говорила. Она, если верить содержанию протокола, говорила лишь о том, что по одному рисунку (который обсуждался в ходе допроса другого психолога - Локтионовой) *«я не могу делать выводы. Нужен опрос ребенка, тесты, наблюдение за поведением ребенка, еще рисунки, необходимо знать ситуацию в самой семье. И в одиночку, не коллегиально, **невозможно** сделать объективные выводы».* (стр. 9 Протокола от 25.07.11).

Чем, спрашивается, руководствовался суд, расширительно толкуя сказанное Дубинской О.В. и превратив «невозможность делать объективные выводы на основании одного единственного рисунка ребенка» в «невозможность определить признаки вовлеченности в сексуальные отношения по результатам непродолжительного допроса»?

И это не единственное искажение в приговоре содержания полученных в ходе судебного разбирательства показаний специалиста Дубинской О.В., оказавших влияние на формирование внутреннего убеждения суда.

Так, на стр. 24 Приговора говорится о том, что Дубинская *отказ Эллины отвечать на вопрос о различиях между мальчиками и девочками оценила как свидетельство повышенной значимости данной темы для ребенка*. Утвердительная форма в изложении мнения специалиста-психолога соответственно и воспринимается. Читаешь и начинаешь верить, что повышенной значимость обсуждения половых различий мальчиков и девочек может быть только у ребенка, который эту тему ассоциирует с некими событиями, заставившими именно так реагировать на «сексуальную» тематику разговора. И оценка поведения ребенка психологом Дубинской мгновенно превращается в оценку реакции девочки, которая характерна для жертвы насилия. И все было бы логично, если бы фраза Дубинской не имела продолжения, которое, впрочем, судья опять «забыла» отразить в приговоре. В протоколе это продолжение есть (стр. 5 Протокола от 25.07.11). На вопрос гос. обвинителя: *«скажите, если девочка 8 лет отвечает на вопрос: «чем мальчики отличаются от девочек?», что это неприличный вопрос, это нормально?»* - Дубинская ответила: *«это может свидетельствовать о повышенной значимости данной темы для ребенка. Точно указать причину сложно, возможно, это связано с тем, что ее много раз об этом спрашивали»*.

Теперь об «ОТКАЗЕ» потерпевшей отвечать на вопрос о различиях мальчиков и девочек и о том, с чем этот отказ мог быть связан. О нем говорится не только в протоколе судебного заседания от 25 июня 2011 года с изложением показаний ребенка (стр.4), но и в протокольных записях показаний Л.А.Соколовой. И в протоколе и в приговоре отказ звучит как оконченная фраза ребенка, то есть без объяснения причин. *«При беседе о половых различиях между мальчиками и девочками она отвечать отказалась»* – говорится на стр.9 Приговора со ссылкой на показания Соколовой. Между тем, такие объяснения девочка в действительности давала психологу. Почему судью Ларину не заинтересовало второе объяснение Дубинской, а именно, то, что ребенку просто надоело отвечать на вопросы, которые девочка, воспитанная в атмосфере нравственной чистоты, воспринимает как запретную тему. Обсуждение половых различий мальчиков и девочек на фоне вопросов о «голом папе» и «прикосновении к ее половым органам» - для Эллины стало своего рода «табу». А взрослые «дяди и тети» настойчиво добиваются от нее ответа на вопрос, кото-

рый она неоднократно уже давала и который ей неприятен. То, что именно в этом причина отказа разговаривать на сексуальную тему, нетрудно понять, ознакомившись с материалами из уголовного дела, полученными от педагога-психолога Л.Соколовой. Тот же вопрос, правда, в отношении различий не мальчиков и девочек, а мужчин и женщин психолог обсуждала с ребенком 26.07.2010 года. Когда читаешь показания Соколовой, становится ясно, что причина не в сексуальной значимости темы различия мальчиков и девочек, а в раздражении от надоевших вопросов. Так, в протоколе судебного заседания есть слова, где Соколова говорит вместо «отказалась» - *«не захотела»*. (стр.3 Протокола за 28.07.11 г.). Но главное не в этом, а в том, что во время самой беседы, состоявшейся 26 июля 2010 года, ответ ребенка на вопрос все же прозвучал. Правда о нем судья предпочла в приговоре не упоминать даже в ссылке на результаты психологического обследования, которое провела Соколова. Ответ девочки на вопрос о половых различиях людей, записала сама Соколова в своем так называемом «заклучении». Ответ Элины был таким: *«Это неприлично, и об этом нельзя разговаривать»*. И даже не поинтересовавшись материалами уголовного дела, где есть ответ на вопрос о причинах отказа ребенка обсуждать тему, судья вслед за психологами, но уже в судебном заседании повторяет надоевший ребенку вопрос: *«а ты знаешь, чем отличаются мальчики от девочек?»* И получает тот же ответ ребенка: *«это неприличный вопрос, я не буду отвечать»*. (стр. 4 протокола от 25.07.11). Ответ не только вполне адекватный для детского возраста, но и весьма поучительный для взрослых. Но кому, спрашивается, нужно знать истинное положение вещей: ***«отказалась отвечать»*** звучит куда убедительней, нежели ответ: ***«Это неприлично и об этом нельзя разговаривать»***.

А вот о том, какова на самом деле была реакция девочки на вопросы сексуального толка, в частности, о том, не трогал ли ее отец и не делал ли ей больно, ни Ларину, ни коллегию судей не интересовало. Между тем, об этой реакции Соколова записала еще 26.07.10, представив как фрагмент беседы с потерпевшей: *«Я знаю, о чем вы меня будете спрашивать. Меня мама об этом уже много раз спрашивала за эти 3 дня. О том, не делал ли мне кто-то больно. Никто мне ничего не делал и не трогал, я уже все рассказала...»*. В произнесенной фразе нет ничего, что давало бы основание оценивать отказ обсуждать «сексуальную тему» как подтверждение ее «значимости» для ребенка. А есть нескрываемое раздражение по поводу надоевших вопросов? *«Никто мне ничего не делал и не трогал, я уже все рассказала»*, следует понимать как: «отстаньте со

своими глупыми вопросами». Но ответ ребенка в интерпретации судьи – «ОТКАЗАЛАСЬ ОТВЕЧАТЬ» - читается иначе.

Отказалась отвечать потому, что «сексуальная тема» является значимой для ребенка, и может порождать неприятные воспоминания о насилии над ней, и **отказалась отвечать**, потому, что эта тема для семилетней девочки является «неприличной», а многократно заданные по теме вопросы вызывают раздражение – это очевидно принципиально разные объяснения поведения ребенка.

Между тем судья Ларина, а вслед за ней и судебная коллегия по уголовным делам настойчиво проводят мысль о том, что на поставленный вопрос о различиях мальчиков и девочек Эллина отвечать отказалась ввиду значимости сексуальной темы для ребенка. И понятно почему, ибо то, о чем умолчали судьи в своих решениях, должно было свести на нет попытку суда представить отказ девочки разговаривать на тему половых различий, как скрытую реакцию на совершенное в отношении нее сексуальное насилие.

Умалчивание, вырывание из контекста сообщаемых участниками процесса сведений весьма характерно для вынесенного в отношении Макарова В.В. приговора. А между тем, хорошо известно, что недоговоренность - это одна из разновидностей обмана. И поэтому избирательность при освещении хода судебного разбирательства в приговоре недопустима, тем более, если она искажает смысл и суть описываемых событий, имевших место в действительности на состоявшемся процессе по делу В.В.Макарова.

Приведенные примеры – это далеко не полный перечень всех искажений, допущенных в протоколе и приговоре суда, которые существенно меняют смысл реально прозвучавших показаний свидетелей, потерпевшей, специалистов, экспертов и других участников судебного разбирательства по делу В.В. Макарова. Основная их масса, приходится на показания врачей больницы, выступивших в качестве свидетелей, специалистов и экспертов, чьи заключения и показания были положены в основу обвинительного приговора. О них и пойдет речь ниже.

(2)

О существе показаний Баранова С.А., прозвучавших в судебном заседании.

Читаем показания лечащего врача Баранова, изложенные на стр. 6 Приговора: «*Баранов пояснил, что **после осмотра** врачом-гинекологом и сообщения о наличии сперматозоидов в моче девочки в правоохранительные*

органы, с ним беседовал отец девочки Макаров В.В., который **стал угрожать ему неприятностями по службе, говорил, что обратится с заявлением в прокуратуру**». Далее в тексте приговора судья не только повторяет ошибку с указанием временем встречи Баранова с Макаровым и, якобы прозвучавшими угрозами в адрес лечащего врача, но и дополняет показания Баранова объяснением причин агрессивного поведения подсудимого. А именно, «*из-за того, что его дочь была направлена на осмотр гинеколога*» (стр. 27 приговора; выделено мною – АЭ).

Здесь все искажено: и время беседы подсудимого с врачом, и упоминание о, якобы имевших место угрозах обратиться в прокуратуру, и объяснение их причин. Спрашивается, зачем нужно было беседу Макарова В.В. с лечащим врачом представлять как состоявшуюся не ДО осмотра его дочери у гинеколога (что соответствовало бы действительности), а ПОСЛЕ него? Да еще и фантазировать по поводу, якобы сказанного Барановым в суде об имевших место угрозах со стороны Макарова обратиться в прокуратуру и побудивших его причинах угрожать доктору.

Фразы, вырванные из контекста действительно прозвучавших в судебном заседании показаний Баранова, и включенные судьей Лариной в приговор, изменили смысл сказанного свидетелем. Между тем, из аудиозаписи судебного заседания от 18.07.11 следует, что в своем ответе на вопрос государственного обвинителя о том, *какова была реакция подсудимого*, Баранов С.А. не произнес слов, «**Угрожал мне. Говорил, что будет жаловаться в прокуратуру...**». Эта фраза, записанная в протоколе судебного заседания от 18.07.11 г. на стр. 9, и ее аналог в приговоре (стр.6), выдумана. А вот прямо противоположное, но дважды сказанное свидетелем на заседании суда, имеется на фонограмме: «*Я не говорю, что мне угрозы были*», «*Разговор был на повышенных тонах, угроз никаких не было*», в тексты ни приговора, ни протокола не вошли. То, что в показаниях свидетеля вместо слов «*угрожал, говорил, что будет жаловаться в прокуратуру*», было сказано совсем иное - «*никаких угроз не было*», легко установить, прослушав фонограмму судебного заседания, состоявшегося в этот день.

В той части записанных на диктофон показаний Баранова, где он излагает суть сосотоявшейся утром 24 июля 2010 года беседы с Макаровым нет ни слова об угрозах со стороны отца ребенка. Ни угроз обратиться в правоохранительные органы (как написано в приговоре на стр.27), ни угроз обратиться с жалобами в прокуратуру. Тем не менее, эта фраза, присутствует на

стр. 9 протокола судебного заседания от 18.07.11 г., и явно «подогнана» под текст приговора. О том, что прокуратура будет разбираться с решением врачей везти травмированного ребенка в другую больницу, говорил в судебном заседании не Баранов, а сам подсудимый, напоминая свидетелю суть состоявшегося между ними разговора. Этот фрагмент диалога подсудимого со свидетелем вполне адекватно воспроизведен на стр. 11 протокола от 18.07.11 года. На вопрос Макарова В.В., *говорил ли я вам, что прокуратура будет разбираться в том, что вы больного ребенка повезли к врачу*, Баранов ответил «Да». Однако, как противоречащий ложному убеждению судьи об агрессивности подсудимого, вызванной опасениями быть разоблаченным, этот вопрос и ответ не был включен ею в приговор.

Подобно показаниям Баранова по поводу «угроз», искаженным в приговоре с точностью «до наоборот», приводятся и его ответы на вопросы о причинах недовольства Макарова В.В. решением везти ребенка в другую больницу. Не говорил Баранов того, что записала судья в приговоре: *«из-за того, что его дочь была направлена на осмотр гинеколога»*. По фонограмме нетрудно установить, что на вопрос гос.обвинителя: *«То есть отец не хотел, чтобы ее везли к гинекологу детскому?»*, Баранов ответил: *«нет, я не скажу, чтобы он не хотел»*. Еще более определенно звучал ответ свидетеля на вопрос защитника Завалько А.В., записанный в протоколе, которому в приговоре места не нашлось, надо полагать, как противоречащему убеждению (вернее «предубеждению») суда в виновности подсудимого. Баранов ответил: *«Основное недовольство отца было в том, что ребенка именно транспортировали с таким диагнозом»*. (стр. 10 протокола от 18.07.11 года).

Чтобы меня не заподозрили в избирательности цитирования протокола воспроизведу полностью ту его часть, где описывается диалог, в ходе которого стороны выясняли у Баранова, какова была реакция Макарова на полученные от врача сведения о состоянии здоровья дочери и мерах по ее лечению:

Вопрос защитника: *«Вы сказали, что поняли его реакцию. В чем?»*

Ответ свидетеля: *«основное недовольство отца было в том, что ребенка именно транспортировали с таким диагнозом»...*

Вопрос защитника: *«а то, что к гинекологу возили?»*

Ответ свидетеля: *«Этого я не могу сказать, мне сложно дифференцировать, что мы повезли или, что там найдены сперматозоиды...»...*

На вопрос государственного обвинителя о том, знал ли подсудимый про сперматозоиды, **Баранов ответил:** *«По-моему, уже вся больница знала»*.

Вопрос государственного обвинителя: *«Он как-то пояснял?»*

Ответ свидетеля: *«Мы не разговаривали с ним об этом»...*

«Доработка» этих показаний Баранова, допущенная в приговоре, а значит положенных в его основу, и не вызвавшая вопросов у коллегии судей кассационной инстанции, дала основание Лариной Н.Г. опровергнуть сделанные подсудимым Макаровым В.В. пояснения к своему поведению на встрече с лечащим врачом. Вслед за собственным вымышленным, а не свидетельским объяснением причины агрессивности подсудимого, судья констатирует: *«При этом доводы подсудимого Макарова В.В. о том, что в данном случае он был возмущен, что его больную дочь с переломом транспортировали, суд находит необидительными, поскольку о наличии у дочери сперматозоидов в моче ему было известно и он, как отец, не причастный к совершению подобных действий, не мог быть не заинтересован в том, чтобы выяснить, каким образом они туда попали».* (Приговор, стр. 27). Ложный посыл, как видим, привел к ложным выводам.

Можно только удивляться «аналитическим» рассуждениям судьи. Неужели так трудно понять, что отец, убежденный в ошибочности результатов анализов мочи, прежде всего, будет думать не о выяснении причин попадания в них сперматозоидов, а о здоровье травмированного ребенка. То, что для Лариной представляется имеющим первостепенное значение, для родителей безразлично, или в лучшем случае оказывается на втором плане. Речь ведь шла не о царапине на лице, а о переломе позвоночника. Но судья убеждена – главное не перелом позвоночника, а сперма в моче девочки. Сообразно собственным представлениям о родительских чувствах, Ларина и строит свои умозаключения.

Можно ли упрекнуть отца ребенка в том, что он, чувствуя свою вину за то, что недоглядел за дочкой, и девочка получила тяжелую травму, теперь беспокоится о здоровье собственного ребенка, о том, что даже простое прикосновение к кровати, где лежит на растяжке дочка, доставляет ей боль? Что уж тут говорить о транспортировке в другую больницу на предмет осмотра гинекологом, повод для обращения к которому отец ребенка считает абсурдным? Подчеркиваю, не страх перед разоблачением результатами осмотра у гинеколога руководит Макаровым, позволяющим себе вести разговор с врачом на повышенных тонах, а страх за жизнь и здоровье самого близкого человека, чья перевозка может причинить ей новые страдания.

Однако, вопреки здравому смыслу, усилиями судьи Лариной приговор воспринимается его читателями только так: *узнав о сперме, Макаров устроил*

дежурному врачу скандал в связи с его решением направить дочку к гинекологу. И какой, зададимся вопросом, из этого следует вывод? Да только один: «Педофил», вполне сознавая, что будет изобличен гинекологом, разумеется, всячески препятствует отправлению ребенка на обследование. При этом угрожает врачу, который принял такое решение (от гинеколога, как ни крути, не скроешь факт совершения сексуального насилия над ребенком). А потом, предстан перед следствием и судом, преступник, чтобы объяснить свое агрессивное поведение в отношении доктора, выдумывает басню про транспортировку, которая, якобы, вызвала у него беспокойство. Да это же очевидная для «проницательного» судьи реакция преступника, опасющегося разоблачения, иначе говоря, его «защитная доминанта».

Именно так, похоже, рассуждала Ларина, вынося обвинительный приговор, и именно с такими ее рассуждениями, надо полагать, согласилась коллегия суда по уголовным делам, рассматривавшая дело в кассационной инстанции.

Для оценки поведения Макарова на встрече с Барановым 24.07.2010 года, разумеется, можно исходить из версии, что причина попадания спермы в мочу девочки именно та, на которую намекали (именно «намекали», а не доказали) и следствие и суд. Но при этом нельзя было ограничиваться выведением лишь одного логического следствия из этой версии, а именно, того, который приводится в приговоре и, якобы, раскрывает логику отца, не причастного к совершению сексуальных действий: *«не мог быть не заинтересован в том, чтобы выяснить, каким образом они туда попали».*

Логика сексуального насильника, между тем, могла быть и иной: «педофил» не может не понимать, что своим сопротивлением обследованию он сам себя разоблачает, что в данной ситуации обследование ребенка у гинеколога неизбежно, и неважно, будет оно проводиться по решению врача или по постановлению следователя. Такие умозаключения не лишены смысла, и уж во всяком случае, не менее обоснованны, нежели логика судьи, полагающей, что отца должна была, прежде всего, беспокоить неизвестно как обнаруженная сперма в моче, а не здоровье его дочери, опасаться за которое у родителей, судя по ситуации, оснований было неизмеримо больше.

Ниже приведу еще один пример «упущений», не столь существенных как в приведенном выше примере, но тоже весьма характерных для составителей приговора и протокола судебного заседания, не замеченных, однако, коллегией по уголовным делам. «Упущений», исказивших смысл сказанного участниками процесса до неузнаваемости. «Упущений», характерных своей

односторонностью, призванной сформировать ложное представление об обоснованности предъявленного подсудимому обвинения.

(3)

Показания Озеровой М.А.

На стр.5 Приговора дано краткое изложение показаний Озеровой М.А. – медсестры больницы им. Св.Владимира, которые она, якобы, давала в судебном заседании. В них слово в слово повторяется то же, что зафиксировано и в протоколе ее допроса от 31 октября 2010 года, и в обвинительном заключении, составленном следователем. Переписаны и показания с описанием поведения матери потерпевшей – Макаровой Т.И., за которой Озерова наблюдала в ходе и по завершении осмотра девочки врачами, состоявшегося в ночь на 24.07.2010 года в перевязочной, и реакция матери на слова «Больно, папа, пусти»: *«После этого осматривать девочку не стали и все стали выходить из кабинета. Макарова Т.И. в перевязочном кабинете при осмотре никак не отреагировала на слова своей дочери, была спокойна»*. То, что этот «пересказ» показаний Озеровой, якобы прозвучавших в судебном заседании – есть существенное искажение действительности, видно уже из текста: в тех же формулировках этот фрагмент показаний медсестры уже был описан следователем за год до начала судебного разбирательства дела Макарова. Следователь, видимо, хотел подчеркнуть небеспочвенность своих подозрений относительно возможного соучастия жены в преступлениях мужа, ибо оставаться спокойным, а значит равнодушным, к фактам обнаружения сперматозоидов в моче дочери и ее жалобам на то, что отец делает ребенку больно, может только мать, которая знает им объяснение и причину. Что заставило судью скопировать показания Озеровой, записанные следователем, в свой приговор, а секретаря судебного заседания повторить то же в протоколе, сказать трудно, тем более, что в реальности показания медсестры Озеровой в судебном заседании были иными. И свидетельство тому – фонограмма.

На заседании 18.07.11г. свидетель **Озерова М.А.** на вопрос гособвинителя: «Как себя вела Макарова Т.И.? Спокойная была, нервничала?» вместо записанного в протоколе ответа свидетеля: *«Мама внешне была спокойна. На слова дочери никак не реагировала»* (стр. 14 протокола судебного заседания от 18.07.2011года), заявила следующее: *«Нет, мама не нервничала, она была просто... (пауза), потом даже к раковине подошла, спросила: «девочки, можно умыться?» - Мы говорим, ну конечно, можно. Состояние такое... (замеша-*

тельство) даже волосы встали дыбом, первый раз в жизни такое. Мама умылась, потом, кажется, взяла девочку... Мы говорим, успокойтесь». О том, что мама была напугана и растеряна, говорила и медсестра Аверина (протокол судебного заседания от 18.07.11 г. стр.12).

То, что написано в приговоре - это не просто ошибка, это заведомая неправда, призванная сформировать или, что более вероятно, подкрепить сформировавшееся внутреннее убеждение суда на основе внутреннего заблуждения.

(4)

Показания Соколовой Л.А.

Приговор. Стр.8: *«Со слов следователя ей (Соколовой) было известно, что в ходе осмотра врачами в процедурном кабинете Эля закричала: «Папа, не надо, больно». Когда она (Соколова) спросила Элю об этом, она ответила, что она была спросонья, а люди, когда их неожиданно будят, всегда говорят, что им больно. Ей (Соколовой) показалось это подозрительным контекстом. При этом, когда девочка была в эмоциональном напряжении, она говорила очень точными фразами. При этом она (Соколова) старалась смотреть ей в лицо, чтобы не смущать...».*

Практически те же слова, сказанные Соколовой во время судебного заседания 28 июля 2011 года, записаны в Протоколе на стр. 3: *«В напряжении девочка говорила очень точными фразами. Я старалась смотреть ей в лицо, чтобы не смущать...».* Если расшифровать «подозрительный контекст» и «очень точные фразы», то смысл понятен. Не иначе, как научили ребенка отвечать на вопрос о произнесенной ею во время осмотра фразе, чтобы отвести подозрение от отца. Трудно сказать, что больше будет смущать ребенка, говорящего «в состоянии напряжения очень точными фразами», когда ей смотрят в лицо или когда отворачиваются в сторону. Мне всегда казалось, что лгать всегда труднее, если на тебя смотрят в упор. На этом психологическом феномене даже основаны некоторые из разработанных в криминалистике тактических приемов допроса, использование которых рекомендуется сопровождать пристальным наблюдением за поведением допрашиваемого, что, по мнению ученых – разработчиков тактических приемов, должно его смущать, а смущение выдавать ложь. Возможно, детей прямой взгляд смущает меньше, детскому психологу виднее. Но дело даже не в этом, использованном Соколовой сомнительном приеме наладить психологический контакт с девочкой во время бесе-

ды, а в том, что судья и секретарь судебного заседания, излагая показания специалиста – психолога умолчали о том, что фраза, сказанная Соколовой, имела важное продолжение. После слов *«девочка говорила очень точными фразами»*, Соколова добавила: *«Сказать точно, что Элю кто-то подучивал – так говорить я не могу, поскольку видела ее только один раз. Здесь мне данных не хватает»*. (фонограмма от 28.07.2010 года). Недосказанность порождает ложное восприятие, соответственно, меняется существо прозвучавших в суде показаний специалиста. Правда, суд кассационной инстанции этого не заметил. И понятно, почему: судебная коллегия не располагала аудиозаписями состоявшихся судебных заседаний, о чем можно только сожалеть.

(5)

Сущность показаний Дашкевич Н.Н., Иванова П.Л. и др. об обнаружении спермы в мазке.

Стр.29 Приговора: *«При этом суд отмечает, что наличие соответствующих следов спермы в исследованном материале наблюдала в ходе исследования и свидетель – лаборант Дашкевич Н.Н., что она подтвердила в ходе судебного заседания»*. (выделено мной – А.Э.). Очень близко по смыслу, а значит, если следовать логике судебной коллегии по уголовным делам, и в полном соответствии с приговором, показания лаборантки изложены в Протоколе судебного заседания от 28.07.10 на стр. 20. Ее ответ на вопрос защитника, касающийся исследования мазка, которое она проводила совместно с экспертом Исаенко М.В., секретарем судебного заседания записан так: *«... Там я написала большой плюс и маленький минус. Это значит, что следы спермы были»*. (выделено мною – А.Э.). Соответствие **«существа показаний»** по выражению судебной коллегии, представленному в Определении, налично. Однако, не стоит торопиться с выводами - на фонограмме про обнаруженную лаборанткой сперму, давшую ей основание проставить на тест - кассете эти знаки, вы не найдете ничего.

Сказано свидетелем было не про сперму, а про полученный результат в виде визуально слабо различимых полос: *«В данном случае я написала небольшой плюсики и довольно солидный минус. То есть результат положительный, но очень слабый»*. Даже если исходить из достоверности наблюдений лаборантки Дашкевич, то нельзя не понимать, что обнаружение простатоспецифического антигена (ПСА), в отличие от обнаружения спермы, нельзя рассматривать как доказательство вины подсудимого. Нужна уверенность, что ПСА является

верным признаком присутствия в исследуемом материале именно спермы и не встречается в иных выделениях человека, в том числе у женщин. Но именно эта ложь, ложь о том, что обнаружение ПСА равносильно обнаружению спермы, и была приписана словам экспертов, которые можно найти в приговоре и протоколе судебного заседания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что показания экспертов и специалистов, в которых они оценивали результаты судебно-генетической экспертизы, проведенной экспертом Исаенко М.В., стали наиболее «урожайными» на искажение реальности. Вот лишь один фрагмент откровенных фантазий в протокольных записях, имеющих цель убедить в том, что ПСА и сперма суть одно и то же. Эту ложь можно обнаружить в изложении показаний профессора П.Л. Иванова, объяснявшего суду сущность использованного комиссией экспертов метода выявления следов спермы. Из текста протокола видно, что, отвечая на вопрос защитника о том, что из себя представляет тест «Сератек» («SERATEC»), Иванов, якобы, сказал: *«Положительный результат «Сератек» говорит о том, что они – сперматозоиды есть, но для их идентификации этого недостаточно».* (протокол судебного заседания от 18 августа 2011 года. Стр. 8). Ничего подобного известный профессор – генетик не только не говорил, но и всячески старался убедить суд в том, что положительный результат теста не обязательно является признаком присутствия в исследуемом объекте именно спермы. Что положительный результат означает только наличие ПСА (простатоспецифического антигена), который можно обнаружить не только у мужчин, но и у женщин, правда в малых количествах. То, что написано в протоколе со ссылкой на эксперта - это выдумки автора текста. Впрочем, как и приписанные в приговоре и в протоколе судебного заседания от 28.07.10 на стр.17 слова самой Исаенко, якобы, сказанные ею в суде: *«Это простатоспецифический антиген – белок, который присутствует в семенной жидкости у мужчин. У женщин он отсутствует».* (выделено мною – А.Э.). Экспертом было сказано только то, что простатоспецифический антиген *«это молекула, не клетка».* Ничего про отсутствие ПСА у женщин М.Исаенко в судебном заседании не говорила. Эта фраза, тем не менее, есть в протоколе ее допроса, состоявшегося на предварительном следствии. Трудно поверить в то, что опытный эксперт, используя высокочувствительный метод определения простатоспецифического антигена, не взглянула в инструкцию разработчика и производителя кассет для теста «Сератек». Ведь там, как свидетельствовали авторитетные ученые-генетики и судебно-медицинские эксперты Иванов П.Л. и Ефремов И.А., черным по белому написано, что ПСА характерен не только для

семенной жидкости мужчин, но и для женских выделений. (т.4, л.д. 74-75; Протокол от 18.08.11, стр.8). Тут одно из двух: либо Исаенко М.В. некомпетентный эксперт, либо следователь внес в протокол ее допроса не соответствующую реально сказанному фразу. Тогда возникает вопрос, зачем Исаенко подписывала протокол, содержащий заведомо неверные с точки зрения науки, практического опыта и данных Инструкции разработчика и изготовителя теста «Сератек» сведения? А судья Ларина все это переписала сначала в приговор, а затем и в протокол судебного заседания. Вопрос о некомпетентности эксперта Исаенко либо ее ангажированности (именно так выразился в суде эксперт Иванов П.Л., имея в виду абсолютно безграмотную интерпретацию результатов исследований, проведенных Исаенко) обсуждался в суде первой инстанции, но никакого влияния на вынесение судебного решения не оказал. Судебная коллегия по уголовным делам, рассматривая кассационные жалобы, нашла этим разъяснениям специалистов свое объяснение. Но об этом будет сказано более подробно ниже.

Глава 5. О доказанности факта обнаружения спермы в анализах мочи Макаровой Э.В.

Отвечая на жалобу адвоката Асташенкова О.В. *«о недостоверности показаний Рубель, Савельевой и Пономаревой ввиду возможной недостаточной их квалификации для достоверного исследования анализа мочи на наличие в ней сперматозоидов и о вероятной ошибочности больничного анализа»*, судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда отвергла довод адвоката указав, что он *«не основан на материалах дела и является предположительным»*. (выделено мною – А.Э.). При этом суд кассационной инстанции полностью согласился с оценкой показаний свидетелей обвинения Рубель, Юткиной, Баранова и других медицинских работников детской больницы им. Св.Владимира, сделанной судом первой инстанции, как достоверных и допустимых в силу их *соответствия требованиям уголовно-процессуального закона, непротиворечивости, согласованности друг с другом и другими доказательствами*, собранными по уголовному делу. (Стр.16 кассационного определения; выделено мною – А.Э.).

Особый интерес представляет мотивировка кассационной инстанции: *«не основан на материалах дела»*, в силу *соответствия* показаний упомянутых работников детской больницы *требованиям закона, их непротиворечивости, согласованности друг с другом и другими доказательствами*. Есть, одна-

ко, основания утверждать, что именно с материалами дела судебная коллегия по уголовным делам ознакомилась из рук вон плохо.

(1)

***О достоверности и допустимости показаний сотрудников больницы
им. Св.Владимира.***

Обнаружение сперматозоидов в моче Макаровой Э.В., поступившей в больницу с предварительным диагнозом: компрессионный перелом позвонков, и (под вопросом) «изнасилование» (т. 1, л.д. 36, т. 2, л.д. 92), стало поводом к началу доследственной проверки, которая проводилась с 24.07.2010 г. по 11.08.2010 года. Об обнаружении сперматозоидов в МОЧЕ написано во всех процессуальных документах и решениях по уголовному делу Макарова В.В., включая постановление о возбуждении уголовного дела, постановлениях о назначении различных экспертиз, решениях суда об избрании Макарову В.В. меры пресечения, в обвинительном заключении и др. Единственным источником для такого умозаключения стали показания медицинских работников детской больницы им. Св.Владимира. Со ссылкой на показания врачей и лаборантов больницы суд в своем итоговом решении – приговоре также приходит к выводу о том, что при проведении анализов Макаровой Э.В. в лаборатории больницы были обнаружены неподвижные сперматозоиды именно в МОЧЕ ребенка.

Не сомневаясь в достоверности показаний свидетелей, судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда, также как и суд первой инстанции, обнаружение в моче потерпевшей сперматозоидов представляет как однозначно установленный факт. О нем упоминается едва ли не на каждой странице Приговора и кассационного Определения. Между тем, есть все основания утверждать, что ни один из свидетелей в МОЧЕ девочки сперматозоиды не видел и видеть не мог. Из всех медработников больницы, заявлявших в своих показаниях об обнаружении в моче потерпевшей неподвижных сперматозоидов как об установленном факте, лишь одна лаборантка Савельева могла это утверждать, поскольку только она имела непосредственное отношение к исследованию мочи. Она же, якобы, и обнаружила эти клетки. Еще двое – врач-травматолог Рубель, врач-лаборант Пономарева лишь подтвердили слова Савельевой, которая пригласила их взглянуть в окуляр микроскопа, что они и сделали. Из всех троих, тем не менее, об обнаружении сперматозоидов именно в МОЧЕ, судя по протоколам допроса и тексту приговора, говорила одна Рубель, то есть врач-

травматолог, для которой проведение анализов мочи не является сферой профессиональных интересов. О том, что в действительности исследовалось лаборанткой Савельевой, можно узнать из ее собственных показаний, данных на предварительном следствии, и из объяснения Пономаревой, полученного 24.07.2010 года, то есть сведений, максимально приближенных по времени к моменту обнаружения «преступления». Поскольку показания Савельевой были переписаны в приговор из обвинительного заключения, в котором воспроизводится текст протокола ее допроса на предварительном следствии, а затем без существенных изменений показания лаборантки перепечатаны в протокол судебного заседания, достаточно будет сослаться на то общее, что дает ответ на наш вопрос. В полученных от Савельевой показаниях однозначно сказано, что сперматозоиды были обнаружены ею в **осадке** мочи, полученном после центрифугирования. Для этого из контейнера с мочой ребенка она отлила в пробирку 10 мл, поместила пробирку в центрифугу, отцентрифугировала мочу, слила надосадочную жидкость и перенесла осадок на предметное стекло, которое поместила под микроскоп. И уже после этого, посмотрев в окуляр микроскопа, увидела сперматозоиды. (обвинительное заключение - стр. 8, приговор - стр. 6, протокол допроса Савельевой - т.2, л.д.142-145, протокол судебного заседания от 25.07.11. стр. 18).

Обнаружение сперматозоидов не в моче, а в осадке помещенном на предметное стекло подтверждает и Пономарева. (стр.9 обвинительного заключения, стр.7 приговора). И понятнее всего и конкретнее именно в своем объяснении от 24.07.2010 (том 1, л.д.50-51):

«... был сделан анализ мочи. При исследовании под микроскопом были обнаружены в осадке неподвижные сперматозоиды. Чтобы исключить ошибку был проведен повторный анализ мочи в стерильную посуду..., который показал, что также в осадке были обнаружены сперматозоиды и белок, присутствующий в моче... Об полученном анализе я доложила дежурному врачу Рубель С.М.». (выделено мной – А.Э.).

Савельева с Пономаревой стали единственными сведущими «очевидцами», которые в силу своей профессиональной подготовки понимали, что за материал конкретно исследовался в лаборатории, и где были обнаружены сперматозоиды. И в отличие от остальных своих коллег, в том числе в отличие от «очевидца» Рубель, которая исследованием мочи, надо полагать, никогда не занималась, они единодушно говорили об обнаружении сперматозоидов **в осадке мочи**. Все остальные, интерпретируя услышанное из первоисточника,

под обязательство говорить правду сообщают следователю и суду, тем не менее, совсем другое.

Давая показания относительно обнаружения неподвижных сперматозоидов в моче, все свидетели, не задумываясь о достоверности сообщаемых сведений, фактически вольно интерпретировали то, что реально могли наблюдать в окуляр микроскопа лаборант Савельева, врач-лаборант Пономарева и врач-травматолог Рубель. А рассматривали они в микроскоп на самом деле, как выясняется, не МОЧУ, а ОСАДОК мочи, выделенный после центрифугирования взятых у Макаровой Э.В. анализов. «Сперма в моче» - это не факт, а умозаключение, которое делают медицинские работники, и вслед за ними следователь и суд, исходя из сообщения об обнаружении сперматозоидов в **осадке** мочи, ничуть не задумываясь о том, что для целей доказывания недопустимо отождествлять «мочу» и «осадок» мочи, поскольку они могут оказаться разными источниками «следов преступления».

Разница существенная. Если сперма обнаружена в МОЧЕ, то, принимая во внимание наиболее вероятный механизм попадания в мочу сперматозоидов, и, исключив «грязную посуду» для сбора анализов (судно и лоток), можно было бы рассматривать вывод следствия и суда о «семяизвержении в область преддверия влагалища» как в известной мере обоснованный. Но если сперматозоиды обнаружены не в МОЧЕ, а в ОСАДКЕ, то тогда вывод об обнаружении спермы именно в МОЧЕ нужно еще подтвердить, исключив вероятность случайного попадания сперматозоидов в осадок через «загрязненную» посторонним биоматериалом центрифужную пробирку, пипетку, предметное стекло, наконец, через руки лаборантки Савельевой. Не исключив такую возможность, ни врачи, ни тем более суд, ни следователь не имели никаких оснований утверждать о том, что сперматозоиды были обнаружены в моче девочки. А, соответственно не было у следствия и суда оснований и для вывода о попадании спермы в мочу ребенка в результате семяизвержения. Если отождествлять мочу с осадком мочи, то легко допустить ошибку не только в оценке показаний медработников больницы Св.Владимира, но и в собственных выводах. Тем более, что проверить вероятность случайного загрязнения исследованного осадка мочи не составляло особого труда, достаточно было дежурному следователю, той же Тонковой начать проверку сообщения об «изнасиловании» с осмотра в больнице ночью с 23.07.10 на 24.07.2010 года, а не с квартиры Макаровых, и изъять вместе с анализами мочи все перечисленные выше предметы (пипетку, пробирку, предметное стекло, содержимое кожных покровов Савельевой), ко-

торые могли стать потенциальными источниками «случайных» сперматозоидов, чтобы передать для производства экспертизы, или поручить сделать это тем же оперативным работникам, которые там побывали. Но следователь, возможно получив такое задание, поспешила на квартиру к Макаровым для проведения осмотра места происшествия, потратив на него 20 минут, и ничего не обнаружив. А оперативники занялись получением объяснений у Рубель и Пономаревой, забыв, однако, про главного «виновника сенсации» - лаборантку Савельеву. Она была допрошена спустя два месяца.

Для медицинских исследований, в отличие от сферы уголовно-процессуального познания, понятие «сперматозоиды в осадке мочи» и «сперма в моче» - понятия возможно тождественные. Медицина может позволить себе именно так интерпретировать результаты: «в осадке», значит «в моче». И именно потому, что окончательный диагноз никогда не ставится только по анализам мочи, и прежде чем назначать лечение, требует подтверждения иными методами диагностики. Но то, что логично для медицинского заключения по результатам лабораторного анализа, не может априори восприниматься как однозначно установленный факт в уголовно-процессуальном доказывании. Чтобы умозаключение: «раз наблюдалось в осадке, значит, было и в самой моче» признать достоверным суждением, необходимо исключить всякую возможность случайного загрязнения осадка мочи посторонним биологическим материалом. В нашем случае ошибка вполне реальна, ибо такое загрязнение могло произойти при извлечении мочи из контейнера, помещении малой ее части в центрифужную установку, извлечении после центрифугирования полученного осадка из пробирки с помощью пипетки и помещении его на предметное стекло. Если вероятность случайного попадания сперматозоидов в сам осадок мочи Макаровой Э.В. или непосредственно на предметное стекло не исключить, то умозаключение «в осадке значит в моче» вполне может оказаться недостоверным. Ни следствие, ни суд не предприняли никаких усилий, чтобы проверить такую версию.

Аналогичным образом в судебных решениях простатоспецифический антиген превратился однозначно в сперму. Выше подробно анализировались искажения показаний лаборантки Дашкевич Н.Н., эксперта Иванова П.Л., эксперта Исаенко М.В. Этими искажениями реально прозвучавших в суде показаний положительные тесты на ПСА были интерпретированы как неременный признак спермы. Напомню: лаборантке Дашкевич были приписаны в приговоре и протоколе судебного заседания слова о том, что в исследуемом материале она

наблюдала *«следы спермы»*; профессору Иванову П.Л., что положительный результат теста на ПСА говорит о том, *«что сперматозоиды есть»*, самой Исаенко, что ПСА *«у женщин отсутствует»*.

Роковую роль в осуждении Макарова В.В. сыграли именно такие дописки и искажения показаний свидетелей и специалистов при их изложении в протоколе судебного заседания и приговоре. Суд убедили не свидетельства профессионала - профессора Иванова П.Л. и его коллег, а слова лаборантки Дашкевич, утверждавшей, что полоса на тест – кассете «SERATEC», означающая присутствие в исследуемом препарате простатоспецифического антигена (ПСА), это *«обязательно спермальная жидкость»*. Безграмотная с точки зрения генетики и биологии, и, тем не менее, приписанная (а возможно, и реально сказанная) Исаенко фраза *«у женщин ПСА отсутствует»*, в сочетании с уверенностью в правоте лаборантки Дашкевич, заявившей, что ПСА и сперма – это одно и то же, привели суд к констатации ложного факта об обнаружении спермы в мазке из влагалища потерпевшей и к осуждению ее отца. Хочу спросить у «знакоков» генетики и биологии из числа тех, кто решал судьбу Макарова В.В.: если обнаружение ПСА равнозначно обнаружению спермы, то куда нужно подвести половой член и произвести семяизвержение, чтобы сперма попала в кровеносную систему человека. Ведь ПСА может присутствовать не только в эякуляте, но и в крови человека. Например, в сыворотке крови мужчин концентрация ПСА составляет 4 нг/мл, а при заболеваниях простаты может достигать 200 нг/мл.²⁵

Короче, для суда все оказалось предельно простым. Если, к примеру, понятие *«осадок»* заменить понятием *«моча»*, а понятие *«простатоспецифический антиген»* - понятием *«сперма»*, то в результате подмены мы получим - *«семяизвержение в область преддверия влагалища»*. Безобидная, казалось бы, приписка в протоколе и приговоре одновременно с вольной интерпретацией научных данных о природе ПСА привели к тому, что следствием и судом была создана видимость доказанности вины Макарова В.В. в преступлении, которого он не совершал.

²⁵ «Полное руководство по применению мембранных иммунологических тестов на выявление простатического специфического антигена (PSA)». – См. подробно также статью Даниловой В.А. и Шаниной И.Н. «Современные возможности судебной биологии в исследовании следов спермы» - на сайте Белорусского государственного медицинского университета: http://www.bsmu.by/index.php?option=com_content&view=article&id=962:---c--&catid=82:s42008&Itemid=196.

(2)

О компетентности сотрудников ДГКБ им. Св. Владимира.

Показаниям С.М.Рубель, Е.В.Пономаревой, Т.Б.Савельевой и других работников больницы им. Св. Владимира, суд придает особое значение. И именно потому, что только этими показаниями был подтвержден факт обнаружения спермы в моче ребенка. Между тем, ни одна экспертиза сперму в моче ребенка не обнаружила. Показания работниц больницы стали единственным тому подтверждением, и только к ним суд отнесся с полным доверием как свидетельству того, *«что сперматозоиды в моче были»*, но со временем разрушились. Не сомневается суд ни в компетентности работников больницы, на показаниях которых построено обвинение Макарова В.В., ни в том, что свидетели видели именно сперматозоиды, а не что-то другое. Я уже писал о недопустимости решения специального вопроса посредством свидетельских показаний и что личные наблюдения сотрудниц больницы, изложенные в их показаниях, не могли, заменить полноценного исследования. Для решения этого вопроса должна назначаться судебно-медицинская экспертиза. Показания медработников должны были стать лишь основанием для назначения экспертизы. Без проведения специального исследования считать факт обнаружения сперматозоидов в моче ребенка установленным нельзя. На недопустимость ограничиваться лабораторными анализами мочи, проведенными в больнице, обращают внимание в своем заключении №84 специалисты: кандидат медицинских наук, профессор Щербakov В.В., и доктор биологических наук, профессор Корниенко И.В., оба судебно-медицинские эксперты с многолетним стажем экспертной деятельности: (т.4, л.д. 54): *«В соответствии с нормативно-правовыми актами, регулирующими судебно-медицинскую экспертную деятельность, исследование в целях установления факта наличия сперматозоидов на вещественных доказательствах отнесено к компетенции судебно-медицинского эксперта по исследованию вещественных доказательств (эксперта – биолога)...*».

Такая экспертиза была назначена 11.08.2010 г. (т. 3, л.д. 64-65), на разрешение следователь поставил ряд вопросов, в том числе и вопрос, касающийся наличия сперматозоидов в двух анализах мочи Макаровой Э.В. (т. 3, л.д. 65). Но ни в первом, ни во втором анализе мочи сперматозоиды обнаружены не были, что эксперт Исаенко М.В. подтвердила и в заключении №942, и в своих показаниях суду (стр.18-19 Приговора). Казалось бы, вопрос исчерпан. Но в июле 2010 года, получив сообщение об «изнасиловании» (такой «диагноз», хотя и под вопросом, поставила ребенку врач-травматолог С.М. Рубель), сотрудники

криминальной милиции Таганского ОВД и следователь Лопав Д.Н. еще не могли знать о результатах генетического исследования мочи. Они появятся позже. Стремление выяснить этот вопрос еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела оправдано. Тем не менее, при отсутствии данных, достаточных для формулировки сколько-нибудь достоверных выводов, факт обнаружения клеток, со слов медперсонала похожих на сперматозоиды, и в конце июля 2010 г., и позже был однозначно интерпретирован следователем как факт обнаружения спермы в анализах мочи ребенка. И этот, никем не установленный факт, был растиражирован всеми, начиная с работников больницы и кончая судебной коллегией по уголовным делам. Это как раз тот случай, когда неквалифицированная работа следователя (и суда) и его не критическое отношение к тому, что сообщали в своих объяснениях медицинские работники, проявились достаточно наглядно.

Для проверки достоверности показаний Рубель, Пономаревой, Савельевой, следовало, как минимум начать с выяснения вопроса о компетентности указанных свидетелей. Причем, именно в вопросах использования лабораторных методов исследования мочи с целью обнаружения сперматозоидов, в данном случае морфологического метода. Необходимо было проверить, достаточны ли их знания и опыт для ответа на этот вопрос. Все это должен был выяснить следователь, подтвердить суд первой инстанции, а проверить судебная коллегия, рассматривавшая кассационные жалобы на вынесенный Макарову В.В. приговор. Между тем, аргументы судебной коллегии, указавшей на то, что довод адвоката о *возможной недостаточной квалификации работников больницы для достоверного исследования анализа мочи на наличие в ней сперматозоидов «не основан на материалах дела и является предположительным»* (стр. 16 Определения), говорит, скорее, о том, что никто из судей как раз с материалами уголовного дела внимательно не ознакомился. Причем не только у судьи Лариной, вынесшей Макарову В. приговор, но и у судебной коллегии в распоряжении имелись все необходимые материалы, чтобы дать оценку компетентности тех, кто утверждал, будто бы видел в моче Макаровой Э.В. именно сперматозоиды. Эти оценки можно было сделать на основании самих показаний указанных свидетелей, а также свидетельств экспертов – генетиков и судебных биологов, выступивших в суде, где они говорили о правилах работы с биологическими объектами, содержащими сперму, и тех минимальных требованиях, предъявляемых к экспертам, занимающимся такого рода исследованиями. Однако кассационная инстанция, судя по всему, ничего, что давало бы ос-

нование судить об уровне профессиональной подготовки упомянутых работников больницы, в материалах дела не нашла, а, скорее всего даже и не искала, ограничившись содержанием приговора. Восполню и этот пробел.

В своем заключении от 30.09.2011 года я уже обращал внимание на совершенно удивительные заявления медицинских работников, путающих перевязочный кабинет с процедурным, утверждающих, будто бы под микроскопом можно обнаружить в моче белок или, что повышенное содержание белка в моче обязательно свидетельствует о присутствии в ней спермы.²⁶ Вынужден вернуться к этому вопросу, поскольку в своем определении судебная коллегия по уголовным делам, воспроизводя показания Пономаревой и Рубель, в том числе той их части, где изложено это абсурдное утверждение про «белок», в итоге констатирует допустимость, достоверность и непротиворечивость их показаний. (стр. 16 Определения). А следовало бы дать оценку, по крайней мере, суду стало бы ясно, насколько врачи и лаборанты больницы «компетентны» даже в таком простом вопросе, на который, думаю, знают ответ даже студенты медицинских ВУЗов. Возможно, мои комментарии, данные в первом заключении по уголовному делу, оказались не столь убедительными. Я не медик, поэтому обратился к данным медицинских источников. Для начала напомним сказанное в суде участниками событий и нашедшее отражение в приговоре:

Так, для подтверждения своих наблюдений в окуляре микроскопа С.М. Рубель обращает внимание суда (а до этого следователя) на факт обнаружения в моче ребенка белка. *«В них (анализах) было обнаружено большое количество белка..., что также подтверждает наличие сперматозоидов в моче»* (стр. 2-3 Приговора). То же за ней повторяет и Е.В. Пономарева: *«такое количество белка могло дать только наличие в ней сперматозоидов»* (стр.7 Приговора).

И только лаборант Савельева Т.Б. в суде высказала предположение о причине появления белка, обнаруженного в моче Э.В.Макаровой. На вопрос защитника о том, что она наблюдала в микроскоп свидетель Савельева ответила: *«был повышенный уровень белка, это мог бы быть пиелонефрит...»*.(заседание 25.07.11 стр. 19 Протокола).

Воспроизводить в процессуальных документах всю ту чушь, сказанную врачом – травматологом Рубель и врачом – лаборантом Пономаревой (*«такое количество белка могло дать только наличие в ней сперматозоидов»*), да еще

²⁶ Эксархопуло А.А. Заключение специалиста по уголовному делу, рассмотренному Таганским районным судом г.Москвы, в отношении Макарова В.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» части 4, ст. 132 УК РФ, - Библиотека криминалиста. Научный журнал. №1 (2) 2012 г. Стр. 360-367.

ссылаться на показания «компетентного» медперсонала для подтверждения виновности подсудимого, значит дискредитировать суд. Между тем, ни следователю Лопаеву, ни суду не составляло никакого труда проверить достоверность сообщаемых врачами сведений. На многих медицинских и фармакологических сайтах в Интернете разъясняются причины появления белка в моче. К примеру, такое:

*«Белок в моче - один из важных лабораторных признаков **патологии почек**. Небольшое количество белка в моче (физиологическая протеинурия) может быть и у здоровых людей, но выделение белка с мочой не превышает в норме 0,080 г/сут в покое и 0,250 г/сут при интенсивных физических нагрузках, после долгой ходьбы (маршевая протеинурия). Нормой концентрации белка в утренней моче обычно считают <0,033 г/л. Белок в моче может также обнаруживаться у здоровых людей **при сильных эмоциональных переживаниях, переохлаждении**. У подростков встречается ортостатическая протеинурия (в вертикальном положении тела)».*²⁷

На том же сайте <http://www.fermento.ru/urine-tests/overall/> приводится примерный перечень причин появления белка в моче, но ни здесь, ни в других источниках среди них нет ни слова о сперме. Ниже одно из таких сообщений на сайте урологов <http://www.urolog-press.ru/> :

«Почечная протеинурия бывает физиологической (может наблюдаться и у здоровых людей) и патологической. Наиболее частыми причинами физиологической почечной протеинурии являются:

1. *Употребление большого количества белка, не прошедшего термическую обработку (некипяченое молоко, сырые яйца)*
2. *Интенсивная мышечная нагрузка*
3. *Длительное пребывание в вертикальном положении*
4. *Сильный эмоциональный стресс*
5. *Купание в холодной воде*
6. *Эпилептический приступ*
7. *Лихорадочная протеинурия, возникающая при различных заболеваниях, сопровождающихся повышением температуры тела. Такая протеинурия исчезает после нормализации температуры».*

²⁷ См.: <http://www.fermento.ru/urine-tests/overall/>

Откуда белок попадает в мочу, можно было прочитать, например, на сайте <http://800-314-1110.com/qanda/q120103.html>:

«Белок (альбумин) в мочу попадает не из кастрюли, не из желудка, не из кишечника, не из печени, а исключительно из почек.

Поэтому, ... содержание белка, т.е. альбумина, в моче выше нормы указывает на больные почки, так как здоровые его практически не пропускают».

И, тем не менее, в приговоре, как «отче наш»: *«при этом у суда нет оснований не доверять показаниям Рубель... Пономаревой... Савельевой»* (стр. 26 Приговора). То же самое в оценке показаний медицинских работников больницы им. Св. Владимира находим и в Определении судебной коллегии по уголовным делам. (стр. 16 кассационного Определения).

Весьма примечателен для уяснения компетентности врачей больницы и диалог судьи Лариной со свидетелем Пономаревой, состоявшийся во время судебного заседания. (Протокол заседания суда от 18.08.11. стр.2-4.):

«Вопрос председательствующего: *что-то еще было выявлено, помимо сперматозоидов?*

Ответ свидетеля: *Белок был.*

Вопрос предс.: *А что это значит?*

Ответ свид.: *значит, что в моче присутствует лейкоциты, или примесь какая-то, а также сперма.*

Вопрос предс.: *А наличие белка и спермы это разное?*

Ответ свид.: *нет, одно и то же».* (выделено мною – А.Э.).

С учетом известного медикам факта, что белок в мочу может попасть только из почек, и установленного судом из «заслуживающих доверие» показаний врача – лаборанта Пономаревой, что *белок и сперматозоиды это одно и то же*, можно заключить: сперма в организме мужчин вырабатывается почками. Это, если опять же с доверием относиться к показаниям свидетеля. Но суд не обращает никакого внимания даже на очевидные противоречия: белок обнаружен *«помимо сперматозоидов»* и *«белок и сперматозоиды – одно и то же»*.

Дальше не менее интересно. Читаю показания Савельевой об обнаружении ею сперматозоидов в осадке мочи Макаровой Э.В., воспроизведенные в кассационном определении: *«это были точно сперматозоиды, их невозможно спутать с чем-либо другим».* (стр. 9 Определения). Насколько профессионально это умозаключение лаборантки можно понять из выступления профессора Иванова П.Л. Выступая в суде, он говорил прямо противоположное, а именно, что на неокрашенном препарате сперматозоиды можно спутать с чем угодно.

(см. протокол от 18.08.11, стр. 9; его же выступление, записанное на фонограмме – см. ниже). И Рубель и Пономарева подтвердили слова Савельевой, что видели именно сперматозоиды. Суд исключает ошибку, полагая, что в материалах уголовного дела нет ничего, что давало бы основания сомневаться в достоверности показаний свидетелей. И снова я готов утверждать, что судебная коллегия, отвергает доводы кассационной жалобы об ошибочности выводов врачей и их некомпетентности, не ознакомившись должным образом с материалами дела. А найти в них можно было многое. Ниже диалог Савельевой Т.Б. с судьей Н.Г.Лариной, председательствовавшей на процессе. В протоколе от 25.07.11 г. на стр. 19 написано:

«Вопрос предс. : *в течение какого срока сперматозоиды сохраняются в моче?*

Ответ свидетеля: *я не знаю, знаю, что методом окраски их можно выявить через несколько дней.*

Вопрос предс.: *неподвижные сперматозоиды чем отличаются от подвижных?*

Ответ свидетеля: *они разлагаются, подвижные можно увидеть у мальчиков, это нормально. Их можно увидеть, если капнуть синильную кислоту.*

Вопрос предс.: *у вас не возникало сомнений, что это именно сперматозоиды?*

Ответ свидетеля: *нет».*

Как можно убедиться, свидетель сама подтверждает, что сперматозоиды можно выявить методом окраски, увидеть их, если «*капнуть синильную кислоту*». И, несмотря на то, что сама Савельева, рассматривая осадок мочи Макаровой Э. в микроскоп никакой «**окраской**» не пользовалась, ее отрицательный ответ на вопрос о сомнениях в результатах наблюдений, приводит суд к абсолютной уверенности в том, что свидетель и другие работники больницы видели в окуляре микроскопа именно сперматозоиды, а не что-либо иное. Но для такой уверенности нужно, чтобы и способ обнаружения не вызывал сомнений, тем более, что микроскопический метод (морфологический) считается абсолютно специфическим для спермы. Приведу фрагмент его описания из статьи В.А. Даниловой и И.Н. Шаниной, опубликованной на сайте Белорусского государственного медицинского университета²⁸:

²⁸ http://www.bsmu.by/index.php?option=com_content&view=article&id=962:---c--&catid=82:s42008&Itemid=196

*«Доказательством семенного происхождения пятна может служить обнаружение клеточных элементов спермы - сперматозоидов или головок сперматозоидов, которые содержатся только в сперме, имеют весьма характерный вид (состоят из головки, шейки и хвоста), позволяющий уверенно отличать их от других морфологических элементов. **Метод абсолютно специфичен.***

Морфологическое исследование подразделяется на две группы:

- окраска сперматозоидов без извлечения их из пятна. Используются различные методы окраски (0,5% раствор эритрозина в 25% аммиаке по методу Корен-Стокиса; 1% раствор кислого фуксина и 1% раствор метиленового синего по методу Базжки; обработка концентрированной серной кислотой и др.) вырезок, взятых непосредственно из подозрительного пятна.

- окраска сперматозоидов после их извлечения из пятна».

Насколько компетентно этот метод был использован Т.Б.Савельевой, можно судить по выступлению эксперта - профессора Иванова П.Л. в суде, где он рассказывал о правилах, применения микроскопического метода, от соблюдения которых зависит достоверность результата. Привожу сказанное экспертом не по протоколу, поскольку в нем об этом всего пять строчек (протокол от 18.08.11, стр.8), из которых ничего понять нельзя, а по расшифровке фонограммы. На вопрос адвоката О.В.Асташенкова, использовали ли эксперты микроскопические методы, Иванов П.Л. ответил:

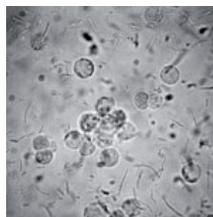
«Это древние методы... Они во-первых, не очень объективизированы... Эксперт окрашивает... смотрит в микроскоп, видит, допустим, клетку. Там будет очень много всякого мусора, очень много всяких точек, пылинок... чего угодно. Среди них он должен найти определенного вида клетки. Опытные люди этому обучены. Они, что называется, «набили глаз». Что значит не объективизированный метод? ... Он для избранных, ему надо долго учиться, его надо использовать в практике и тогда ты можешь его адекватно применить.... Тот, кто исследует микроскопическим методом, должен быть человеком весьма опытным... сперматозоиды видоизменяются, теряют хвосты, теряют шейки, округлые тельца можно спутать с чем угодно...»

На вопрос адвоката, чем и зачем красят препарат, Иванов ответил: *«Красят, чтобы увидеть определенный тип клеток. Иначе вы увидите определенное месиво... Графически это кружочки, овальчики, палочки, черточки. **На неокрашенном препарате утверждать, что это сперматозоиды очень трудно...**»*

Асташенков: *А препарат выделяет именно сперматозоиды?*

Иванов: *Да он окрашивает клеточные оболочки... Тогда эксперт может сказать «да, я вижу».* (выделено мною – А.Э.).

Для иллюстрации того, что обнаружить клетки непросто, воспроизведу картинку, которые можно наблюдать в окуляр микроскопа, рассматривая осадок мочи:



Ни на первой, ни на второй картинке сперматозоидов нет, но при желании, как пишет Евгений Бойко, опубликовавший эти изображения в своем блоге, их можно найти.²⁹ Не так ли?

Чтобы с уверенностью распознать в осадке мочи клетки, в том числе сперматозоиды, нужно обладать достаточным опытом и знаниями, как говорил профессор Иванов П.Л., нужно на этой работе «глаз набить». Еще более доходчиво вопрос о достоверности анализов мочи, сделанных в больнице лаборантом Савельевой Т.Б., разъяснили судебно-медицинские эксперты - профессор, кандидат медицинских наук Щербаков В.В., и профессор, доктор биологических наук Корниенко И.В. Описывая правила выявления клеток микроскопическим методом, они в своем заключении №84 (т.4, л.д. 54) отмечают:

*«При этом **обязательной является окраска препаратов кислым фуксином. Результат исследования считается достоверным** в случае, если в препаратах четко дифференцируется головка, шейка и хвостик сперматозоида. Вызывает недоумение то обстоятельство, что препараты, исследованные клиническим лаборантом, в целях верификации результатов исследования не были изъяты установленным порядком в ходе следственных мероприятий, соответственно не передавались на судебно-медицинскую экспертизу, имеющую в конкретном случае две цели: достоверное установление относимости клеток*

²⁹ Из блога Евгения Бойко см.: <http://boyko.ru/2011/11/23/why-is-preparing-public-opinion-on-the-eve-of-the-appeal-case-of-vladimir-makarov/>

к сперматозоидам и прямую идентификацию личности на основе исследования ДНК. Иной методический подход чреват получением как ложноположительных (за счет артефактов исследования) так и ложноотрицательных результатов. На основании вышеизложенного в части, относящейся к «наличию сперматозоидов», имеются все основания для вывода о ничтожности результатов анализа мочи Макаровой Э.В. в судебно-медицинском отношении». (выд. мною – А.Э.).

Но что для суда мнение ученого с мировым именем и еще двух профессоров, когда есть показания лаборантки больницы им. Св. Владимира Т.Б.Савельевой. Ни следователь, ни судья Ларина, ни судебная коллегия по уголовным делам, безоговорочно доверяя показаниям трех работниц больницы, нисколько не усомнились в достоверности распознавания ими сперматозоидов в осадке мочи ребенка, к тому же не окрашенном красителем, как того требуют правила проведения морфологических исследований. Не говоря уже о выяснении вопроса об «опытности» тех, кто рассматривал поля зрения в окуляре микроскопа. Несмотря на то, что некоторые данные, дающие основания для соответствующих оценок, имелись в материалах дела. В частности, такие данные можно найти в показаниях самих «очевидцев» Рубель и Савельевой, которые были зафиксированы в протоколе судебного заседания, и свидетельствуют «об опыте» (вернее, об отсутствии такового) у сотрудниц больницы:

Рубель: *«к ней обратилась лаборантка Савельева Тамара и сообщила о том, что в моче у девочки обнаружила сперматозоиды, за всю мою 20-летнюю практику это второй случай».* (протокол от 18.07.11 стр. 3).

Савельева Т.Б.: *«Я пошла к врачу-лаборанту Пономаревой и сообщила ей о том, что в моче сперматозоиды»..., я 29 лет работаю.*

Вопрос предс. *А были похожие случаи?*

Ответ свидетеля: *именно такого не было...*» (протокол от 25.07.11 стр. 19; выделено мною - А.Э.).

Что мешало судьям ознакомиться с этими свидетельствами? Да ничего. Просто, сведения об отсутствии у персонала больницы достаточного опыта и навыков распознавания сперматозоидов в моче, поставили бы под сомнение достоверность их показаний, а значит и все обвинение В.В. Макарова. Наряду с результатами судебно-генетических исследований – и первоначального и повторного, объективная оценка показаний Рубель, Пономаревой и Савельевой могла означать только то, что никаких сперматозоидов в моче Макаровой Э.В.

не было. Но судебная коллегия по уголовным делам предпочла довериться их «фантазиям».

Так, что же все-таки видели в поле зрения микроскопа врач-травматолог Рубель, врач-лаборант Пономарева и лаборант Савельева? Думаю, не ошибусь, если скажу, что видели они только то, что хотели увидеть. Нашли то, что искали, а искали именно сперматозоиды. И именно потому, что диагноз «Изнасилование?», вопреки утверждениям Рубель на суде, был ею поставлен не ПОСЛЕ получения результатов анализа мочи Макаровой Э.В., а еще ДО их назначения. Чтобы в этом убедиться, обратимся к материалам уголовного дела. Протокол судебного заседания от 18.07.11 года, стр. 4, показания Рубель С.М.:

Вопрос защитника Асташенкова О.В.: *«Кто заводил на ребенка документацию, карту?»*

Свидетель Рубель С.М.: *«историю болезни заводила я».*

Асташенков О.В.: *«здесь указано, что поступила девочка в 23часа 37 минут».*

Ответ Рубель: *«это время смотрится на компьютере, когда мед.сестра забивает карту. То есть время, когда она садится за компьютер».*

Асташенков О.В.: *«Когда осматриваете ребенка?»*

Ответ Рубель: *«Осмотр проводится параллельно. Я пишу историю болезни».*

Асташенков О.В.: *«здесь рукой дописано: «изнасилование» под вопросом», кто и когда делал эту запись?» (рис.1).*

Ответ Рубель: *«я, после второго анализа мочи».*



Рис.1. Фрагмент титульного листа Медицинской карты Макаровой Э.В. с дописанным от руки диагнозом «изнасилование?» (т.2, л.д.92).

Далее у С.Рубель выясняется, на каком основании она поставила диагноз «Изнасилование» (Стр.5 протокола от 18.07.11):

Вопрос защитника Асташенкова О.В.: *«перечислите, что указывало на факт совершения изнасилования?»*

Ответ свидетеля Рубель.: «*наличие сперматозоидов в моче, наличие садины на щеке: полоса через щеку до носа... Две травмы с диапазоном в два дня*». (выделено мною – А.Э.).

Лукавит, однако, врач-травматолог. Про запись на титульном листе медицинской карты девочки ничего сказать не могу. Проверить показания врача о том, что эта запись была ею сделана после получения второго анализа мочи, а не раньше, невозможно. Но есть в истории болезни ребенка еще один весьма интересный документ. Это описание хода и результатов проведения осмотра Макаровой Эли в приемном отделении больницы (т.2. л.д.99), который, как свидетельствует сама Рубель, она проводила параллельно с оформлением карты. Уточню, осмотр был начат на 9 минут раньше, чем медсестра приступила к «забыванию» карты, а именно 23 июля 2010 года в 23 часа 28 минут и закончился, судя по записи на титульном листе Карты №17805, в 00 часов 05 минут - время, когда ребенка отправили на отделение. Именно на 3-м хирургическом отделении больницы в палате №5 и брались анализы мочи у Макаровой Э., что подтверждено показаниями медсестры Авериной, дежурившей в это время на отделении. Графа же «общий анализ мочи» в описании осмотра, проведенного Рубель в приемном отделении, не заполнена, что означает, что диагноз по результатам этого осмотра ею ставился без получения анализа мочи. (т.2, л.д. 99).

Таким образом, можно утверждать, что все действия дежурного врача – травматолога Рубель С.М., описанные ею в документе под названием «**Осмотр в приемном отделении**», предшествовали, а не следовали за взятием анализов мочи Макаровой Э. и тем более за получением их результатов в виде «обнаружения сперматозоидов». (рис.2).



Рис.2. Фрагмент первой страницы описания осмотра в приемном отделении от 23.07.10, начат в 23часа 28 мин. (т.2, л.д. 98).

Завершается этот документ постановкой диагноза «*компрессионный перелом ..., ссадина правой щеки. Изнасилование?*» и назначениями врача: «*вытяжение..., стол 15, кефир 200, ан. мочи...*». Из содержания документа видно, что диагноз «изнасилование?» был поставлен Макаровой Э. дежурным травматологом Рубель еще в приемном отделении наряду с диагнозом «компрессионный перелом и ссадина» по результатам осмотра девочки до ее отправки на отделение. Нет никаких сомнений, что запись об изнасиловании сделана еще до назначения анализа мочи. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с соответствующим фрагментом записей, сделанных Рубель. (рис.3). Криминалистическая экспертиза относительной давности документа (последовательности внесения записей) это установит. Пока же достаточно обратить внимание на топографические признаки текста: все записи о назначениях врача выполнены на правой половине линованной части страницы. Если бы не было записи «изнасилование», сделанной Рубель, то эти записи были бы размещены левее, то есть, с более рациональным использованием той части бланка, на которой они и должны размещаться. Помешал этому принятому формой документа размещению текста с рубрикой «Назначения», именно «диагноз» «Изнасилование».

Рис.3. Фрагмент с описанием результатов осмотра Макаровой Э. в приемном отделении (т.2, л.д. 99).

Возможно, чтобы создать иллюзию обоснованности поставленного диагноза «изнасилование» именно результатами двух анализов мочи Макаровой Э.В., оба документа – и первый и второй анализы были вклеены в историю болезни не после врачебного их назначения (т.2, л.д. 98), а сразу за титульным ли-

стом медицинской карты ребенка.(т.2, л.д. 94-96). Дальнейшие записи в истории болезни лишь подтверждают факт постановки диагноза «изнасилование» до того, как были получены результаты анализа мочи. Так их назначение продублировано Рубель (совместно с врачом Бармотиным А.В.) 24.07.2010 в 00.05, то есть когда осмотр в приемном отделении окончен и диагноз «изнасилование» поставлен (т.2, л.д.101). Далее, в час ночи 24.07.10, то есть еще до получения результатов лабораторного анализа мочи и также совместно с Бармотиным в истории болезни вновь записан диагноз «ИЗНАСИЛОВАНИЕ» (!!!), но уже без «компрессионного перелома» и лишь с указанием на «болезненность позвоночника», «ссадину правой щеки» (т.2, л.д. 102). И только следующая запись (т.2 л.д. 103) начинается с фразы «взяли забор мочи, в котором выявлены сперматозоиды...».

А как, спрашивается, с другими показателями анализов мочи Макаровой Эли, кто и зачем их назначал, и что, помимо сперматозоидов, было в моче ребенка обнаружено. Ответы на все эти вопроса также имеются в материалах уголовного дела. Из объяснения и показаний С.Рубель следует, что анализы мочи были назначены ею по экстренным показаниям, чтобы проверить наличие крови в моче (т.2, л.д. 138), а взяты они у девочки были около часа ночи 24.07.10 (том 1, л.д. 49). То же время называет и Пономарева (т.1 л.д. 50). Цель получения анализов мочи у ребенка называют и другие работники больницы: чтобы исключить повреждение почек. Показателем наличия крови в моче является обнаружение в ней эритроцитов (красных кровяных телец), а признаком воспалительного процесса – наличие в моче лейкоцитов. Эти данные содержатся в медицинских источниках, например, на сайте с разъяснениями, какую информацию можно получить из общего анализа мочи³⁰:

*«**Эритроциты** (красные кровяные тельца) Эритроциты в моче здорового ребенка отсутствуют или обнаруживаются в единичном числе (1-2 в поле зрения микроскопа). При появлении в моче эритроцитов в количестве, превышающем норму, говорят о "гематурии" (кровь в моче)».*

*«**Лейкоциты** в моче (лейкоцитурия, пиурия или гной в моче)... Повышение числа лейкоцитов в моче свидетельствует о воспалительном процессе в почках или мочевых путях. В моче здорового ребенка при рассмотрении ее в поле зрения микроскопа могут встречаться единичные лейкоциты. Обнаруже-*

³⁰ http://detstvo.ru/all_about/Kakuyu_informaciyu_mozhno_poluchit_iz_obschego_analiza_mochi.html

ние в моче более 5-7 лейкоцитов у мальчиков и 8-10 у девочек, может говорить о воспалительном процессе в мочевыводящих путях и почках».

Теперь смотрим анализы Макаровой Э.В. По первому анализу: лейкоциты 20-30 в поле зрения; эритроциты 4-5 в поле зрения (т.2, л.д. 95). Во втором анализе мочи ребенка: лейкоциты 10-15, эритроциты 2-3 в поле зрения (т.2, л.д. 96). Значит, у ребенка, доставленного в больницу с травмой позвоночника, была и кровь в моче, и воспаление мочевыводящих путей, а возможно, и почек. Однако, допрошенная в ходе предварительного следствия врач-лаборант Пономарева дала этим показателям иную оценку: *«лейкоцитов и эритроцитов в моче было небольшое количество (были в норме)»* (т.1., л.д. 156). С каких это пор многократное (пятикратное по эритроцитам и двадцатикратное по лейкоцитам для первого анализа мочи) превышение стало нормой? И почему врачи не перепроверили анализы, взяв образцы мочи таким образом, чтобы исключить попадание в нее грязи (одна из возможных причин увеличения количества лейкоцитов), например, с помощью катетера. Неужели врач-травматолог, утверждавшая, что анализ мочи Макаровой ею назначался, чтобы проверить, все ли в порядке с почками и нет ли в моче крови, не знала, что ни эритроцитов (красных кровяных телец – свидетельств крови в моче), ни лейкоцитов в моче быть не должно. Или ей достаточно было заверений врача-лаборанта Пономаревой, которая сказала, что эти показатели у Макаровой в норме. Неужели не обратила внимания на то, что в первом анализе эритроцитов 4-5 в поле зрения (а это в пять раз больше предельно допустимого количества), а лейкоцитов 20-30, что в 20-30 раз превышает норму? Зачем назначать анализ мочи и потом оправдываться, будто бы врачей интересовало состояние почек, если на существенное превышение этих показателей они не обратили ни малейшего внимания? Вероятно, у них был другой ИНТЕРЕС – интерес к другому, сенсационному «диагнозу».

У врачей не нашлось возможности с максимальной оперативностью проверить диагноз «компрессионный перелом», для чего нужно было срочно назначить исследование ребенка на МРТ, зато к гинекологу травмированную девочку отправили уже утром 24.07.10, на растяжке, да еще и в другую больницу, договорившись об осмотре еще ночью. Интересно, если бы диагноз «перелом позвонков» не вызывал у врачей сомнений, они тоже повезли бы девочку через пол Москвы? Или все же договорились бы, чтобы гинеколог приехала для осмотра в больницу Св. Владимира? Почему было не отвезти ребенка прежде на исследование для проверки диагноза «компрессионный перелом»? Судя по

записям в истории болезни Макаровой Э., вся энергия врачей была направлена только на проверку диагноза врача-травматолога Рубель об изнасиловании ребенка.

Чем дальше знакомишься с материалами уголовного дела, тем печальнее картина, которая свидетельствует о пренебрежительном отношении к своим обязанностям работников больницы им. Св. Владимира, поставивших ребенку «юридический диагноз».

А между тем, материалы уголовного дела говорят о том, что все действия врачей с первых минут пребывания Макаровой Э. в больнице были направлены на проверку именно этого, с позволения сказать, «медицинского диагноза» - диагноза об изнасиловании, который поставила ей дежурный врач-травматолог С.М.Рубель.

Прежде всего, восстановим хронологию событий по медицинской карте Макаровой Э.В. № 17805, начиная с поступления ребенка в больницу (т.2, л.д. 92-111). Самое интересное находим в описании результатов осмотра девочки. Осмотр проводила дежурный врач-травматолог С.М.Рубель в приемном отделении. Время начала осмотра 23 часа 28 минут, то есть еще до отправки ребенка в палату №5 на 3-е хирургическое отделение больницы, где позже и производился забор мочи Макаровой Э. для назначенных дежурным врачом анализов.

Итак, 23 июля 2010 года в **течение полчаса с 23 часов 28 мин и до 00 часов 05 мин.** – дежурный врач-травматолог Рубель С.М. проводит в приемном отделении больницы осмотр поступившей в больницу девочки с травмой позвоночника. В этот период и была, очевидно, получена рентгенограмма грудного отдела позвоночника. (№13102-03). По записи от 23.07.10, сделанной рентгенологом, можно понять, что *«на рентгенограммах грудного отдела позвоночника костно-травматические изменения не определяются»*. «НЕ определяются», еще не значит, что таких изменений нет.

Я специально консультировался у опытных врачей (нейрохирургов и ортопедов) Института травматологии и ортопедии им. Вредена по вопросам диагностики компрессионного перелома позвонков. Выяснил, что в случаях травмы позвоночника назначение обследования на МРТ считается обязательным. Об этом, кстати, говорила и Рубель в суде. Правда, отвечая на вопрос защитника Асташенкова О.В. о том, проводился ли еще рентген, Рубель соврала (или секретарь неправильно записала ее показания в протоколе). Но из протокольной записи показаний дежурного травматолога можно понять, что магниторезо-

нансная томография позвоночника Макаровой Э. проводилась утром 24.07.10 г.: *«Я знаю, что делали МРТ. Утром пришел рентгенолог и снял диагноз. Поскольку у девочки сохранялся болевой синдром, была проведена МРТ»* (протокол судебного заседания от 18.07.11 г. стр. 4). В действительности такое обследование ребенка было проведено спустя двое суток – 26.07.10 года. Цель обследования на МРТ указана: *«исключить патологию грудного отдела позвоночника»*. (т.2, л.д. 100). Цель, надо полагать, была достигнута. И патологию исключили, вероятно, потому, что «медицинский» диагноз, интересовавший лечащих врачей утром 24.07.10, оставался только один - «изнасилование». Для уточнения этого диагноза с учетом результатов анализа мочи ребенок утром 24.07.10 направляется не на МРТ, а к гинекологу (запись лечащего врача Баранова т.2, л.д. 107). И все это время с 24.07 и до 26.07 никто из врачей ни про анализы с повышенным содержанием эритроцитов и лейкоцитов, ни про компрессионный перелом даже не вспомнил. Гинеколог Сашкина записала в истории болезни, что девочка доставлена *«для проведения осмотра в связи с подозрениями на причинение насильственных действий сексуально-развратного характера по отношению к ребенку»*, уточнив тем самым «диагноз» Рубель С.М.. (т.2, л.д. 108). Следующая запись от 25.07 лечащего врача Баранова и также без упоминания о компрессионном переломе позвонков. Лишь краткая констатация: *«сохраняется болевой синдром, вытяжение в порядке»*. То же 26.07.: *«боль при пальпации в области 4-6 позвонков»*. (л.д.109). И, наконец, после проведения МРТ диагноз, о котором двое суток врачи не вспоминали, был снят лечащим врачом Барановым: *«На МРТ данных за компрессионный перелом нет»*. (т.2, л.д. 110). А через два дня девочку из больницы выписали.

Спустя почти полтора года после выписки из больницы им. Св. Владимира с окончательным диагнозом *«ушиб грудного отдела позвоночника»*, мать потерпевшей (в медицинском понимании этого слова) Макарова Т.И., заметив изменения в осанке дочери и появившиеся жалобы на боли в позвоночнике, обратилась к врачу и получила такое вот заключение хирурга от 06 декабря 2011 года: *«Диагноз: Нарушение осанки. Сросшийся перелом 4-5 позвонков»*. (см рис.4). В ближайшие несколько месяцев девочка обречена носить корсет.

Еще раз повторю: я не врач, я юрист. Я не готов категорически утверждать, что допущена врачебная ошибка и виновных в ней сотрудников больницы им. Св.Владимира следует привлекать к ответственности, но факт остается фактом: увлеченные проверкой единственного диагноза – «изнасилование», они искали то, что хотели найти, оставив Макарову Э. с тяжелой, судя по новым

медицинским показаниям, травмой без должного внимания. Направляя ребенка в больницу, родители рассчитывали получить медицинскую помощь. А получили не без участия медперсонала сначала 13 потом 5 лет колонии строгого режима для отца, вина которого основана на сомнительных показаниях докторов и лаборантов больницы.

Тем не менее, ни у судьи Лариной, ни у судебной коллегии по уголовным делам, оказывается, «не было оснований не доверять показаниям Рубель», которая всего-то второй раз за свою 20-летнюю практику встретилась с фактом обнаружением спермы в моче ребенка, и жлет по поводу времени постановки ею диагноза «изнасилование».

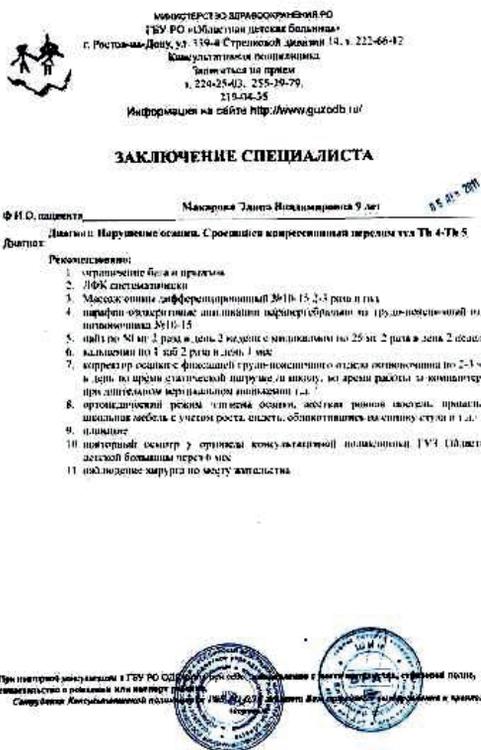


Рис.4.

Этот диагноз, судя по всему, и стал главным ориентиром в работе сотрудников больницы, вместо оказания медицинской помощи и лечения

Э.В.Макаровой от травмы. Ничего удивительного в оценке судом показаний Рубель С.М., однако, не нахожу. Чтобы усомниться в их достоверности, нужно знать материалы дела. В отличие от судей, я внимательно их изучил и нашел много интересного. В то время как судью Ларину нисколько не заботили факты, опровергающие версию обвинения, а судебная коллегия, рассматривавшая кассационные жалобы на приговор в своих выводах руководствовалась, судя по мотивам отклонения доводов адвокатов, только текстом приговора и «подогнанным» под приговор текстом протокола судебного заседания.

Макаров В.В. стал заложником ошибок лаборантов и врачей больницы. Ошибок, не только не исправленных следователем и судом первой инстанции с учетом мнений компетентных экспертов и специалистов, но и приумноженных судьями Мосгорсуда в результате искажения сути полученных заключений сведущих лиц и показаний участников процесса.

Глава 6. О доказательственном значении заключения судебно-генетической экспертизы №942 (М.В.Исаенко).

(1)

О допустимости заключения эксперта №942 и его соответствии требованиям закона.

Заключение эксперта Исаенко М.В., подготовленное ею по результатам генетического исследования ряда важных объектов, в том числе: двух анализов мочи, мазка из влагалища, майки и трусов Макаровой Э.В., можно назвать одним из самых сомнительных документов, которым и суд первой инстанции и судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда безоговорочно придают доказательственное значение. Вот лишь несколько оценочных суждений, содержащихся в Кассационном определении от 29.11.2011 года:

«Допустимость выводов судебно-генетической экспертизы, проведенной экспертом Бюро СМЭ ДЗ г.Москвы Исаенко, также не вызывает сомнений. Заключение экспертизы не противоречит положениям ст.204 УПК РФ...». (стр. 17 Определения).

Материалы уголовного дела, между тем, свидетельствуют об ином. Для начала скажу, что вопреки требованиям п.9 части 1 ст.204 УПК РФ, в заключении Исаенко вообще отсутствует исследовательская часть. Впрочем, и сами исследования в рамках назначенной следователем 11.08.10 года экспертизы не проводились. Нельзя сказать, чтобы эти факты не были известны

судьям судебной коллегии. Но то, как судьи объясняют нарушения ст.204 УПК РФ, поражает своей парадоксальностью, если не откровенной безграмотностью. Вот этот текст:

*«Отсутствие в исследовательской части экспертизы описания проводимых экспертом в рамках **доследственной проверки** исследований, **ссылка в заключении на акты исследований, и непроведение этих исследований в рамках самой экспертизы, которая по времени проведения частично пересеклась с периодом проведения и изготовления актов об исследовании, не может являться основанием к признанию заключения недопустимым доказательством, поскольку эксперт предупреждалась об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.*** (стр.17-18 Определения).

Кто может мне объяснить, что хотели судьи сказать таким вот, с позволения сказать, описанием проведенных Исаенко исследований? Чего стоит только *«непроведение этих исследований в рамках самой экспертизы»*. А понимают ли те, кто все это писал, что вообще представляет из себя судебная «ЭКСПЕРТИЗА» как процессуальное действие и средство доказывания, как источник получения экспертного заключения, отнесенного законом к числу доказательств? Когда читаешь определение суда, начинаешь в этом все больше сомневаться. Неужели еще нужно убеждать профессиональных юристов, что экспертиза - это и есть исследование³¹, а заключение эксперта – это *«представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом...»* (ч.1 ст.80 УПК РФ. Выделено мною – А.Э.). Не знаете этих положений закона, посмотрите, что написано в Комментарий к УПК РФ, подготовленном под редакцией председателя Верховного суда РФ В.М.Лебедева: *«Исследование – обязательная предпосылка заключения эксперта»*³². Ладно, мнения ученых, но неужели судья Ларина и судьи судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда никогда не читали постановления Пленума Верховного суда РФ «О соблюдении судами РФ процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных

³¹ В комментарии к Закону «О государственной судебно-экспертной деятельности Е.Р.Россинская раскрывает это понятие: Экспертиза «по сути является **исследованием**, основанным на использовании специальных знаний».(см.: Россинская Е.Р. Комментарий к федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». – М.: 2002. Стр.12.

³² Научно – практический комментарий к УПК РФ. /под общей редакцией Председателя ВС РФ В.М.Лебедева. Научный редактор – проф. Божьев В.П. 4-е издание. – М.: 2008 г. Стр. 276.

дел».³³ В п.11 данного постановления ясно сказано, что *«Заключение эксперта является в соответствии с законом одним из видов доказательств и дается на основании произведенных исследований»*. (выд. мною – А.Э.).

Нет исследования, значит не было и экспертизы, значит не может существовать и заключения эксперта. Разумеется, не в физическом, а в процессуальном смысле слова. Из тех, более чем 40 лет, что я работаю по юридической специальности, я 36 лет преподаю в юридическом ВУЗе. Написал более десятка книг и учебников по криминалистике и уголовному процессу, и ничего понять не могу. Если бы кто-нибудь из тех 15 000 (пятнадцати тысяч) студентов, что закончили юридический факультет за годы моей педагогической работы и при моем непосредственном участии, ответил мне на экзамене так, как ответили судьи Мосгорсуда на вопрос о сущности судебной экспертизы, об основаниях ее назначения и проведения, то ни один из них диплом о юридическом образовании, поверьте, не получил бы. Буквально, написанное в определении Мосгорсуда означает, что авторам этого документа можно не считаться с законом, в силу которого экспертиза до возбуждения уголовного дела ни назначаться, ни проводиться не может. С тем, что экспертные исследования не могут предшествовать назначению экспертизы, а предупреждение эксперта об уголовной ответственности не может завершать экспертизу. Если следовать логике судей, то для оценки выводов, сформулированных по результатам таких исследований, не имеет значения и то, что эксперт по должности, проводящий исследования до возбуждения дела и до вынесения соответствующего постановления следователя, не только не может быть субъектом экспертизы, то есть экспертом в процессуальном смысле слова, но и источником такого вида доказательств как заключение эксперта. Я уж не говорю о том, что эксперт Исаенко нигде не подписывалась под предупреждением об уголовной ответственности за результаты проведенных ею в ходе доследственной проверки исследований, признанных судом «экспертными» без каких бы то ни было на то законных оснований. Главное по убеждению суда – это не проводить экспертные исследования, а сослаться в заключении на некие Акты, которыми оформлялись непроцессуальные исследования. Но даже ссылка суда на, якобы, «предупреждение» эксперта о даче заведомо ложного заключения – это не факт, а интерпретация судебной коллегии. Исаенко подписалась об ответственности только в тексте своего

³³ Постановление №5 от 17.09.1975 в редакции постановлений ПВС РФ от 20.12.76 г. №7, от 20.12.83 г. №10, от 27.08.85 г. №7, от 21.12.93 г. №11, от 06.02.2007 г. №7.

«Заключения № 942», в котором не нашли и не могли найти отражение никакие экспертные исследования. И прежде всего потому, что таковые экспертом Исаенко по назначенной экспертизе не проводились вовсе, о чем говорила она сама в судебном заседании.

Кроме того, по логике судей, вынесших кассационное определение, никаких исследований в рамках экспертизы и не нужно проводить. Достаточно, чтобы исследования, когда бы и кем бы они не проводились, «ЧАСТИЧНО ПЕРЕСЕКАЛИСЬ» с периодом назначения собственно экспертизы. Как это понимать? Это не закон – это издевательство над законом. Если все же исследования, проведенные Исаенко по материалам доследственной проверки, оценивать как экспертные, что не задумываясь делает судебная коллегия Мосгорсуда, то сама экспертиза, назначенная следователем 11.08.10, должна быть признана повторной экспертизой. Это значит, что в силу ч.2 ст.207 УПК РФ, повторная экспертиза не может быть поручена тому же эксперту – в данном случае Исаенко. Кстати и теория, и сформировавшаяся в отечественном судопроизводстве за долгие годы практика требуют, чтобы даже в случае, когда назначается экспертиза для исследования объектов, которые уже были объектом непроцессуального (предварительного) исследования, к такой экспертизе привлекался другой специалист (эксперт).

Не видит, к сожалению, суд и нарушений в проведении Исаенко исследований «СОВМЕСТНО» с лаборанткой Н.Дашкевич. *«Проведение экспертом исследований объектов совместно с лаборантом, на что обращает внимание в кассационной жалобе адвокат Завалько, не может свидетельствовать о недопустимости заключения экспертизы как доказательства».* (Определение, стр. 18).

Во-первых, не «совместно», и даже не в качестве «помощи», как записано в протоколе судебного заседания (стр. 18 за 28.07.11), а вполне самостоятельно. Так, например, важную часть исследования, а именно, ту, в которой Дашкевич использовала тест «Сератек» для определения ПСА в мазке из влагилица, якобы, принадлежащего Макаровой Э., проводила именно лаборантка, а не эксперт. Даже в официальном протоколе судебного заседания с записью ее показаний можно найти тому подтверждение: *«В луночку этой кассаты наливается исследуемая жидкость... В данном случае из мазка из влагилица. Появляются две полосы, третья – контрольная. По результатам этих манипуляций, третья, контрольная полоса, появилась. Полоска была слабенькая и длинная, Я пометила «+» и «-», а при исследовании майки ...*

результат был примерно тот же. Если Я сомневаюсь в результате, то ставлю знак «?». (протокол от 28.07.11, стр. 18, выделено мною – А.Э.). Но ни следствие, ни суд даже откровенные противоречия в показаниях двух «экспертов» не интересовали. Так, например, вырезки из майки для проведения исследования, судя по протоколу, тоже делала Дашкевич: *«Я в перчатках резала эту майку»* (там же, стр.18). А вот показания эксперта Исаенко, которые она давала 30 ноября 2010 года следователю: *«Для установления наличия спермы на майке мною при проведении экспертизы (!!! Мы то знаем, что вырезки делались не при проведении экспертизы, а в рамках предварительного исследования, назначенного до возбуждения уголовного дела) сделаны многочисленные вырезки в нижней части изделия».* (т.2, л.д. 245. Выделено мною – А.Э.). Интересно, кто из двоих лжет?

Еще понятнее показания лаборантки о результатах исследования ею мазка с помощью теста «Сератек» записаны на фонограмме, где выступление Дашкевич с устным описанием проведенных ею исследований ведется от первого лица. После рассказа о том, как она проводила тест «Сератек» и обнаружила на кассете контрольную «полосу», Дашкевич добавила: *«Я и сама видела, я и Майе Вячеславовне принесла – показала».* (аудиозапись заседания от 28.07.2011 года).

С помощью теста для определения ПСА именно она – лаборантка Дашкевич, а не эксперт Исаенко, обнаружила «полосу», свидетельствующую, как утверждали позже оба «эксперта» о наличии простатоспецифического антигена (ПСА) в мазке. И которую, кроме них, никто разглядеть более не смог, а с помощью цифровой фотокамеры, по их же абсурдному утверждению, «полосу» зафиксировать не удалось. Метод фотографического усиления контраста был изобретен русским криминалистом Евгением Федоровичем Буринским в конце позапрошлого века, то есть 120 с лишним лет назад. Этой функцией снабжены сегодня все современные цифровые фотоаппараты. Не зафиксировать с их помощью то, что визуально различимо, можно только тогда, когда фиксировать либо просто нечего, либо когда фотосъемка вообще не производилась. Это подтвердил и канд.биолог.наук, специалист в области молекулярно-генетических исследований И.А.Ефремов в своем заключении: *«Ссылка на недостаточную разрешающую способность камеры абсолютно неубедительна, поскольку у словременных самых дешевых цифровых «мыльниц» разрешение более чем достаточное для такого рода фотографий».* (т.4, л.д.70).

Наконец, именно «эксперт» Дашкевич, правда уже совместно с Исаенко, интерпретировала свои ничем не подтвержденные наблюдения, как обнаружение именно спермы. И только потому, что ПСА и спермальная жидкость, по мнению, «эксперта» Дашкевич – это одно и то же, а по мнению эксперта Исаенко потому, что ПСА в выделениях женского организма не встречается. И именно эти «экспертные» данные вкупе с их вольной интерпретацией коллективом из двух «экспертов» дали суду основание, наряду с другими не менее сомнительными «доказательствами», вынести Макарову В.В. обвинительный приговор, а судебной коллегии Мосгорсуда подтвердить вину осужденного.

Во-вторых, на каком основании в экспертизе, назначенной следователем, лаборантка принимает самое активное участие, проводя пусть часть, но весьма важных исследований. Разве назначена была комиссия экспертная? Каким законом предусмотрено такое участие лаборантки, чья компетенция как судебного эксперта, однако, никем не проверена, и кто об ответственности за дачу заведомо ложного заключения не предупреждался? И тем не менее, сформулировал вывод о слабой контрольной полосе по результатам исследований мазка, и проставил оценочные значки «плюс-минус», смысл которых не поняли даже профессиональные эксперты с учеными степенями и званиями. Следователь и судьи разве не знают, что даже присутствие посторонних лиц при производстве экспертизы недопустимо, что такое право предоставлено только следователю (ст. 197 УПК РФ). Все остальные присутствуют при проведении экспертизы только с его разрешения (п.5 части 1 ст.198 УПК РФ). Ладно бы лаборантка оказывала исключительно техническую помощь, производила те же вырезки и этим ограничилась. Но мы имеем дело не с оказанием помощи, а с самостоятельным проведением лаборанткой Дашкевич исследований, с получением именно ею, а не экспертом, значимых результатов, с демонстрацией этих результатов эксперту и их самостоятельной интерпретацией, зафиксированной в заключении № 942. Всю эту с позволения сказать «законную и обоснованную экспертизу» оправдывает только одно – то, что ни в какой экспертизе лаборантка Дашкевич участия не принимала. Она, не будучи ни экспертом, ни специалистом в процессуальном смысле слова, проводила исследования не по назначенной следователем экспертизе, а по материалам доследственной проверки, то есть те, что принято называть предварительными исследованиями, и которые доказательственного значения иметь не могут. *«Предварительные исследования, - пишет профессор*

Р.С.Белкин в криминалистической энциклопедии, - *осуществляются сотрудниками экспертно-криминалистической службы до возбуждения уголовного дела или специалистами по поручению следователя без назначения экспертизы. С точки зрения содержания, задач и методики предварительное исследование не отличается принципиально от экспертизы, но его результаты не могут быть использованы в качестве источника доказательств, поскольку не имеют процессуального характера*³⁴.

Назвать такое заключение допустимым доказательством можно только, забыв о природе судебной экспертизы как института уголовно-процессуального права и криминалистики. Для осведомленного в этих вопросах юриста достаточно было признания самой М.В.Исаенко, которое она сделала на заседании суда, и которое записано в протоколе: *«После назначения экспертизы, я исследования не проводила»*. (протокол от 28.07.11 г., стр.11). Но судебная коллегия констатирует: *заключение №942 полностью соответствует требованиям закона. Упростить правила назначения и производства судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве до «необязательности проведения исследований в рамках самой экспертизы»*, свести оценку заключения эксперта к ничему не значащим рассуждениям о *«частичном пересечении экспертизы с исследованиями, проведенными в ходе доследственной проверки»* - значит в лучшем случае подменять законность целесообразностью.

(2)

О соответствии заключения эксперта №942 «совокупности проверенных и исследованных доказательств».

«... Решение о допустимости данного заключения принято с учетом его соответствия совокупности иных проверенных и исследованных доказательств». (Стр.17 Определения, выделено мною – А.Э.). К такому выводу приходит судебная коллегия по уголовным делам, отвечая на кассационные жалобы, в которых утверждается о недопустимости использования заключения эксперта Исаенко М.В. в доказывании. Между тем, достаточно внимательно ознакомиться с материалами уголовного дела, чтобы сформировалось прямо противоположное мнение. Надо полагать, что к *«иным исследованным и проверенным доказательствам»* судебная коллегия Мосгорсуда относит не только

³⁴ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. Изд-е второе, дополненное. – М.: 2000. Стр.169.

показания работников больницы им. Св. Владимира, обнаруживших в «анализах мочи» ребенка неподвижные сперматозоиды, но и заключения коллег эксперта М.В.Исаенко, выступивших в качестве ее оппонентов. Их заключения и показания имеются в материалах уголовного дела. В частности, заключение комиссии экспертов, состоящей из четырех высокопрофессиональных судебных медиков, государственных судебно-медицинских экспертов – канд.биолог.наук Кушнарева Ю.В., канд.мед.наук Земсковой Е.Ю., зав. учебно-методическим отделом Бинько И.А., докт.биолог.наук, профессора Иванова П.Л., которые проводили повторную судебно-генетическую экспертизу (№ 577-2010 от 22.11.2010 года. - т.3, л.д. 223-241). В материалах уголовного дела имеется и заключения других специалистов, в которых дана оценка научной обоснованности исследований, проведенных М.В. Исаенко. В частности, заключение специалиста по молекулярно-генетическим исследованиям с 18 летним стажем, кандидата биологических наук Ефремова И.А. (Заключение №27-12-2010 – т.4, л.д. 62 – 88), двух профессоров, доктора биологических наук И.В.Корниенко и кандидата медицинских наук В.В. Щербакова (Заключение №84 - т.4, л.д. 51-55). Они выступали в суде и давали показания, разъясняя не только сущность представленных ими заключений, но и оценивая с научной точки зрения заключение М.В. Исаенко. Надо полагать, у судебной коллегии, впрочем, как и у судьи Таганского суда Лариной не было претензий к профессиональной компетентности оппонентов эксперта Исаенко. Состав, надо полагать, достаточно авторитетный, чтобы с доверием отнестись и к их и заключениям и к полученным от них в суде показаниям. Все их заключения и показания были оценены судьей Н.Г.Лариной при вынесении приговора. Оценка заключений специалистов – генетиков и судебных биологов (Ефремова И.А., Корниенко И.В., Щербакова В.В.) заслуживает особого внимания. Оценка такова: *«...Ефремов И.А. и Щербаков В.В. по настоящему делу не проводили исследований объектов, содержащих какие-либо следы преступления по настоящему делу, в связи с чем считать составленные ими заключения имеющие доказательственное значение по настоящему уголовному делу не имеется...»* (стр. 33 Приговора, выд. мною, стилистика и грамматика сохранены - А.Э.). Оба специалиста были приглашены для дачи показаний в судебное заседание, где не только подтвердили сформулированные в их заключениях выводы, но и разъяснили, на каком основании они считают исследование, проведенное Исаенко М.В., необоснованным и ошибочным. Их показания, данные в суде, являясь источником доказательств в силу закона, тем не менее не получили, если не счи-

тать приведенное выше, никакой фактической оценки суда. Интересно, знакома судья Ларина с последним Постановлением Пленума Верховного суда РФ №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», принятом 21.12.2010 года, или нет? А ведь там, в п.19 черным по белому написано: «Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения».

Но даже, несмотря на прямое указание высшей судебной инстанции, у судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда не нашлось иных аргументов для поддержки своего коллеги, кроме такого вот: «*Всем положенным в основу обвинительного приговора доказательствам дана объективная оценка...*» (стр. 15 Определения).

Возвращаясь к вопросу о соответствии заключения Исаенко иным собранным по делу доказательствам, со всей ответственностью заявляю, что все заключения и показания всех экспертов и специалистов в области судебной биологии и генетики не только не соответствуют экспертному заключению №942, как ошибочно полагают судьи судебной коллегии (а ранее и судья Ларина), но и с безупречной научной аргументацией однозначно опровергают выводы эксперта Исаенко. Во всяком случае, в той части, которая использована судом для подтверждения обвинения, предъявленного В.В.Макарову. А некоторые из их высказываний и вовсе изобличают М.В.Исаенко в даче заведомо ложного заключения.

Для начала назову те положения заключения Исаенко, которым действительно соответствуют выводы ее оппонентов. Я об этом уже писал в своем заключении от 30.09.2011 года.³⁵ Собственно, выводы судебной коллегии, сформулированные в кассационном определении, практически не отличаются от тех, которые содержатся в приговоре Таганского суда. Наиболее интересным в плане «соответствия» заключения Исаенко иным исследованным судом доказательствам, представляется заключение повторной судебно-генетической экспертизы – основного документа, в котором эксперты не только приводят результаты собственных исследований тех же объектов, прямо противоположные выводам Исаенко, но и критически оценивают качество работы, проделанной

³⁵ См.: Эксархопуло А.А. Заключение специалиста по уголовному делу, рассмотренному Таганским районным судом г.Москвы, в отношении Макарова В.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» части 4, ст. 132 УК РФ, - Библиотека криминалиста. Научный журнал. №1 (2) 2012 г. Стр. 358-359.

данным экспертом. О «соответствии» повторной экспертизы результатам исследований, проведенных Исаенко, написано на стр.29. приговора. Заключение *«повторной экспертизы по ряду исследований и полученных результатов ... согласуется с заключением первоначальной экспертизы, так как повторной экспертизой, как и первоначальной, посредством исследования представленных объектов установлено, что Макаров В.В. является биологическим отцом Макаровой Э.В., следы спермы и крови на простыне принадлежат Макарову В.В., в обнаруженных на майке Макаровой Э.В. биологических следах имеются следы самой Макаровой Э.В.»*.

Если это все, в чем суд обнаружил соответствие двух заключений, то в таком совпадении мнений экспертов нет ничего, относящегося к делу и доказыванию вины Макарова. Для вывода о виновности подсудимого (осужденного) эти совпадения абсолютно ничего не значат, разве что свидетельствуют о нормальных отношениях в семье. Следы спермы на простыне, изъятый на квартире супругов Макаровых, ничего кроме здоровой сексуальной жизни супругов не доказывают, выводы о биологическом отцовстве Макарова В.В., впрочем, тоже. В принадлежности биологических следов на майке ребенку, который эту майку носил, нет ничего удивительного и уж точно, ничего, доказывающего виновность отца. Разве кто-то спорил по поводу принадлежности всех этих следов или пытался опровергнуть отцовство? Все, обнаруженные судом соответствия двух экспертиз – первичной и повторной - не способны поколебать выводы повторной экспертизы, однозначно опровергающие выводы М.В.Исаенко. А таких не просто большинство, такие опровержения составляют основное содержание заключения комиссии экспертов № 577-2010 от 22.11.2010 года. Не менее убедительные опровержения можно найти и в заключениях специалистов Ефремова, Щербакова, Корниенко.

(3)

О противоречиях заключений первичной и повторной судебно-генетической экспертизы.

Есть, правда, еще одно «соответствие» двух заключений судебно-генетических экспертиз проведенных по делу, о которых, однако ни судья Ларина, ни судебная коллегия по уголовным делам не вспомнили как о факте, подтверждающем «соответствие» двух мнений сведущих лиц. Это однозначный вывод о том, что в анализах мочи Макаровой Э.В. никаких следов спермы обнаружено не было. Почему забыли? Да просто потому, что такое единодушие

экспертов опровергает показания медицинских работников Рубель, Пономаревой и Савельевой. И ставит под сомнение обоснованность всего обвинения. Поражает, однако, не то, что суд забыл про совпадение экспертных оценок, свидетельствующих об отсутствии «спермы в моче», и иллюстрирующих единодушные экспертов в оценке факта, положенного в основу обвинений Макарова В.В., а то, как судьи объясняют их противоречие показаниям медицинских работников больницы. *«То обстоятельство, что в ходе указанных экспертных исследований в моче не были обнаружены сперматозоиды, суд считает не является достаточным основанием для вывода о том, что таковых изначально в ней не было, с учетом вышеприведенных показаний свидетелей – сотрудников ДГКБ им. Св. Владимира, а также показаний эксперта Иванова П.Л. о возможном их разрушении на момент ее исследования, что также следует из заключения повторной судебно-генетической экспертизы...»* (стр.27 Приговора, выд. мною – А.Э.).

Про показания свидетелей – сотрудников ДГКБ им. Св.Владимира не буду повторяться. Выше было сказано достаточно, чтобы поставить под сомнение их достоверность. А вот в том, что в ходе экспертных исследований мочи Макаровой Э.В. не были обнаружены сперматозоиды, судья абсолютно права. И, прежде всего потому, что ни в ходе первой, ни в ходе второй судебно-генетической экспертизы никто из экспертов сперматозоиды не искал, во всяком случае, о таких поисках ничего не сказано ни в первом, ни во втором заключении судебно-генетических экспертиз. Специалист Ефремов И.А. в своем заключении особо обратил внимание на то, что поставленный следователем первый вопрос (в постановлении от 27.07.2010 г. – т.1, л.д.128 – А.Э.) **«имеются ли в моче Макаровой Э.В. сперматозоиды?»** экспертом Исаенко М.В. не решался, что *«... эксперт сам ставит и отвечает на несколько другой вопрос: «имеется ли в моче Макаровой Э.В. простатоспецифический антиген?»*. (т.4, л.д. 74-75). Из содержания и Акта №874 и заключения №942 следует, что моча Макаровой Э.В. исследовалась экспертом Исаенко М.В. на предмет обнаружения только простатоспецифического антигена, а не сперматозоидов.

А вот по поводу, якобы, сказанного, Ивановым П.Л. о разрушении сперматозоидов в моче потерпевшей *«на момент исследования»*, нужны отдельные комментарии. Заявляю со всей ответственностью, что нигде, никогда профессор не говорил о том, что отрицательный результат исследования мочи Макаровой Э.В. на предмет выявления ПСА как экспертом Исаенко, так и комиссией экспертов при повторной экспертизе, обусловлен «разрушением» сперматозоидов

на «момент» проведения соответствующих исследований. Эти слова приписаны Иванову П.Л. или, по крайней мере, представляются ни на чем не основанной интерпретацией реально сказанного экспертом. Во-первых, «моменты проведения исследований» у двух экспертиз разные. Если с известной «натяжкой» версию о разрушении сперматозоидов и можно было бы применить к повторной экспертизе, то материал для проведения первичного исследования в экспертное учреждение поступил уже через три дня после взятия анализов, а именно, 27 июля 2010 года (т.1 л.д.127), а исследовать их начали через 6 дней (т.1. л.д. 135). По всем биологическим данным, в том числе озвученным в суде, за этот промежуток времени сперматозоиды из мочи исчезнуть не могут (Исаенко называла 7 дней), тем более, что эксперты искали в моче не сперматозоиды, а простатоспецифический антиген (ПСА), который сохраняется в биологическом материале даже тогда, когда сами сперматозоиды уже разрушены. В некоторых объектах, например, в сухих пятнах, ПСА сохраняется до 30 лет. По свидетельству той же Исаенко *«тест SERATEC позволяет обнаруживать семенную жидкость даже в тех случаях, когда сами сперматозоиды не обнаруживаются»*. (Протокол от 28.07.2011 г., стр.16). Про время, в течение которого ПСА сохраняется, говорил в суде и П.Л.Иванов: *«ПСА – достаточно устойчивый белок, во всяком случае, он избран как тест в судебной экспертизе именно потому, что довольно стабилен. Неинтересно использовать то, что через неделю распадется»*. (фонограмма заседания суда 18.08.2011 года).

Давая разъяснения по поводу того, чем объяснить, что ни первичная, ни повторная экспертиза сперму в моче ребенка не обнаружила, эксперт Иванов никаких сомнений по поводу достоверности ни собственных результатов исследований (комиссии экспертов), ни результатов, полученных Исаенко, не высказывал. В протоколе заседания суда написано, что на вопрос о том, много ли 5-7 сперматозоидов в поле зрения окуляра микроскопа (если судить по фонограмме, то вопрос был задан о количестве 1-3), Иванов П.Л., якобы, ответил: *«Если на 20 миллилитров, то уже много»* (протокол от 18.08.11, стр. 13). Удивительная запись. Между прочим нормой признается 20 миллионов сперматозоидов в 1 мл эякулята³⁶. Если этот 1 мл эякулята растворить в 20 мл мочи, то мы получим количественную «норму» сперматозоидов на данный объем жидкости. Во сколько раз 20 000 000 больше 5-7, нетрудно посчитать. Неужели тот, кто писал протокол, не понимает, что количество клеток, которые можно

³⁶ См.: <http://www.uronet.ru/analiz/spermogramma.html>

наблюдать через микроскоп, не зависит от количества представленной на исследование мочи. Что и 5–7 , и 1–3 сперматозоида – это не в исследуемом объеме, а в поле зрения окуляра микроскопа. Это есть показатель концентрации клеток на единицу площади наблюдаемого в окуляр осадка мочи. Такой ерунды, как написано в протоколе, не мог сказать известный судебно-медицинский эксперт и профессор-генетик. Поэтому слушаем фонограмму: *«В поле зрения 1-3 – это большое количество... Если изначально было много, то и разрушение будет тянуться долго. Здесь было немало»*. Замечу – **в поле зрения**, а не в **20 мл** мочи. Далее на вопрос адвоката Асташенкова О.В. с просьбой прокомментировать отсутствие ПСА в результатах тестирования остатка мочи Макаровой Э. с помощью «Сератек», Иванов сказал: *«... Если там по 3 в поле зрения, там и ПСА будет обнаруживаться»*. То же самое написано и в протоколе (от 18.08.11, стр.13). Это значит, что при обнаружении 1-3, тем более 5-7 сперматозоидов в поле зрения окуляра микроскопа в анализах мочи Макаровой **должен** присутствовать простатоспецифический антиген. И его **должны** были обнаружить эксперты с помощью теста «SERATEC». Если ПСА не был обнаружен ни Исаенко, ни комиссией экспертов при проведении повторной судебно-генетической экспертизы, значит, сперматозоидов в моче Макаровой Э.В. изначально просто не было.

Продолжение диалога с экспертом в зале судебного заседания, между тем, было интерпретировано судом по-своему. Эта вольная интерпретация сказанного экспертом и позволила, надо полагать, суду приписать П.Л.Иванову слова о разрушении сперматозоидов, как причине отрицательного результата исследования мочи Макаровой Э.В. на предмет обнаружения ПСА, которые Иванов в действительности не произносил. Суд не обратил никакого внимания на то, что дальнейшие разъяснения эксперта Иванова касались не конкретного исследования мочи Макаровой Э., а принципиальной возможности получить отрицательный результат по тесту на ПСА при исследовании мочи, содержащей сперму. Государственный обвинитель спросил у Иванова, *возможно ли такое?* И получил ответ: *«все зависит от количественного соотношения. Исключить этого я не могу»* (протокол от 18.08.11, стр. 13).

Как видим, даже по протоколу понятно о чем идет речь: о том, что возможность обнаружения ПСА в моче зависит от количественного соотношения спермы и мочи, то есть от количества сперматозоидов на единицу объема жидкости, в которой они находятся. Если, к примеру, единичные клетки сперматозоидов поместить в бочку с мочой, то, надо думать, никакой «SERATEC» тако-

го ничтожного количества белка - ПСА не определит, хотя сперматозоиды в моче, несомненно, будут присутствовать. Но когда в поле зрения окуляра микроскопа наблюдается 3-5-7 сперматозоидов, как показывали работники ДГКБ, то ПСА должен обнаруживаться обязательно, ибо это большая концентрация сперматозоидов в заданном объеме мочи, во всяком случае, достаточная для выявления в ней ПСА. Именно об этом говорил профессор П.Л.Иванов. Странно, что его слова не были услышаны судьей. Что уж говорить о судебной коллегии, которая оценивала законность и обоснованность приговора по протоколу судебного заседания. Все стало бы проще и понятнее, если бы в протоколе судебного заседания были приведены слова, сказанные экспертом после ответа *«исключить этого я не могу»*. Тем более, что сказанное далее экспертом относилось не к абстрактной ситуации с количественным соотношением спермы мочи, а именно к исследованию мочи потерпевшей при тех исходных данных, о которых сообщали работники больницы. Но о дальнейших пояснениях профессора, суд предпочел не упоминать. Впрочем, как и о многом другом. Восполню этот пробел по фонограмме заседания.

«Прокурор: *Сперма есть, а полосы нет. Такое возможно?*

Иванов: *Все зависит от количественных соотношений. Сколько там этой мочи. Опять же..., исключить этого я не могу, что такого не может быть никогда.*

Прокурор: *Получается, все возможно?*

Иванов: *Все возможно, кроме вот этого: если здесь нет, то его (речь шла о ПСА – А.Э.) нет... Если кто-то говорит, что «я видел»... и вы мне верьте, потому, что никто больше ничего не увидит, а я вот увидел. Вот я категорически против этого. Нужно объективизировать, а не то, что эксперт видел».*

Эти, «не замеченные» судьями слова эксперта о результатах исследования анализов мочи Макаровой Э.В. на предмет выявления в них ПСА (*«все возможно, кроме вот этого: если здесь нет, то его нет...»*) лишний раз подтверждают ошибочность наблюдений медицинских работников ДГКБ им. Св.Владимира.

Своеобразно и в приговоре и в кассационном определении дается, между тем, объяснение противоречиям, в которых даже при большом желании невозможно было обнаружить «соответствия». Речь об обнаружении экспертом Исаенко М.В. спермы в мазке из влагалища и в следах на майке потерпевшей. Повторная экспертиза, и в этом легко убедиться, ни в том, ни в другом объекте

спермы не обнаружила, опровергнув, таким образом, заключение №942 в этой части. Судья Н.Г.Ларина это противоречие объясняет так: *«Относительно противоречий, касающихся наличия следов спермы на майке Макаровой Э.В. и в мазке из влагалища, согласно показаний Исаенко М.В. и эксперта Иванова П.Л., то, как установлено в судебном заседании, они вызваны тем, что эти следы были израсходованы в ходе первоначального исследования, проведенного Исаенко М.В., либо их было недостаточное количество».* (стр. 29-30 Приговора). Из такого объяснения следует, будто бы профессор Иванов П.Л., также как и Исаенко М.В., дал однозначное толкование причин, по которым две экспертизы – первичная и повторная - пришли к прямо противоположным результатам. Эту «объективную» с точки зрения судебной коллегии Мосгорсуда оценку исследованным доказательствам, сами судьи кассационной инстанции формулируют несколько осторожнее: *«Допрошенный в судебном заседании эксперт Иванов по поводу противоречий в выводах экспертиз о наличии следов спермы в мазке и на майке пояснил, что с точки зрения биологической науки, **нельзя исключать вероятность** наличия следов спермы на майке и в мазке при проведении первого исследования этих объектов, так как они могли разрушиться».* (стр. 19 Определения, выделено мною – А.Э.). Здесь, как можно заметить, уже нет той категоричности, с которой судья Ларина формулировала свои выводы о причинах противоречий со ссылкой на показания Иванова. А есть *«нельзя исключить вероятность»*. Но если действительно только **«нельзя исключить»**, то, спрашивается, на каком основании вероятность превращена судом в категорическое суждение? Это первое. Второе замечание более серьезное. На самом деле то, что говорил Иванов в судебном заседании об обнаружении спермы в мазке и на майке при их исследовании экспертом Исаенко не просто искажено судом и первой (в приговоре) и второй инстанции (в определении), сказанное экспертом искажено до неузнаваемости. Ни в одном из документов уголовного дела нет написанного в приговоре и кассационном определении, и, якобы, сказанного Ивановым: о *«вероятности наличия спермы в мазке и на майке при проведении первого исследования»*. А вот то, что действительно говорил в судебном заседании профессор о результатах проведенного Исаенко исследования мазка и майки Макаровой Э., не нашло отражения не только в приговоре или определении суда, но и в протоколе судебного заседания. Это есть на фонограмме. День 18 июля 2011 года, идет допрос эксперта Иванова П.Л., обсуждаются результаты, полученные Исаенко при исследовании мазка из влагалища и получившие оценку комиссии экспертов. И в заключении Исаенко, и у комиссии экспертов

они оформлены в таблицах. Иванов объясняет, почему результаты Исаенко не содержат никаких данных, которые можно было бы интерпретировать так, как это сделала эксперт. О результатах исследования ею мазка сказано следующее: *«Когда мы этот результат получили, то вынуждены были написать в самой мягкой форме, что нельзя интерпретировать это иначе, как несоответствие, как не обусловленность выводов экспертизы результатами самой экспертизы, потому, что этот вывод, что называется, с потолка взят... если мы не видим ни одного признака здесь, то, как вообще можно говорить...»*. Судья, перебивая: *«Значит, в мазке следов спермы нет?»*...

П.Л.Иванов продолжает: *«Не было на момент исследования Исаенко, вот о чем идет речь... У нас не было вообще, у нас было пусто, все то же самое. И поэтому объяснить дальше все эти совпадения. Там действительно несурезица какая-то есть... То, что писала Исаенко никакой доказательственной силы не имеет...»*. (фонограмма судебного заседания от 18.08.2011 года).

Доказательственную силу заключения эксперта, разумеется, должен оценивать суд. Но что касается оценки научной обоснованности заключения Исаенко, тем более такого сложного исследования как генетическое, то здесь суд вряд ли мог составить «конкуренцию» профессору Иванову П.Л. - профессионалу и наиболее авторитетному в стране специалисту в этой области. И, кстати, учителю самой Исаенко. Такое право (и обязанность) эксперта Иванова, выступившего в суде, подтверждено и Пленумом Верховного суда РФ в постановлении «О судебной Экспертизе...».

(4)

***О достоверности выводов заключения эксперта №942,
представленного Исаенко М.В.***

Чтобы оценить достоверность заключения Исаенко, еще раз вернусь к тому, что написано в приговоре на стр. 29-30: *«Относительно противоречий, касающихся наличия спермы на майке МЭВ и в мазке из влагалища, согласно показаний Исаенко М.В. и эксперта Иванова П.Л., то как установлено в судебном заседании, они были вызваны тем, что эти следы были израсходованы в ходе первоначального исследования, проведенного экспертом Исаенко М.В. либо их было недостаточное количество»*.

Справедливости ради надо сказать, что разговор о возможном израсходовании материала при производстве первой экспертизы имел место в ходе допроса Иванова П.Л. Однако, и это более важно, суть сказанного экспертом была кардинально искажена в приговоре и кассационном определении. Иванов действительно говорил и про то, что препарат с мазком был Исаенко смыт с предметного стекла, и про то, что на майке Макаровой Э.В. были сделаны многочисленные вырезки при проведении первой экспертизы. Но Иванов нигде не говорил о том, что в результате этих действий Исаенко (кстати, произведенных вопреки требованиям закона) были или могли быть уничтожены следы спермы. И что по этой причине были получены отрицательные результаты исследования тех же мазка и майки при повторной экспертизе. Иванов объяснил суду, что, несмотря на невозможность полностью исключить такое объяснение, *«так бывает крайне редко»*. О вероятности уничтожения полностью следов спермы на представленных объектах Иванов сказал – *«это из области фантастики»*. Понять сущность всего, сказанного экспертом Ивановым в судебном заседании по протоколу невозможно. Поэтому, чтобы не быть голословным, воспроизведу весь диалог с ним по фонограмме заседания суда от 18.08.11 г.:

Адвокат О.В. Астащенко: *«Вот описывается, что вашей комиссией не обнаружен генетический материал Макарова В.В. на предметном стекле с мазком из влагалища и на майке девочки по той причине, что при предыдущих исследованиях экспертом Исаенко материал был в одном случае вырезан, в другом случае смыт. И именно поэтому вы пришли к тому, что результат отрицательный»*.

Иванов: *«С формальной точки зрения так можно ставить вопрос... Ну, например, у нас есть объект, при первичной экспертизе вырезалось такое вот пятнышко. При второй экспертизе это пятно уже не исследовалось. Вот краешек взяли и получили совсем другое. И все равно, формально говоря, там было одно, которого уже нет. Здесь другое. Формально да, но с точки зрения экспертной логики, так бывает крайне редко. Это надо специальные вещдоки нужно иметь, чтобы здесь одно было, здесь другое. Как правило, это все перетекает одно в другое. Если вы посмотрите фотографии, как выглядят эти вещдоки, скажем там трусы или одежда, то там делается десятки вырезок по всему материалу, именно усредняется результат. Биологи вырезают так, чтобы потом другое попало. Это из области фантастики... (Иванов имеет в виду, что отсутствие следов после производства вырезок на одежде – из области фантастики – А.Э.). Но повторяю, формально такое может быть. Пото-*

му по нашей инициативе, мы запросили у следствия, чтобы они предоставили нам те данные, которые были получены до нас. То есть с нашими данными все понятно. Они однозначно не подтверждают те данные, которые получены при первой экспертизе. По всем признакам. Возникло объяснение, может быть там действительно было одно, а у нас другое... Стекло, там ничего не обнаружено... **Поэтому, чтобы дать возможность объективно оценить, мы же понимаем, что у следствия возник вопрос, чем это вызвано..., мы попросили предоставить первичные экспертные данные. Те данные, которые получены экспертом, изучены им, интерпретированы и на основании их даны экспертные выводы... составлены таблицы, введены параметры...** Эти данные нам были предоставлены в качестве приложения... электрофореграммы. Это описано в нашем заключении, что **те данные, которые получены – они просто непригодны для интерпретации, они плохие...** Нашим ученикам мы демонстрируем подобные результаты как неудачные, как невозможные для интерпретации...»

«...Если мы посмотрим интерпретацию эксперта... в таблице 1... Так вот мы говорим о самых проблемных объектах... Вот мы просили результаты по мазку, по которому у нас стекло ничего не дало, очевидно, все было смыто, ничего там нет. Какие данные были получены Исаенко? (все смотрят таблицы). Такая же таблица в нашем заключении... **отсутствует результат...** Есть пять параметров... **Я со всей ответственностью готов заявить, что ни один из этих параметров не исходит из той картинки, которая ...»**

Судья перебивает, ищет то, о чем говорит Иванов.

Эксперт продолжает: «... **Объект 3 – это мазок Макаровой Э.В. Там ничего нет. Просто никаких признаков не обнаружено.** Эксперт смотрит и ставит прочерк... Вот здесь он написал... что-то есть. А объект №3 написала, что нет сигнала... Теперь следующая 3-я страница ... А здесь может быть какой-то нашла, что я вижу... При таком уровне сигнала – это может быть что угодно... Это может быть перетекание из одной дорожки в другую...**Нельзя этим данным верить, потому, что очень легко принять за результат то, что таковым не является. Либо нарушается принцип относимости, то есть, может быть, какая-то страшная доля содержится, но никакого отношения к исследуемому объекту не имеет, поскольку она залетела извне, потому, что надо учитывать: мы говорим о высокой чувствительности данного метода, мы работаем в атмосфере человеческой ДНК, люди кашляют, громко говорят, чихают. Целый фон есть, мы его контролируем, но когда**

мы идем на очень высокую чувствительность, то неизвестно, что получилось... **Это закон экспертов – нельзя интерпретировать такие данные, просто нельзя!!!** ... И следующая страница... **Вот пустая дорожка, а ей приписываются те же результаты... Ну просто ничего нет, даже намек.** Тем не менее, вы читаете четкий результат, как будто здесь установлено... Когда вы берете таблицу, вы этого не видите, и вы думаете...»

Адвокат О.В. Астащенко, перебивая: *они скажут, это вы не видите, а когда мы глазом глядели в гель, то были различимы...».*

Иванов: *«Я сейчас отвечу. Вот пятая строчка, где, якобы, утверждается, что обнаружена сперма, принадлежащая конкретному человеку. Логика такая вот... есть признаки, и они совпали, значит, могло произойти от него. Логика правильная, но исходные данные нулевые. Вообще!!!* (фонограмма допроса Иванова П.Л. в судебном заседании 18.08.11 г.)

Возникает вопрос, есть ли в этом выступлении эксперта хоть что-нибудь, что давало бы основание понять Иванова так, как это поняли судьи? Где здесь его утверждение, или хотя бы предположение о том, что *следы спермы и в мазке и на майке имелись на момент проведения исследования Исаенко, но были ею израсходованы.* Есть совсем другое: судебный эксперт и ученый – генетик, доктор наук и профессор П.Л.Иванов разъясняет суду, что, допуская вероятность получения отрицательного результата при исследовании мазка и майки комиссией экспертов по причине утраты следов в результате «вырезания и смывания», и несмотря на всю **фантастичность** такого предположения, он просил следствие представить им в распоряжение для оценки само заключение первичной экспертизы, проведенной Исаенко, со всеми его приложениями, таблицами, электрофореграммами и проч.³⁷ Чтобы проверить, не была ли допущена экспертом Исаенко ошибка при использовании соответствующих методов исследования, либо при интерпретации полученных ею результатов. И комиссия экспертов приходит к однозначному выводу о том, что даже по данным, полученным Исаенко, ни в мазке, ни на майке Макаровой Э.В. следов спермы

³⁷ Представление первичных материалов на повторную экспертизу не может зависеть от усмотрения следователя. Согласно научным данным и требованиям ведомственных инструкций это не право, а обязанность следствия. Авторы двухтомного учебника по уголовному процессу пишут: «В число материалов, направляемых на повторную экспертизу, включается и заключение первичной экспертизы...». (Уголовный процесс. Особенная часть. – под ред. Проф. Засл. деят. науки РФ, В.З. Лукашевича. - СПб: 2005.Стр.212). То же см.: Научно – практический комментарий к УПК РФ. /под общей редакцией Председателя ВС РФ В.М.Лебедева. Научный редактор – проф. Божьев В.П. 4-е издание. – М.: 2008 г. Стр.619; П.39 «Инструкции по организации производства судебных экспертиз в Экспертно-криминалистических подразделениях органов ВД РФ» - В кн.: Россинская Е.Р., Гальяшина Е.И. Судебная экспертиза. Сборник документов. – М.: 2011. С.127, и др.

ни у Исаенко НЕ БЫЛО, НЕТ и в исследовании, проведенном комиссией экспертов. Все, кто находился в зале заседаний суда в этот день, не могли не понять того, что говорил профессор Иванов П.Л. Все, кроме судьи Лариной и государственного обвинителя.

В уголовном процессе любая оценка заключения эксперта должна включать в себя не только выяснение относимости и допустимости его как доказательства в уголовном процессе, но и достоверности. Критерием достоверности экспертного заключения признается, помимо научной обоснованности использованных методов и методик, еще и соответствие выводов, сформулированных экспертом, результатам, полученным в процессе проведенного им исследования. Иными словами выводы, сформулированные в заключении, должны вытекать из результатов исследований, они не могут им противоречить.³⁸ Ничего подобного ни следователем, ни судом не сделано. Между тем, даже внутренних противоречий, обнаруженных комиссией экспертов под руководством профессора Иванова П.Л. было выявлено более десятка: шесть по результатам исследования мазка и столько же в исследовании майки (т.3, л.д. 236-237). Причем противоречий принципиальных. Эти противоречия дают основание однозначно утверждать, что выводы Исаенко, сформулированные в ее заключении и относящиеся к обнаружению спермы в мазке из влагалища Макаровой Э.В. и на ее майке, надуманны, не вытекают из результатов ее же собственных исследований. Приведу примеры экспертных оценок тех данных, которые представлены Исаенко в Таблице 1.:

«В строке локуса TPOX указан гетерозигонный генотип 8,11... Однако на соответствующей электрофореграмме видно, что для локуса TPOX не наблюдается вообще никаких генотипов...»

«В строке локуса D5S818 указан гетерозигонный генотип 9,11. Однако на соответствующей электрофореграмме видно, что для локуса D5S818 не наблюдается вообще никаких генотипов...»

«В строке локуса D16S539 указан гетерозигонный генотип 12,14. Однако на соответствующей электрофореграмме видно, что для локуса D16S539 наблюдается очень слабый сигнал, который не поддается достоверной интерпретации и не позволяет достоверно установить генотип...»

³⁸ См.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. – М.: 1995. Стр. 50; Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб: 2005. Стр 101-103 и др.

О том, что данные таблиц с занесенными в них показателями по локусам и генотипам исследуемых объектов не соответствуют электрофореграммам, из которых, казалось бы, эти данные были получены экспертом М.В.Исаенко, можно узнать и по оценкам результатов исследования следов на майке Макаровой Э.В. (п.10.1.3. Заключение повторной экспертизы № 577-2010, т.3, л.д. 237). Здесь все то же самое: *«не наблюдается вообще никаких генотипов, аллельный маркер на геле неприемлемо низкого качества, очень низкий сигнал, не поддающийся достоверной интерпретации»* и т.д.

Те же оценки заключению Исаенко дает и специалист, и.о. ст.научного сотрудника лаборатории постгеномных и молекулярно-генетических исследований, канд.биол.наук И.А.Ефремов. *«Исследования эксперта Исаенко М.В. во многих случаях не соответствует критериям объективности, всесторонности, полноты объема, строгой научной и практической основы, общепринятым научным и практическим данным»,* - написано в его заключении (т.4., л.д.69). И далее: *«Анализ ассортимента методов, примененных экспертом Исаенко М.В. для установления наличия спермы как в образцах мочи, так и в препарате мазка из влагалища Макаровой Э.В., позволяет сделать однозначное заключение о том, что исследования НЕ БЫЛИ выполнены экспертом в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме».* (т.4, л.д. 71).

Наконец самое главное из заключения И.А.Ефремова – по мазку: *«Генотип Макаровой Э.В. установлен лишь в результате повторной экспертизы. Сравнение этого генотипа с генотипами, указанными в заключении №942 для мазка из влагалища и для Макарова В.В. позволяет сделать обоснованный и единственно возможный вывод о том, что в исследованном мазке присутствие биологического материала от Макарова В.В. однозначно исключается».* (т.4, л.д. 87). Это означает, что вывод эксперта Исаенко М.В. об обнаружении спермы в мазке потерпевшей не основан на результатах исследований, проведенных самой Исаенко. Уже только этого было достаточно, чтобы оценить ее заключение №942 как недостоверное, а значит и недопустимое доказательство.

И если опровержению результатов экспертизы №942, содержащемуся в заключении повторной судебно-генетической экспертизы, суд находит объяснение, основанное на вымышленных показаниях эксперта Иванова П.Л., то доводы специалиста И.А.Ефремова вообще не принимаются во внимание по надуманному мотиву: *«сам он исследований не проводил».* Мотиву, который противоречит не только здравому смыслу, поскольку для оценки научной обос-

нованности проведенных Исаенко исследований нет необходимости повторять их, но и руководящим разъяснениям Пленума Верховного суда РФ, изложенным в постановлении №28 от 21 декабря 2010 года. Такие объяснения (оценочные суждения) не имеют ничего общего и с рекомендациями уголовно-процессуальной, криминалистической науки, положениями теории судебной экспертизы. Не думаю, что ошибаться в оценке научной достоверности выводов, сформулированных в заключении №942, могли все ученые и эксперты, специалисты в области генетики и судебной биологии, которые это заключение изучали. А таких высококвалифицированных специалистов было семеро. И только мнение Исаенко М.В. и лаборантки Дашкевич не вызвали у суда никаких сомнений. Сказать, что такая избирательность более чем странна – значит, ничего не сказать.

По результатам изучения материалов экспертизы №942 было получено еще одно заключение, правда, уже после вынесения приговора В.В.Макарову. Это заключение дано заведующим лабораторией молекулярно-генетических и цитогенетических исследований медико-генетической службы Ленинградской области Хальчицким С.Е., имеющим стаж работы по специальности 37 лет. Оно еще более жесткое и категоричное, нежели заключение повторной судебно-генетической экспертизы, и полностью посвящено научной оценке результатов экспертизы, проведенной М.В.Исаенко. Все заключение Хальчицкого С.Е. иллюстрировано фореграммами и таблицами, взятыми из заключения Исаенко, с соответствующими комментариями специалиста в области молекулярной генетики человека.

Первое, что написано Хальчицким С.Е. в его заключении, и это сразу бросается в глаза: *«Рассматривая экспертизу №942, прежде всего констатируем факт, что она выполнена на **крайне низком научно-методическом уровне**».* (стр.2 Заключения Хальчицкого С., выделено мною – А.Э.).

Остановлюсь, однако, только на оценке Хальчицким С.Е. результатов исследования мазка и майки Макаровой Э.В., полученных Исаенко: *«Так, при анализе мазка из влагалища Макаровой Э.В. эксперт Исаенко М.В. обнаруживает смешанный профиль из аллелей 12, 13, 16 в локусе D18S51. Это суждение эксперта основывается на результатах гелеэлектрофореза. Смотрим на электрофореграмму и на дорожке 3 видим практически неразличимые следы продуктов амплификации, в которых наличие какого-либо аллеля определить невозможно».* (стр. 3 заключения Хальчицкого С.Е.). То же самое говорится и в заключении повторной экспертизы. Этот фрагмент приводится Хальчицким,

который отмечает, что указанный продукт амплификации локуса комиссия экспертов, как и он сам, **не видят, а видит только Исаенко**. Далее про майку: *«На этой же электрофореграмме эксперт Исаенко М.В. «видит» на дорожке 1 аллели 12, 13, 16 из препарата «майка» Макаровой Э.В... В самом деле, даже если очень внимательно и пристрастно всмотреться в дорожку 1 электрофореграммы, даже под большим увеличением, мы не увидим ни одного аллеля, то есть вообще НИЧЕГО»*. Откуда эксперт Исаенко обнаружила на этой дорожке аллели 12,13,16 - непонятно. Остается только один логический ответ: *эксперт Исаенко М.В. их просто придумала*». (Заключение Хальчицкого С.Е., стр.4, выделено автором). Специалист продолжает оценку, дополняя выводы повторной судебно-генетической экспертизы: *«Кроме того эксперты РЦСМЭ не заметили, что по другим объектам (1,3) эксперт Исаенко М.В. указала аллели 13,16, которые отсутствуют по данному локусу в таблице 1 и вообще неизвестно, откуда взялись...»*. (там же, стр.6).

Можно, конечно, возразить, сказав, что Хальчицкий С.Е. пользовался «цифровой» копией электрофореграмм. Такой вопрос задавался и эксперту Иванову П.Л. в судебном заседании. Его задал адвокат Асташенков О.В.: *«Исаенко сказала, что мы не видим просто потому, что так распечатано...»*. Этот вопрос следует понимать так: Исаенко предположила, что в оригинале все было хорошо видно, а в распечатанном виде нет, поскольку качество изображения при изготовлении копии, естественно, ухудшается. На этот вопрос был получен ответ П.Л.Иванова: *«Я подтверждаю, что это не так. Там ничего нет. В тех дорожках, что я показал, и в оригинале ничего нет»* (фонограмма допроса эксперта Иванова П.Л. в заседании от 18.08.11 года).

Свои оценки исследования, проведенного Исаенко М.В., специалист Хальчицкий С.Е. завершает так:

«Эксперты из РЦСМЭ такие действия эксперта Исаенко М.В. квалифицируют, как «неправильная интерпретация результатов». Однако, надо иметь мужество назвать вещи своими именами. На представленных и проанализированных электрофореграммах из заключения эксперта Исаенко М.В. **результатов нет**, т.к. нет ни одного определенного, ясно выраженного аллеля. **Неоднократное придумывание несуществующих в препарате аллелей, но имеющих, тем не менее, в генотипе Макарова В.В., является ничем иным, как явной и умышленной фальсификацией экспертного заключения с целью искусственного создания доказательств обвинения.** (ст.306 ч.3 УК РФ)». (Заключение Хальчицкого, стр.6, выделено мною – А.Э.).

Жестко, но весьма убедительно, не правда ли?

Сушественно мягче, но также убедительно сказано в постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной экспертизе..» №28 от 21.12.10 года: *«Необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования».* (п.15 постановления). Все без исключения специалисты с учеными степенями и званиями, с многолетним опытом экспертной работы единодушны в своих оценках «работы» эксперта М.В.Исаенко, которые приведены выше. А кто, спрашивается, кроме специалистов соответствующего профиля, может компетентно оценить «верность применения» методов и методик экспертного исследования и «достаточную аргументированность» выводов с точки зрения их научной обоснованности? Во всяком случае, такой квалификацией ни следователь, ни суд не обладают – уж это точно.

Но несмотря ни на что, в кассационном определении констатируется: *«Таким образом, оснований для признания молекулярно-генетической экспертизы недостоверным и недопустимым доказательством, судебная коллегия не усматривает».* (стр. 20 Определения). «Не усматривает» или «не хочет усматривать»? Вероятнее второе. Да и как суду не доверять эксперту Исаенко М.В., если сам профессор П.Л.Иванов – ее учитель - высоко оценивает профессиональные качества своей ученицы. В приговоре суда написано: *«Кроме того, опрошенный в ходе судебного разбирательства эксперт ФГУ РЦСМЭ РОСЗДРАВА Иванов П.Л., принимавший участие в проведении повторной комиссионной судебной генетической (судебно-медицинской) экспертизы, подтвердил, что эксперт Исаенко М.В. имеет соответствующую квалификацию и стаж работы в указанной области и является грамотным специалистом».* (Приговор, Стр. 29). Эта характеристика Исаенко М.В., вырванная из контекста полученных у Иванова П.Л. показаний, должна была подтвердить обоснованность выводов суда о достоверности заключения эксперта №942. Если уж сам Иванов П.Л. дает хвалебные характеристики своей ученице, то какие основания у суда не доверять ей как эксперту, подготовившему заключение?

Лукавит, однако, судья Ларина. Вовсе не то, что написано в приговоре об эксперте Исаенко, имел в виду П.Л. Иванов. Если бы судья Ларина воспроизвела в приговоре весь фрагмент его показаний, то любому стало бы ясно, что Иванова удивляет, как могла его ученица, грамотный специалист, дать абсолютно необоснованное, безграмотное заключение. Но судья Ларина Н.Г., вырвав из контекста

то, что было нужно, оставила самое «важное»: положительную характеристику Исаенко. Иначе можно было подорвать доверие к этому эксперту. Чтобы восстановить истину, я приведу полностью этот фрагмент выступления в суде Иванова П.Л. Завершая описание полученных Исаенко результатов как невозможных для интерпретации, **П.Л.Иванов сказал:**

*«Поразительно, Я не могу этого объяснить, как это... Я не могу обвинить Исаенко в преднамеренном искажении. Тут два варианта. Либо эксперт абсолютно некомпетентен... такого быть не может, у нее стаж 17 лет, моя ученица, защищала у меня диссертацию... прекрасно знает, она курсы проходила повышения квалификации...». И далее: «Когда мы этот результат получили, то вынуждены были написать в самой мягкой форме, что нельзя интерпретировать это иначе, как несоответствие, как не обусловленность выводов экспертизы результатами самой экспертизы, потому, что **этот вывод, что называется, с потолка взят...**».* (фонограмма заседания от 18.08.2011 года).

В этом фрагменте показаний судебно-медицинского эксперта действительно есть слова о компетентности Исаенко, но вот, в связи с чем они были сказаны Ивановым П.Л., судья предпочла в приговоре умолчать. Хотя нечто подобное записанному на фонограмме есть и в протоколе судебного заседания: *«Мне даже удивительно. Она грамотный специалист, имеет соответствующий стаж работы и квалификацию, она моя ученица».* (протокол от 18.08.11 г. стр.10).

Таким образом, никакими, имеющимися в деле доказательствами, кроме показаний эксперта Исаенко М.В. и лаборантки Дашкевич Н.Н., факт обнаружения спермы в мазке из влагалища, не подтвержден. Данные о наличии в исследуемом препарате простатоспецифического антигена, полученные «экспертами», не могут расцениваться как однозначный признак присутствия в нем спермы, поскольку характерны и для выделений женского организма. Кроме того, сведения о ПСА в мазке из влагалища объективно при проведении исследований никак не зафиксированы и основаны только на личных наблюдениях Исаенко и Дашкевич. Эти данные не вытекают даже из результатов ими же проведенных исследований с использованием теста «SERATEC». Но есть, однако, признаки фальсификации заключения эксперта №942. Об этом ниже.

(5)

О фальсификации заключения судебно-генетической экспертизы №942.

О недопустимости заключения эксперта №942 писал в своей кассационной жалобе адвокат Асташенков О.В., правда, указывая на признаки фальсификации не самого заключения, а постановления о назначения судебно-генетической экспертизы от 11.08.2010 года. Свой вывод адвокат мотивировал тем, что *«объекты и акты исследований (речь об Актах №№ 874, 917, 918 – А.Э.) вместе могли появиться у следователя не ранее 23 августа 2010 года»* (день окончания последнего исследования, если судить по дате, проставленной в Акте № 918 – А.Э.).

Вынесение данного решения следователем «не раньше 23.08.2010 года», однако, маловероятно, поскольку входящий № 942, указанный на первой странице постановления о назначении судебно-генетической экспертизы и дата его поступления в экспертное учреждение - 17.08.10 г. (т.3, л.д.64), вполне соответствует дате начала проведения экспертизы – 18.08.10 года. Чтобы фальсифицировать постановление, изготовив его задним числом («не ранее 23.08.10 г.», как сказано в жалобе адвоката Асташенкова О.В.), следователю потребовалось бы вносить изменения в регистрационные записи, которые ведутся по поступающим в экспертное учреждение материалам. Такие исправления нужно было бы согласовывать не с экспертом, а с теми работниками экспертного учреждения, которые получают материалы для производства экспертизы и ведут соответствующий учет, присваивая входящий номер. Вовлекать третьих лиц в авантюру с подлогом следователь вряд ли решился бы.

А вот с Актами №№ 874, 917, 918, содержащими описание исследований, признанных и судом первой инстанции, и судебной коллегией по уголовным делам Мосгорсуда, экспертными, а, следовательно, имеющими доказательственное значение, – такая фальсификация вполне возможна и вероятнее всего, была произведена при участии эксперта Исаенко М.В. И способ фальсификации понятен: исправление дат на Актах с тем, чтобы, как выразились позже судьи кассационной инстанции, оформленные этими актами исследования «ПЕРЕ-СЕКАЛИСЬ» с назначенной позже экспертизой. О признаках подлога Актов я подробно писал в своем заключении от 30.09.2011 года и в части первой настоящей книги.³⁹

³⁹ Эскархопуло А.А. Заключение специалиста по уголовному делу, рассмотренному Таганским районным судом г.Москвы, в отношении Макарова В.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» части 4, ст. 132 УК РФ, - Библиотека криминалиста. Научный журнал. №1 (2) 2012 г. Стр. 351-352. См. также часть первую «ПРИГОВОР», настоящей книги.

Таким образом, у меня имелись некоторые основания полагать, что Акты №№ 874, 917, 918 позднее были фальсифицированы путем внесения изменений в даты проведения соответствующих судебно-генетических исследований.

Если Акты с описанием исследований, которые суд рассматривает в качестве экспертных, а их результаты, как полученные в рамках назначенной следователем и проведенной Исаенко М.В. экспертизы, фальсифицированы, то само заключение эксперта №942 также должно быть признано подложным. А, следовательно, недопустимым доказательством по уголовному делу В.В.Макарова. Между тем, в кассационном Определении дается свое объяснение фактам несоответствия дат проведения исследований, указанных в Актах 874, 917, 918, сведениям, содержащимся в постановлении о назначении судебно-генетической экспертизы от 11.08.2010 года. Правда, это объяснение судебной коллегии касается только доводов адвоката об изготовлении постановления следователя задним числом, а не исправления дат на Актах, но, тем не менее, мотивировка интересна и для нашей **версии** о подлоге. *«То обстоятельство, что в тексте постановления (о назначении экспертизы от 11.08.10 года – А.Э.) имеются ссылки на номера актов исследований, которые на момент вынесения постановления либо не были окончены, либо еще не проводились, не может свидетельствовать об изготовлении текста постановления задним числом, поскольку в ходе судебного следствия установлено, что следователь неоднократно созванивался с лицом, проводившим исследование, что не исключает возможность установления им номеров исследований, в том числе планируемых, в ходе телефонных переговоров».* (стр. 17 Определения).

Нетрудно убедиться в том, что все звонки с сообщениями о результатах исследования майки и трусов Макаровой, мазка из влагилица имели место до возбуждения уголовного дела, и до вынесения постановления о назначении экспертизы. Так, 04.08.10 – сперма обнаружена экспертом Исаенко на майке (Рапорт следователя: т.1, л.д. 133); 10.08.10 – в мазке (т.1, л.д.134). Следует ли понимать объяснение судебной коллегии Мосгорсуда как признание того, что исследования, которые суд считает экспертными и придает их результатам доказательственное значение, проводились Исаенко до вынесения постановления о назначении судебно-генетической экспертизы? Во всяком случае, этот вывод следует из приведенного выше текста. Судебная коллегия своими оценками однозначно подтверждает, что телефонные переговоры о результатах первых генетических исследований велись раньше, чем могла начаться экспертиза. Этого уже достаточно, чтобы признать заключение, в котором отражены результа-

ты исследований, проведенных до назначения экспертизы, недопустимым доказательством. Но и это еще не все. Есть все основания полагать, что и само заключение экспертом было фальсифицированной. Речь не о даче заведомо ложного заключения, о чем специалист Хальчицкий С.Е. высказался вполне определенно. Речь о подлоге иного рода.

Интересно: нет еще и в помине самих Актов, по которым исследования на дату вынесения постановления (11.08.10 года) *«либо не были окончены, либо еще не проводились»*, а следователь уже передает их и сами исследуемые объекты для производства судебно-генетической экспертизы. Причем, как написано в постановлении от 11.08.10 г. передает именно сами Акты, а не номера Актов, как объясняет судебная коллегия. *«Предоставить в распоряжение экспертов материалы, - написано в постановлении от 11.08.2010 года (т.3, л.д.65), - 1) простыню бежевого цвета, полученную с актом судебно-генетического исследования №917...3) образцы мочи Макаровой Э.В., полученные с актом судебно-генетического исследования №874...»* и т.д. Напомню, что все эти исследования, судя по актам, были завершены после вынесения постановления о назначении судебно-генетической экспертизы, а именно в период с 13 по 23 августа 2010 года.

Здесь возможно только два объяснения: либо постановление от 11.08.2010 года действительно было вынесено после получения третьего Акта №918 от 23.08.2010 года, но датировано задним числом, либо все исследования, оформленные Актами, и представленные в «заключении №942» как экспертные, проводились до вынесения постановления о назначении экспертизы с последующим исправлением дат на Актах. Первое объяснение дает основание говорить о фальсификации самого постановления о назначении экспертизы с целью легализации заключения эксперта №942. Второе - о фальсификации Актов с целью придания процессуального статуса оформленным ими непроцессуальным исследованиям. Первое, как сказано выше, маловероятно. Тем не менее, любой из вариантов свидетельствует о фальсификации основного доказательства обвинения - заключения эксперта Исаенко М.В. Но и это еще не все признаки подлога.

Читаем далее ту часть заключения №942, где приводится описание объектов, представляемых на экспертизу для исследования (том. 3, л.д. 70). Не забывая, однако, что экспертиза, судя по записи на первой странице, была начата 18 августа 2010 года, а материалы в экспертное учреждение поступили 17.08.10 г. (см. запись на постановлении о назначении экспертизы с «исх. №942 от

17.08.10 г.» – т. 3. л.д. 64). То есть тогда, когда все исследования и мочи, и майки, и трусов Макаровой Э.В., и мазка из влагалища уже завершены (Акт №874 – т. 1, л.д. 135). Это значит, что на экспертизу должны были быть переданы все эти объекты в уже измененном виде, то есть с вырезками ткани из представленной на исследование одежды ребенка, со смытым предметным стеклом, с израсходованными анализами мочи. И именно в этом состоянии объекты исследования должны описываться во вводной части заключения эксперта. Между тем, описание всех представленных на судебно-генетическую экспертизу объектов (кроме простыни) приводится экспертом Исаенко по состоянию на 30 июля 2010 года, именно так, как они были описаны до проведения исследования, оформленного Актом №874. Это еще один признак подлога, не получивший, тем не менее, оценки судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда.

Таким образом, есть основания полагать, что Заключение судебно-генетической экспертизы №942 было затребовано и представлено следователю с единственной целью - придать процессуальный статус и тем самым легализовать в уголовном процессе исследования, проведенные до возбуждения уголовного дела и до вынесения постановления о назначении экспертизы. Этот по многим признакам фиктивный документ стал своеобразной имитацией производства судебной экспертизы в деле Макарова В.В.

Иные, представленные в деле свидетельства «специалистов» - педагога-психолога Соколовой Л.А. и полиграфолога Нестеренко И.Д., названные, очевидно, по недоразумению заключениями, и положенные в основу судебных решений, также не могут рассматриваться в качестве доказательств по делу. Первая (Соколова Л.А.) свое обследование проводила до возбуждения уголовного дела, представив результаты в форме изложения непродолжительной беседы с ребенком, составленное по просьбе следователя, и уже только по этой причине не могла выступать в процессуальном качестве ни эксперта, ни специалиста, дающего свое заключение. Второй (Нестеренко И.) проводил опрос с использованием полиграфа в порядке частной инициативы, представив сомнительное с точки зрения достоверности заключение. Как необоснованное, оно получило оценку в заключениях многих государственных судебных экспертов – полиграфологов: Я.В. Комиссаровой., М.Ю. Каменскова., С.В. Герасименко, Н.Н. Фроленко. Все специалисты оказались единодушны в своем мнении: результаты работы полиграфолога Нестеренко И.В, представленные в его заключении, необоснованны. Но мнение четверых профессиональных экспертов, заслушанные

в заседании суда, были судом отвергнуты с той же мотивировкой, что и мнения психологов, генетиков и ряда других специалистов: *«Учитывая, что указанные лица непосредственно не проводили психофизиологические исследования подсудимого Макарова В.В. и фактически какой-либо информацией, имеющей значение для настоящего дела, не обладают...»*. (Приговор, стр. 33). Такие аргументы лишней раз иллюстрируют уровень профессиональной подготовки судьи Лариной, для которой разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о возможности привлечения специалистов для оценки научной обоснованности экспертных заключений, либо неизвестны, либо ничего не значат.

О недопустимости использования заключений психолога Л.А.Соколовой и полиграфолога И.В.Нестеренко в доказывании по делу я уже высказывался достаточно подробно, и не вижу необходимости еще раз возвращаться к этой теме.⁴⁰

Таким образом, ни один из фактов, положенных в основу судебных решений, нельзя считать установленным с достоверностью. А именно:

1) В материалах дела нет ни одного доказательства обнаружения спермы в моче потерпевшей. Свидетельские показания работников больницы им. Св.Владимира, которые по их же утверждениям лично видели сперматозоиды в моче ребенка, не соответствуют действительности, поскольку исследованию в больнице подвергались не моча, а осадок мочи. При этом никто не проверял «чистоту» тех инструментов, которыми пользовалась лаборантка Савельева при проведении микроскопического исследования осадка мочи, они даже не были изъяты следователем, в то время как по другим показателям полученные анализы имели явные признаки загрязнения. Кроме того, при микроскопическом исследовании, которое проводилось в больнице, не были соблюдены правила, обеспечивающие достоверность результата. А именно, исследуемый препарат не окрашивался кислым фуксином или иным составом, что является необходимым условием для надежного распознавания клеток – сперматозоидов по окрашенной оболочке. Наконец, компетентность работников больницы, обнаруживших неподвижные сперматозоиды в осадке мочи, вызывает серьезные сомнения, поскольку по их же признанию, ранее они с подобными случаями не встречались. Уже только по этой причине они могли допустить ошибку в оцен-

⁴⁰ Эксархопуло А.А. Заключение специалиста по уголовному делу, рассмотренному Таганским районным судом г.Москвы, в отношении Макарова В.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» части 4, ст. 132 УК РФ, - Библиотека криминалиста. Научный журнал. №1 (2) 2012 г. См. также часть первую «ПРИГОВОР» настоящей книги.

ке результатов микроскопического анализа. Такой вывод обоснован и тем, что ни одна из судебно-генетических экспертиз в тех же анализах мочи Макаровой Э.В. простатоспецифический антиген (ПСА) не обнаружила, в то время как ПСА обязательно должен обнаруживаться при тех количествах сперматозоидов в поле зрения окуляра микроскопа, о котором сообщали работницы больницы.

2) Факт обнаружения спермы в содержимом влагалища потерпевшей Макаровой Э.В. никакими доказательствами не подтвержден, а происхождение мазка именно от потерпевшей с достоверностью не установлено. Исходное для всех экспертиз положение - *«мазок из влагалища Макаровой Э.В.»* стало бездоказательным утверждением, заданным по условиям поставленных перед экспертами вопросов. А умозаключение суда о «сперме во влагалище Макаровой Э.В.», основанное на, якобы, обнаружении ПСА в препарате, полученном из мазка, явилось неверной интерпретацией показателей по антигену, полученных экспертом Исаенко М.В. с помощью теста «SERATEC». Причем данные о наличии в мазке ПСА не объективизированы и подтверждаются лишь свидетельскими показаниями самой Исаенко М.В. и ее лаборантки Дашкевич Н.Н. Кроме того, не было судом учтено, что в тех количествах, о которых сообщали эксперт и лаборант, ПСА может присутствовать и в выделениях женского организма. Ссылка судебной коллегии по уголовным делам на выводы эксперта Исаенко М.В., в которых говорится о том, что *«в препаратах, полученных из мазка и майки помимо женской составляющей ДНК, установлено наличие мужской составляющей»* (Определение, стр. 19) не вполне корректна, поскольку в том же заключении эксперта Исаенко М.В. №942, имеются данные, свидетельствующие о прямо противоположном. В следующем абзаце того же пункта своих выводов Исаенко написала: *«Однако по ряду тестов в данном препарате определяются только генотипические признаки, характерные для женщины...»*. Если из двух противоречащих друг другу суждений, высказанных одним и тем же экспертом, суд выбирает лишь то, которое его больше устраивает, без объяснения причин своей избирательности, то такое решение суда не может претендовать на объективность и всесторонность.

3) При отсутствии достоверных сведений об обнаружении спермы в мазке из влагалища факт эякуляции (семяизвержения), якобы, произведенного Макаровым в область половых органов дочери (*половой щели, преддверия влагалища и самого влагалища*), с последующим затеканием спермы во влагалище, нельзя считать обоснованным. И, прежде всего, потому, что эксперты, проводившие судебно-медицинскую экспертизу, не решали вопрос о наличии или отсутствии

спермы во влагалище Макаровой Э., а исходили из, якобы, доказанности данного факта. Отвечая лишь на вопрос о наиболее вероятном механизме попадания спермы во влагалище потерпевшей при заданных следователем условиях и с учетом объяснений матери потерпевшей – Макаровой Т.И.

Впереди надзорные инстанции по делу Макарова В.В. В связи с этим нелишне вспомнить о постановлении Пленума Верховного Суда РФ, целиком посвященного судебной экспертизе:

*«п..24... При наличии сомнений в заключении эксперта, выводы которого повлияли или могли повлиять на правильное разрешение судом вопросов, указанных в части 1 статьи 299 УПК РФ, суд в кассационном, а также с учетом требований статьи 405 УПК РФ в надзорном порядке вправе отменить приговор и направить дело на новое судебное разбирательство».*⁴¹

В нашем случае не только экспертные заключения, но и все доказательства, на которые суд ссылается в обоснование своего решения о виновности осужденного, изначально имели существенный недостаток: все они не отличаются достоверностью, окончательные же выводы суда не основаны на материалах уголовного дела. Перефразируя сказанное нобелевским лауреатом, академиком П.Л.Капицей в отношении «лженауки» замечу: **«лжеправосудие начинается не там, где допускаются ошибки, а там, где их отказываются признавать».**

Часть третья. НАДЗОР.

С вынесением кассационного определения судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда приговор в отношении Макарова В.В. вступил в силу с теми изменениями, которые были внесены в него кассационной инстанцией. У осужденного и его супруги Макаровой Т.И., как представителя потерпевшей, оставалась только одна возможность для восстановления справедливости. Это подача жалобы в порядке надзора. В силу закона надзорная жалоба должна была рассматриваться в президиуме все того же Московского городского суда, где принималось решение по кассационной жалобе. Как и следовало ожидать, Мосгорсуд надзорную жалобу удовлетворить отказался. Отказ открывал для осужденного и других заинтересованных участ-

⁴¹ ППВС РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» №28 от 21.12.2010 года.

ников процесса возможность обратиться с жалобой в следующую надзорную инстанцию - в Верховный Суд РФ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об отказе в удовлетворении надзорной жалобы

4у/7-2417/12

(извлечение)

г.Москва

6 апреля 2012 года

Судья Московского городского суда Комарова М.А., изучив надзорную жалобу законного представителя потерпевшей Макаровой Т.И. о пересмотре приговора Таганского районного суда г.Москвы от 5 сентября 2011 года и кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 29 ноября 2011 года,

У с т а н о в и л а:

...

На основании изложенного, руководствуясь п.1 ч.3 ст. 406 УПК РФ ,

П о с т а н о в и л а:

В удовлетворении надзорной жалобы законного представителя Макаровой Т.И. о пересмотре приговора Таганского районного суда г.Москвы от 5 сентября 2011 года и кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 29 ноября 2011 года в отношении Макарова Владимира Владимировича отказать.

Судья Московского городского суда

ПОДПИСЬ.

Комментарий

Состоявшееся 06 апреля 2012 года решение судьи Мосгорсуда Комаровой М.А., отказавшей в удовлетворении надзорной жалобы по делу В.В.Макарова, было вполне предсказуемо. С принятием данного решения оказался пройден первый, вынужденный этап надзорного обжалования. И в этом его единственное положительное качество, поскольку обойти Мосгорсуд при всем желании было невозможно, а рассчитывать на отмену в этой судебной инстанции неза-

конных и необоснованных решений, принятых в отношении Макарова В.В., изначально не было никаких шансов. Впрочем, как не было и оснований рассчитывать на объективное и непредвзятое восприятие судьей доводов, которые были приведены Макаровой Т.И. в ее надзорной жалобе. Особенно, если вспомнить принятое 29.11.2011 года судебной коллегией того же Мосгорсуда определение по кассационной жалобе, в котором самые очевидные нарушения закона оказались незамеченными судом. Как можно понять из содержания вынесенного Комаровой М.А. постановления, судья не нашла времени ознакомиться с материалами уголовного дела, чтобы иметь основания мотивированного опровержения аргументов, изложенных в надзорной жалобе. Возможно, судья не поинтересовалась содержанием дела именно потому, что в нем были все необходимые данные, подтверждающие обоснованность претензий к приговору и кассационному определению. Не зная материалов дела, судье не оставалось ничего иного, кроме как опровергать аргументы жалобы исключительно цитатами из самих обжалуемых судебных решений. Не питая, очевидно, никаких иллюзий по поводу результатов рассмотрения надзорной жалобы в Мосгорсуде, ибо это решение было predetermined, Макаровы добились того максимума, на который могли рассчитывать, а именно, приблизили пересмотр дела в следующей надзорной инстанции. Получив после отказа из Мосгорсуда право обращаться с жалобой непосредственно в Верховный Суд РФ, и у осужденного В.В.Макарова, и у представителя потерпевшей Макаровой Т.И. появился шанс быть услышанными. И, прежде всего потому, что их требования отмены незаконных, а возможно, и заведомо неправосудных судебных решений, в значительной своей части были основаны на постановлениях Пленума Верховного суда РФ, посвященных правилам оценки доказательств, в том числе оценки экспертных заключений и заключений специалистов. Тех постановлениях, которыми пренебрегли судьи, вынося Макарову В.В. обвинительный приговор, подтвержденный позже и кассационным определением, и постановлением об отказе в удовлетворении надзорной жалобы.

Часть четвертая.

«Дело Макарова» глазами журналиста.

«Дело Макарова» приобрело широкую известность после серии публикаций в средствах массовой информации и демонстрации на центральных каналах ряда специально подготовленных телевизионных программ, посвященных

следствию и суду над Владимиром Макаровым, где он был признан виновным в сексуальном насилии над собственной дочерью. Все эти публичные выступления заставили многих обратить внимание на качество отечественного правосудия. Большинство журналистов, депутатов законодательного органа страны и просто граждан резко негативно оценивали и результаты следственной работы и вынесенный подсудимому Макарову В.В. приговор. Но были среди публичных выступлений и иные мнения, в том числе журналистов. Одной из наиболее одиозных стало выступление журналиста популярной газеты «Московский Комсомолец» Владимира Демченко со статьей, посвященной «делу Макарова». Показательно, что эта статья вышла в свет накануне рассмотрения этого дела в кассационной инстанции.

«Ну, ты совсем заврался»

(из боевика: «Полицейский в Беверли-Хиллс»).

21 ноября в «Комсомольской Правде» Владимир Демченко опубликовал свою статью под названием **«Комсомолка» изучила материалы скандального дела**. Что в ней правда, а что вымысел, читатель вряд ли разберется. Но «осадок», как говорится, останется. В этом можно не сомневаться. Поэтому разговор с журналистом будет серьезный, а доказательства его нечистоплотности, надеюсь, достаточно убедительными. Вот этим я и займусь.

«Комсомолке», - пишет Демченко, - *удалось ознакомиться с материалами этого скандального дела*. Спрашивается, отчего ж «Комсомолке», а не самому Демченко? На месте автора я бы не стал так категорически высказываться, подставляя уважаемую газету. Обращение к изучившей материалы дела «Комсомолке» как к источнику своей осведомленности подобно безличному «мы пахали», в данном конкретном случае может быть воспринято, как желание автора скрыть свою причастность к распространению лживой информации. Чтобы было понятно, объясню г-ну журналисту, что, в отличие от него, я знаком не только с содержанием протокола судебного заседания и приговора, но и с некоторыми другими материалами уголовного дела Владимира Макарова. А главное, и это особенно важно, с аудиозаписями того, что говорилось в суде. И если я утверждаю, что г-н Демченко распространяет лживую информацию, то у меня есть на то достаточно веские основания. Он, увы, не первый, кто строит выводы на основе материалов, не соответствующих действительности, добавляя к ним свои фантазии. Этим грешили и следователь, и судья, и некоторая

часть читателей интернет-сайтов, введенных в заблуждение публикациями, содержащими вольное изложение фактов. Но если ранее я просто не обращал на них внимания, то с выходом в свет статьи Владимира Демченко, посчитал измышления автора оскорбительными для всех тех, кто мог бы компетентно ответить автору, но, не имея доступа на страницы представляемой им газеты, вынужден ограничиваться малым тиражом настоящей книги. Мое глубокое убеждение – молчать, значит способствовать формированию извращенного общественного мнения в масштабах многомиллионной аудитории, которая регулярно читает газету «КП» и искренне верит всему, что в ней публикуется. Тем более, нельзя не ответить автору накануне рассмотрения дела Макарова В.В. в кассационной инстанции. И хотя Демченко заверяет читателей, что у него *«нет цели отстоять позицию одной из сторон или оказать давление на суд»*, содержание его статьи, тем не менее, наглядно свидетельствует, что все усилия автора были направлены на достижение именно этой цели: поддержать обвинение и соответствующим образом воздействовать на суд. Используя в своей статье закрытые для массового читателя тексты, автор преподносит их читателю в вольном, а порой и просто в выдуманном им самим варианте.

«В моих руках, - пишет Демченко, - пачка документов. Это копия приговора и протоколы судебных заседаний. Кроме вовлеченных в «дело Макарова» людей, эти страницы до сих пор видел только уполномоченный по правам ребенка Павел Астахов». Не могу определенно сказать насчет «протоколов», знаю только, что по результатам судебного разбирательства всегда оформляется лишь один протокол. Но то, что, благодаря усилиям «Трибуны Общественной палаты», с подлинным текстом приговора ознакомились все желающие еще до публикации г-ном Демченко своей статьи, хорошо известно посетителям соответствующего сайта. Причем его читатели и без Демченко успели ознакомиться не только с содержанием приговора, но и с фамилиями всех участников процесса. На фоне разглашения официальным общероссийским органом личной информации, охраняемой Конституцией РФ, такая «трогательная» забота журналиста об интересах ребенка, которого автор называет Кариной, выглядит не менее циничной, нежели заявление председателя Московского горсуда, призвавшей к лишению ее матери родительских прав до вступления в законную силу приговора, вынесенного в отношении мужа. Такая инициатива главного судьи столицы, кстати, дала основания некоторым гражданам, не знающим о существовании принципа независимости судей, прогнозировать то решение, которое должны принять ее подчиненные 29 ноября.

Чтобы, как пишет Демченко, дать читателям «Комсомолки» возможность *«взглянуть на судебный процесс изнутри, понять логику судьи, вынесшего столь неоднозначное решение»*, автор, как он сам выражается, **проштудировал** страницы протокола и приговора. Занятие, несомненно, полезное, если у «любителя логических умозаключений» имеется объективное подтверждение тому, что «проштудированные» им протокол и приговор адекватно отражают и сказанное участниками и сделанное ими в судебном заседании. Но для этого как минимум журналисту необходимо было присутствовать там, в зале судебных заседаний. Демченко же, имея в распоряжении лишь два документа, ничуть не смущаясь, заявляет: *«я знаю, что говорили участники процесса...»*. И хотя делать свое заключение Демченко оказался не готов, намерения журналиста, заявившего о своем стремлении разъяснить читателям логику судьи, вынесшей приговор Макарову В.В., несомненно, кажутся читателю благими. В действительности, если разобраться, то почти в каждом опубликованном слове журналиста присутствует собственная интерпретация реально сказанного или написанного, а, порой, и откровенная ложь.

Все авторские «находки» типа *«Тамара Савельева ...наклонилась и прошептала»*, *«Светлана Рубель подняла брови»*, *«Врачи стояли, ошарашенные»*... *«Карина, моргая, пыталась понять... Уставившись в одну точку, она отрицательно мотала головой»*, *«девочка рисовала ... с остервенением»* и многое другое вы, уважаемый читатель, не найдете ни в одном из «проштудированных» журналистом документов. Попробовал бы сам Демченко, например, **«отрицательно мотать головой, уставившись в одну точку»**. Даже не вполне адекватно воспринимающий действительность человек вряд ли в состоянии исполнить этот трюк. А значит «литературное творчество» Демченко В., воспроизводимое в его статье со ссылкой на, якобы, сказанное или увиденное участниками событий, есть не более, чем плод воображения самого журналиста. К чему, казалось бы, в серьезной статье эти красочные описания? Не иначе как придать большую убедительность рассказу самого автора. Между тем литературные «изыски» г-на Демченко оказались самыми безобидными из всех фантазий автора, которые он тиражирует наряду с, якобы, выдержками из приговора и протокола судебного заседания, возможно, не задумываясь о последствиях своего вранья.

Начну с описания в статье Демченко произошедшего в ночь на 24 июля в Детской городской больнице им. Св. Владимира. Чтобы у читателя не оставалось сомнений в достоверности сообщаемых Демченко сведений, журналист

ссылается на показания врачей, данные ими в суде, хотя автору статьи могло быть известно о них только из текста приговора или протокола судебного заседания. Что само по себе уже порочно, поскольку у читателя складывается впечатление, будто журналист присутствовал на заседаниях и лично слышал все сказанное. *«То, что произошло в ночь на 24 июля прошлого года в Детской городской клинической больнице Святого Владимира, - пишет автор, - врачи в суде рассказывали подробно»*. И все б ничего, если бы эти описания Демченко соответствовали тексту проштудированных автором документов, не говоря уже о реальных событиях.

Читаем статью Демченко: *«...Медсестра принесла стерильный одноразовый контейнер, собранный материал очистили, прогнав через центрифугу, и снова поместили под микроскоп»*. Если бы Демченко без собственных измышлений просто воспроизвел написанное в приговоре, то читатель бы узнал, что первый анализ собирался в горшок-утку, второй в лоток и уже из этой, вряд ли стерильно чистой посуды переливался в стерильный контейнер (показания Рубель - стр. 2-3 Приговора: показания медсестры Авериной - Приговора, стр.3-4 и др.). Теперь по поводу «очистки» мочи путем центрифугирования перед тем, как взглянуть на нее через микроскоп. Чтобы у читателей не было иллюзий на этот счет, процитирую исполнителя этой процедуры – лаборантку Савельеву Т.Б. по тексту приговора: *«Она провела экспресс диагностику мочи, после чего 10 мл мочи отлила в центрифужную пробирку для выделения осадка»* (стр.6 Приговора). Значит, не для очистки, а для выделения осадка. И понятно зачем, ведь под микроскопом разглядывают не мочу, а полученный после центрифугирования осадок, перенесенный на предметное стекло. Но я то понимаю, что солгать, сказав «для очистки», журналисту нужно было, чтобы читатель не сомневался: анализы, в которых работниками больницы были обнаружены сперматозоиды, исследовались очищенными от посторонних примесей. Видно очень хотелось развеять все сомнения в «чистоте» исследованных проб. Тем более, что о возможности случайного попадания спермы в мочу говорили и адвокаты, и эксперты, и другие комментаторы полученных в больнице результатов исследования мочи ребенка. Зачем же Вы, г-н Демченко, голову морочите читателям «Комсомолки», внушая им то, чего в реальности не было, а именно «очистку мочи посредством помещения в центрифугу»?

А теперь я хочу обратиться к «знатоку» логического способа познания, предложив известную ему ситуацию для умозаключения. Итак, **первая посылка:** Вам известно, г-н Демченко, что ни Исаенко при проведении первого ис-

следования анализов мочи, ни повторная генетическая экспертиза следов спермы в них так и не обнаружила. Их там, как заявил один из самых авторитетных экспертов-генетиков Иванов П.Л., просто не было. **Посылка вторая:** допустим, а оснований сомневаться и правда, немного, врачи с лаборантами не ошиблись, и действительно наблюдали в окуляре микроскопа сперматозоиды. Сделайте, пожалуйста, г-н журналист обоснованное **логическое умозаключение** из этих посылок, ответьте на вопрос: откуда могли взяться сперматозоиды, если в самой моче, и это с достоверностью установлено двумя судебно-генетическими экспертизами, их не было, а в окуляре микроскопа сперматозоиды наблюдали, судя по тексту приговора, три человека? Не напрягайтесь, г-н Демченко, подсказываю: не имеющая в своем составе следов спермы моча из стерильного контейнера сначала извлекается пипеткой (это первый возможный источник попадания в мочу постороннего биоматериала) и помещается в пробирку для центрифугирования (второй вероятный источник загрязнений). Затем после центрифугирования полученный осадок с помощью некоего инструмента из пробирки извлекается (инструмент для извлечения - это третий потенциальный источник сперматозоидов), далее извлеченный из пробирки осадок помещается лаборанткой на предметное стекло (предметное стекло – четвертый источник возможных загрязнений). И уже на предметном стекле лаборантка больницы, а вслед за ней и врачи обнаруживают то, чего в исходном материале (анализах мочи) не было. Логично, не правда ли? Но почему, объясните мне, в таком случае все хором, в том числе и следователь, и судья, и Вы господин журналист утверждаете, будто бы врачи с лаборантами обнаружили сперматозоиды именно в моче ребенка. На самом деле - не в моче, а в осадке, размещенном лаборанткой Савельевой Т.Б. на предметном стекле. Причем ни пипетка, ни пробирка, ни осадок, ни предметное стекло впоследствии никем не исследовались. Они исчезли по халатности следователя, а на их месте появились фантазии, растиражированные в том числе журналистом Демченко для читателей «Комсомолки».

Далее в статье написано: *«дополнительный анализ показал повышенное содержание белка, что, по словам специалистов, также может говорить только о присутствии спермы»*. Плох же тот специалист, о которых ведет речь Демченко, если не знает, что белок в моче может быть следствием не только присутствия в ней сперматозоидов, но и иных причин.

Читаю дальше и вновь удивляюсь журналистским фантазиям: *«утром Карину отвезли в Измайловскую ДГКБ № 3. Повреждений не обнаружилось и*

там. Врач-гинеколог взяла у девочки мазок и **вместе с образцами мочи** передала прибывшему следователю Дмитрию Лопаеву». По Демченко получается, что девочку транспортировали из больницы Св.Владимира в Измайловскую больницу вместе с анализами мочи. Интересно, откуда журналист взял эти сведения? Чушь, конечно, ни в одном «проштудированном» им документе, такой информации нет. Но даже не это абсурдное утверждение о передаче врачом-гинекологом анализов мочи ребенка следователю бросается в глаза, а то, что у читателя, благодаря фантазиям Демченко, складывается впечатление, будто бы и анализы мочи и мазок следователь Лопаев получил из рук врача-гинеколога. Не следует забывать, что еще не возбуждено уголовное дело. Несомненно, вопрос о том, какие анализы впоследствии стали объектом экспертного исследования – это важный момент, поскольку для признания их вещественными доказательствами закон требует обязательного соблюдения строго регламентированной процедуры, чтобы не оставалось сомнений в легитимности их получения. То есть опять же, достоверность происхождения полученных следователем материалов не должна вызывать сомнений. Но журналист предпочитает лгать. Его разоблачает сама врач-гинеколог Сашкина А. Уже в приговоре можно найти изложение ее показаний: ею (Сашкиной) «... был взят мазок... полученный материал перенесла на предметное стекло, которое поместила в специальный контейнер для просушки материала... Предметное стекло она положила в конверт белого цвета...» И ни слова о передаче врачом-гинекологом мазка следователю. Про «переданные следователю» анализы мочи вообще рассуждать бессмысленно. Здесь фантазии Демченко вообще выходят за рамки приличия. Меня мало интересует и содержание протокола судебного заседания. Почему, объясню позже. А вот из фонограммы, как из песни, слов не выкинешь. В расшифровке аудиозаписи есть и показания Сашкиной А.С. Вот они: «... намазала материал на стекло, поместила данное стекло в пластиковый контейнер, контейнер нестерильный, многоразовый. **Кто выдавал контейнер со стеклом мне неизвестно, но не я**. Можно было бы привести свидетельства и самого следователя Лопаева, но, пожалуй, ограничусь сказанным.

Но журналист не унимается: «*Следователь Лопаев методично изъяс простыню с кровати, а также трусики и майку девочки, в которых ее привезли в больницу. Позже следы спермы были обнаружены и там*»... Про простыню – нет вопросов, следы спермы на ней были обнаружены всеми экспертами. А на каком супружеском ложе их нет? Что касается следов спермы на майке, то здесь выводы экспертов-генетиков оказались прямо противоположными: Иса-

енко утверждала, что следы спермы обнаружены ею были, повторная экспертиза категорически опровергла интерпретацию Исаенко М. результатов проведенных ею же самой исследований. А вот «на трусиках» никто, ничего не обнаружил. Не было там следов спермы – и этот факт ни у кого сомнений не вызвал. Ни у следователя, ни у суда. Разве что у журналиста Демченко с его богатым воображением. Но, несмотря на отсутствие каких-либо сведений, свое суждение об обнаружении спермы, в том числе и на трусиках ребенка журналист формулирует в категорической форме, дополняя своим враньем общую картину «развратных» действий, рассчитанную на читателей «Комсомолки». Журналиста ничуть не смущает, что воспринимают эти лживые утверждения сотни тысяч наших сограждан, ничего не подозревающих о степени осведомленности автора статьи. Неужели на лжи можно составить адекватное представление о «логике судьбы»? А ведь именно к этому должен был стремиться автор, если верить его же заявлению о цели своей публикации? Хотя, кто знает, может автор действительно отражает в своих оценках логику судьбы Лариной? Разберемся.

Читаем далее. Демченко пересказывает беседу, которую вела с ребенком педагог - психолог Л.Соколова 26 июля 2010 года: *«На прямой вопрос о том, почему Карина упомянула в перевязочной папу и боль, девочка ответила, что была спросонья, а людям в таком состоянии всегда больно. Это озадачило психолога»*. Зачем Демченко искажает суть разговора? Вероятно, чтобы убедить читателя в том, что судья была совершенно права, не приняв во внимание показания ребенка. Между прочим, если верить этим показаниям, то Макарова В.В. нужно было освобождать немедленно, в зале суда как человека и отца, который никаких насильственных действий в отношении дочери не совершал. Искажая то, что было сказано ребенком в действительности, автор статьи понимает, что каждый из нас, кто хоть раз находился в состоянии «спросонья», будет воспринимать слова девочки с недоверием, снисходительно, поскольку ясно, что человек, просыпаясь, далеко не всегда испытывает боль. Мне известен один такой случай – это когда спящего ребенка с диагнозом «компрессионный перелом позвонков», бесцеремонно будят врачи, принудительно раздвигая ему ноги. Но если девочка утверждает так, как написано у Демченко, то можно ли доверять всему остальному, сказанному ребенком в защиту своего отца? Разумеется, нет. Но такой ответ формируется у читателя не на основе фактов, а на основе домыслов журналиста. Ну не иначе, как кто-то весьма неуклохе научил девочку давать именно такие объяснения сказанному ею: «больно, папа, пусти». Боюсь, что разочарую г-на Демченко, если все же воспроизведу тот же фрагмент раз-

говора, но составленный уже не журналистом, а непосредственным участником беседы. Вот как этот эпизод от имени девочки изложен в документе, подготовленном самой Соколовой в ответ на запрос следователя: *«Когда мне врач захотела что-то там посмотреть, я сказала, что мне больно, потому, что я тогда спала, меня повезли неизвестно куда и зачем, и я спросонья закричала. Мало ли что я спросонья сказала. Когда людей неожиданно будят, они же всегда говорят, что им больно?»* Обратите внимание на знак вопроса. Ребенок не утверждает, а спрашивает, рассказывая психологу о событии, имевшем место в ночь с 23 на 24 июля 2010 года, то есть сразу после получения тяжелой травмы. Почему никому из очевидцев (чего уж винить журналиста) в голову не пришло, что ребенок находится в больнице с диагнозом компрессионный перелом позвонков? Теперь представьте себе такую картину: группа врачей, уложив девочку на стол для осмотра, прилагают усилия, чтобы раздвинуть сонному, травмированному ребенку ножки. Какая боль? кого интересует травма, когда в моче обнаружены сперматозоиды? Можно лишь удивляться тому, что наши славные медики, задача которых, прежде всего, оказывать медицинскую помощь, а не устанавливать факт изнасилования, интерпретируют жалобы девочки на боль исключительно как сексуальное насилие, совершенное отцом. И что остается ангажированным журналистам, подобным Демченко, не говоря уже о следователе и судье?

Читаю дальше. Следующий фрагмент взят журналистом из приговора, и опять с купюрами: *«Когда Соколова задала ей вопрос, как одевается мама, она, - пишет Демченко В., - неожиданно сказала: «Я голой никогда не ходила и не хожу».* Ну как после такого журналистского изложения не усомниться в том, что ребенок отвечает не на вопрос психолога, а воспроизводит заранее подготовленные ответы. Но Демченко, не дожидаясь, когда читатель сам сообразит, почему на вопрос об одежде мамы девочка ответила: *«я голой никогда не ходила и не хожу»*, спешит «правильно» сориентировать читателя, предваряя этот ответ ребенка собственными оценками: *«Каждый раз, когда разговор переходил от общих тем к семейным взаимоотношениям, девочка подбиралась и переходила с обычного детского лепетания на четко построенные, словно заученные, фразы».*

Возвращаясь к журналистским купюрам, замечу, что вырезанными из текста приговора оказались слова, якобы, сказанные Соколовой после формулировки вопроса: «как одевается мама». А ведь они, эти выброшенные журналистом слова, делают ответ ребенка не столь уж бессмысленным и не связан-

ным с заданным вопросом. Полная фраза в приговоре звучала так: «как одевается мама, кто как ходит дома». Есть и более точное воспроизведение показаний Соколовой в этой части, а именно в обвинительном заключении, значительную часть которого судья просто переписала слово в слово в приговор. Этот фрагмент выглядит так: *«Когда она (Соколова) спросила ребенка (в оригинале названа ФИО), в чем она одета, когда находится дома (обратите внимание, вопрос адресован девочке, и психолог интересуется ее одеждой, а не одеждой матери, как пишет Демченко), девочка неожиданно ответила, что голая она дома никогда не ходит»*. Как в действительности проходила беседа в части выяснения, кто, в чем дома ходит, знает только Соколова. Это описание педагог-психолог приводит в документе, который Демченко, опять же вводя читателя в заблуждение, называет «экспертным заключением». Документ без названия оформлен как ответ на запрос руководителя следственного отдела Бармотова В.М., в котором, подписавшая его Соколова Л. сообщает «результаты первичного психологического обследования» ребенка. Только абсолютно безграмотный в юридических вопросах журналист может этот документ назвать заключением эксперта. До такого не додумались ни следователь, ни судья. Но журналисту Демченко, вероятно, нужно было, невзирая ни на что, произвести впечатление на читателей «силой и мощью» собранных против Макарова В. доказательств. Подписанный Соколовой Л. через три дня после беседы с девочкой отчет о проделанной работе, а не через год, как это имело место при оформлении показаний педагога-психолога в приговоре, то есть, как говорится «по горячим следам», дает уже несколько иное представление о содержании беседы психолога с ребенком. Из этого документа следует, что никаких вопросов о том, как одевается мама, Соколова ребенку не задавала. Что касается описания того, кто и в чем ходит дома, то такое описание имело место, если судить по представленному в деле тексту, не как ответ на вопрос, а как повествование в контексте довольно обстоятельного рассказа ребенка о себе, своей семье и т.д. Здесь написано буквально следующее: *«В диагностической беседе девочка (в оригинале указано имя ребенка) сообщила следующее: ... Я всегда сплю вместе с мамой, потому что мама с папой спать не может из-за того, что он сильно храпит. Дома я хожу в платье, всегда, голая я никогда не хожу. И не ходила. Мама тоже всегда ходит дома в платье. Это только папа иногда в трусах»*. Последнее, кстати, скорее говорит об искренности девочки.

Но и этот текст также нельзя назвать первоисточником сведений о содержании состоявшейся 26.07.2010 года беседы психолога с ребенком. Соколова

подготовила его не сразу, а через три, как я уже сказал, дня после самого обследования, распечатав в виде ответа на запрос следователя. До этого она изложила ход и результаты беседы с ребенком, оформив рукописный отчет в тот же день - 26.07.2010 года. И название этому документу - «Разовая консультация». Указана в нем и фамилия «клиента» Соколовой Л.А., по поводу обращения которого психолог давала консультацию. Это следователь Лопает Д.Н. Так вот – рукописный текст и есть самый «свежий» документ, надо полагать с наибольшей точностью отражающий суть психологического обследования, проведенного Соколовой. Читаю и убеждаюсь, нет здесь фразы ребенка: «голой я никогда не хожу». А есть собственноручно написанное Соколовой (текст рукописный и, если Демченко сомневается в его подлинности, то при необходимости можно провести и почерковедческую экспертизу): *«На вопрос о том, как девочка одета дома, ребенок (в тексте указано настоящее имя ребенка) ответила, что она никогда не ходит раздетой, всегда в платье...»*. Зачем Соколова в более позднем изложении сказанного девочкой заменила слово «раздетой» на «голой», остается загадкой. Видимо по тем же соображениям, что и журналист, позже окончательно изуродовавший описание этого фрагмента беседы в своей статье. Между тем, «раздетый» – не обязательно голый. Снимая верхнюю одежду, мы тоже раздеваемся. Голый же в контексте поставленного вопроса об одежде всегда ассоциируется с ее полным отсутствием. Переиначив ответ ребенка, журналист вольно или невольно призывает читателя задуматься, а не была ли девочка действительно вовлечена в сексуальные отношения?

Но Демченко, или тот, кто стоит за этой фамилией, продолжает откровенно врать. Со ссылкой на Соколову он пишет: *«Обсуждать различия между мальчиками и девочками Карина отказалась наотрез»*. Если бы не «наотрез», то можно было бы простить журналисту эту оплошность, ибо именно так (без «наотрез») написано в приговоре. Но, похоже, и судья не без «греха». Стоит только обратиться к первоисточнику, как становится ясно, что в приговоре показания Соколовой воспроизводятся с искажениями. Проверяем по тексту приговора, здесь, сказано: *«при беседе о половых различиях между мальчиками и девочками она отвечать отказалась»* (стр. 9 Приговора), а в протоколе без указания на мальчиков и девочек, но зато вместо «отказалась» - *«не захотела»*. (стр.27 Протокола). Журналист, шокируя публику, пошел дальше всех - «наотрез отказалась». Но я то знаю, что протокол также не отражает реально сказанного ребенком в беседе с Л.Соколовой 26.07.2010 года. Из расшифровки фонограммы судебного заседания от 28.07.2011 года мы узнаем, что на шестой

минуте второго часа заседания суда Соколова, давая свои показания, даже не вспомнила про свой вопрос о различиях между мальчиками и девочками. Психолог говорила, что в беседе с ребенком, был поставлен вопрос о «*половых различиях мужчины и женщины*». Но главное не в этом, а в том, что во время самой беседы, состоявшейся 26 июля 2010 года, ответ ребенка на вопрос Соколовой все же прозвучал. Правда о нем судья предпочла в своем приговоре не упоминать даже в ссылке на результаты психологического обследования, которое провела Соколова. По понятным причинам, молчит и сам журналист. Лгать, чтобы произвести впечатление, можно, как известно, и не договаривая. И правильно, им же не нужна правда и достоверная информация, им нужно оправдание вынесенному судьей решению по делу. Ответ девочки на вопрос о половых различиях людей, записала сама Соколова в своем «заключении». Ответ был таким: *«Это неприлично, и об этом нельзя разговаривать»*. Ответ не только вполне адекватный для детского возраста, но и весьма поучительный как для взрослой тети-педагога (психолога), так и для журналистов. Но кому, спрашивается, нужно знать истинное положение вещей: ведь для непосвященного читателя **«наотрез отказалась отвечать»** звучит куда убедительней, нежели ответ: *«Это неприлично и об этом нельзя разговаривать»*. Небольшая ложь и читатель успешно привлечен на сторону «таганского правосудия».

Рассуждаю дальше. Что еще могло бы стать для читателя «косвенным» подтверждением того, что «злодей-насилник» отец совершал с собственной дочерью «НЕЧТО». Не иначе как ребенок должен вспоминать об отце с содроганием, ну в лучшем случае с нескрываемым волнением? Кто ищет, как говорится, тот всегда найдет, и Демченко с его воспаленным рассудком находит нужную цитату из, якобы, сказанного той же Соколовой Л.: *«В процессе беседы Соколова подметила и другие странности. Например, при упоминании отца Карина начинала волноваться»*. Ну как же не волноваться, если в момент проведения обследования «сексуальное насилие» еще так свежо в памяти ребенка? Заимствовал-таки фразу из протокола судебного заседания наш автор. В нем действительно есть нечто похожее на сказанное в статье Демченко. Есть похожая фраза и в приговоре. А вот о том, какова на самом деле была реакция девочки на вопрос о взаимоотношениях с отцом именно во время беседы с ней психолога, ни судью, ни журналиста не интересовало. Между тем, Соколова записала этот фрагмент беседы еще 26.07.10: *«На тему отношений с отцом или дедом говорить не захотела: «Я знаю, о чем вы меня будете спрашивать. Меня мама об этом уже много раз спрашивала за эти 3 дня. О том, не делал ли*

мне кто-то больно. Никто мне ничего не делал и не трогал, я уже все рассказала...». Есть, спрашивается разница между «волнением при упоминании об отце» и раздражением по поводу надоевших вопросов? *«Никто мне ничего не делал и не трогал, я уже все рассказала»*, следует понимать как: «отстаньте со своими глупыми вопросами». Но ответ ребенка в интерпретации судьи и журналиста читается иначе. Волновалась при упоминании об отце – значит, было отчего, значит что-то нечисто. Между тем, извращение содержания состоявшейся беседы ребенка с психологом в статье Демченко имело смысл. Правда при одном непременном условии, а именно, если перед автором была поставлена задача всеми правдами и неправдами внушить читателю непоколебимую, с тупым упорством тиражируемую уверенность в виновности подсудимого. И наплевать на истину.

Продолжаю чтение и убеждаюсь, что фантазии журналиста простираются уже «ниже пояса». Он пишет, опять же, якобы, со слов Соколовой Л.: *«На просьбу нарисовать свою семью она изобразила несколько фигур, среди которых папы не было. Вообще ни на одном рисунке не было особой мужского пола, а у женских фигур были хорошо проработаны грудь и талия, стрелочки, вырез на груди. При этом все, что ниже пояса, Карина тщательно заштриховывала».* Прочитав эти строки из воспоминаний психолога, изложенные журналистом, читатель обязательно додумает сам: не будь рядом постороннего человека, ребенок нисколько не смутился бы собственноручно изображенной женской фигуры с тщательно прорисованными деталями ниже пояса. Но, вспомнив о присутствующем психологе и спохватившись по поводу своих откровений, «развращенная отцом» девочка поскорее заштриховала интимную часть нарисованной фигуры. Ну, как не связать возникшую только в присутствии постороннего человека стеснительность по поводу изображения интимных деталей женского организма с тлетворным и даже развратным влиянием отца? Читатель уже почти готов растерзать «педофила». Но он просто не знает, что речь в описании Соколовой, если читать ее показания, зафиксированные в протоколе и приговоре, идет о рисунках несуществующего животного, фигуру которого (а не «женские фигуры», как у журналиста) девочка потом заштриховала, что на этом рисунке заштрихованной оказалась «вторая половина тела», а не «ниже пояса». Ответственно заявляю: ничего про «ниже пояса» нет ни в приговоре, ни в протоколе судебного заседания. На фонограмме слышно, как Соколова употребляет словосочетание «нижняя часть тела», а значит и ноги, то есть как на рисунке. Под выражением «ниже пояса», даже в боксе подразумеваются вполне

определенные элементы тела, куда, в частности, удары запрещены. Оторвите, господин журналист, свой взгляд от интимной части фигуры «полукошки», напоминающей Вам женскую, ибо он более характерен для сексуального маньяка, склонного удовлетворять свои фантазии с зоологической увлеченностью, в том числе путем простой концентрации внимания на рисунке несуществующего животного. Ведь и Вас г-н Демченко, с Вашей «художественной ориентацией» есть все основания заподозрить в сексуальном извращении. А лучше, взгляните на сам рисунок, приложенный к «заключению» Соколовой, и попробуйте найти хоть одно совпадение с Вашим описанием.



Вот еще один перл Демченко: *«Что касается хвоста женщины-кошки, то, по словам Лейлы Соколовой, девочка рисовала его с **остервенением**»* (???). Интересно, когда и где такое говорила психолог? Не иначе как в суде? И правда, хотя, рассказывая про «рисование с остервенением», журналист, не посетивший ни одного заседания, привычно ссылается на само выступление Соколовой в суде, а не на «протудированные» им документы. Он пишет: *«Фигура женщины-кошки выполнена в ярких цветовых гаммах, - говорила Лейла Соколова в суде, - но при этом огромный фаллический хвост черного цвета. Пока девочка рисовала фигуру, она успокоилась, а потом взяла черный карандаш и нарисовала этот хвост, **что есть силы надавливая на карандаш**»*. Автора статьи ничуть не смущает, что это взято из текста приговора, а не из выступле-

ния Соколовой в суде. А вот в протоколе судебного заседания, который должен быть более подробным в воспроизведении показаний, нежели приговор, ничего нет про давление на карандаш, тем более «что есть силы», просто: *«берет черный карандаш, хвост рисует. Это говорит о навязчивом состоянии, это трудно уловимо»*. Это только для психолога **«остервенение»** трудно уловимо. А для журналиста – фальсификатора вполне осязаемо.

Стремление «правильно сориентировать читателя», а по сути, мелкое жульничество можно обнаружить и далее, где Демченко пишет: *«Свои выводы Соколова изложила в экспертном заключении: психологическое состояние Карины косвенно указывает на то, что она вовлечена в сексуальное взаимодействие со значимым взрослым. То есть с тем, к кому она привязана, кому доверяет и кто осуществляет за ней уход»*.

Чрезмерная значимость для семилетней девочки сексуальной сферы отмечается и в заключении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы».

Не надо, г-н журналист чернить своими домыслами уважаемых профессионалов. Во-первых, в выводах экспертизы, на которую ссылается Демченко, про значимость для дочери Макарова В.В. сексуальной сферы не сказано ничего. Во-вторых, в самом тексте (а не в выводах) экспертного заключения психологов и психиатров отмечается не «чрезмерная», а «достаточно высокая» значимость данной сферы. При этом в том же заключении экспертов подчеркивается, что они расценили уровень значимости сексуальной сферы для обследуемой девочки как достаточно высокий лишь постольку, поскольку ее рисунки *«более характерны для подростков, а не для младшей школьницы»*. Девочка не первый год занимается в художественной школе, ее рисунки не раз занимали призовые места на выставках художественного творчества.⁴² Что ж удивительного, что она рисует лучше детей своего возраста. Поэтому то, что названо экспертами «достаточно высокой» значимостью сексуальной сферы для семилетнего ребенка, является, надо полагать, среднестатистическим показателем для подростков. Иными словами экспертиза фактически констатировала, что обследуемый ребенок просто может опережать своих сверстников в развитии. Что в этом странного: у кого-то из детей достаточно высокая, у кого-то достаточно низкая. И то и другое в норме! В заключении, между прочим, отмечается и

⁴² В июне 2012 года Эля Макарова в своей возрастной группе заняла первое место на международной выставке детских рисунков, которая проходила в Польше.

творческая направленность ребенка, и достаточный уровень интеллектуального развития испытуемой.

Какую цель преследовал все же «комсомольский писатель» своим враньем, думаю, понять не трудно и без специального комментария. Конечно же, ту, которую он сам перед собой поставил, либо был «правильно» ориентирован «товарищами», ибо «чрезмерную» значимость сексуальной сферы легче отождествить с вовлечением в сексуальное взаимодействие со значимым взрослым, нежели «достаточно высокую». А о том, что эта достаточно высокая для семилетнего ребенка значимость сексуальной сферы является нормальной для подростка, а не для жертвы «педофила», можно и умолчать.

«Дальше в лес - больше дров». Читая статью г-на Демченко, с ужасом думаю, а ведь, вероятно именно так рассуждала и судья, вынесшая приговор Макарову В.В. То есть журналист в полном соответствии со своей миссией, невольно раскрывает перед читателями логику судьбы. *«Сам Владимир Макаров, - пишет Демченко, - вел себя как минимум странно. Узнав о сперме в моче его дочери, он первым делом устроил скандал дежурному хирургу больницы Святого Владимира из-за его решения отправить Карину к гинекологу. Позже Макаров объяснил это беспокойством, как бы чего не вышло с позвонками во время транспортировки. Однако к тому моменту уже было ясно, что перелома позвонков нет, есть только ушиб».*

Вчитайся, читатель в слова, сказанные журналистом (*узнав о сперме, Макаров устроил дежурному врачу скандал в связи с его решением направить дочку к гинекологу*), и делай свой вывод. А вывод с подачи журналиста может быть только один: «педофил», понимая, что будет изобличен гинекологом, разумеется, всячески препятствует отправлению ребенка на обследование. Угрожать дежурному врачу (его фамилия Баранов), который принял такое решение (от гинеколога, как ни крути, не скроешь факт совершения сексуального насилия над ребенком) - это естественная реакция преступника. Демченко, похоже, уже не интересуется ни приговором, ни протоколом судебного заседания. В «проштудированном» им приговоре, между тем, прямо указано, что разговор врача с Макаровым проходил не ДО, а ПОСЛЕ обследования девочки у гинеколога. Значит, как ни угрожай доктору, предотвратить «разоблачение», которое, кстати, у гинеколога так и не состоялось, Макаров был уже не в силах. Но как красиво задумано у журналиста: «педофил» сопротивляется разоблачению, а потом (не в момент разговора с врачом, а «ПОЗЖЕ»), чтобы объяснить свое агрессив-

ное поведение в отношении доктора, выдумывает басню про транспортировку, которая, якобы, вызвала у него беспокойство.

Однако вся гнусность сочинения Демченко состоит в том, что журналист даже содержание приговора и протокола перевирает без тени смущения, предлагая читателям «КП» эпизод встречи дежурного врача Баранова с Макаровым в собственной интерпретации. Кто умеет читать поймет, в чем ложь. Знакомимся с записанным секретарем суда фрагментом состоявшегося диалога между свидетелем Барановым и защитником. Запись от 18 июля 2011 года. Первое заседание. Идет допрос Баранова, стороны выясняют, какова была реакция Макарова на полученные от врача сведения о состоянии здоровья дочери и мерах по ее лечению:

Вопрос защитника: *«Вы сказали, что поняли его реакцию. В чем?»*

Ответ свидетеля: *«основное недовольство отца было в том, что ребенка именно транспортировали с таким диагнозом»...*

Вопрос защитника: *«а то, что к гинекологу возили?»*

Ответ свидетеля: *«Этого я не могу сказать, мне сложно дифференцировать, что мы повезли или, что там найдены сперматозоиды...»...*

На вопрос государственного обвинителя о том, знал ли подсудимый про сперматозоиды, Баранов ответил: *«По-моему, уже вся больница знала».*

Вопрос государственного обвинителя: *«Он как-то пояснил?»*

Ответ свидетеля: *«Мы не разговаривали с ним об этом»...*

Вопрос подсудимого: *«Я говорил Вам, что прокуратура будет разбираться в том, что вы больного ребенка повезли к врачу?»*

Свидетель: *«ДА»*

Я весь этот диалог воспроизвожу для того, чтобы было ясно, как журналист «штудировал» протокол судебного заседания и откуда он с такой уверенностью внушает читателям то, чего в действительности не было.

Между тем фантазии журналиста простираются все дальше. От «комсомольского писателя» не скроешься, только Демченко, только он один, да еще Макаров В. знают правду о состоянии здоровья девочки в день ее обследования у гинеколога: *«к тому моменту уже было ясно, что перелома позвонков нет, есть только ушиб».* «Тот момент» – это утро 24 июля 2010 года. Но!!! Трепещи, «злодей-педофил», ты не учел «проницательности» журналиста. И плевать ему на протокол, в котором записаны слова Баранова о том, что *«в субботу утром диагноз был еще под вопросом».* Что суббота утром – это тот самый день отправки ребенка к гинекологу, а диагноз – компрессионный перелом

позвонок. Что рентгенологом записано на рентгенограмме: на снимках *«грудного отдела позвоночника костно-травматические изменения не определяются»*. Не определяются, значит «не удалось определить». А вовсе не «исключаются». То есть у врачей, в отличие от Демченко, еще нет ясности, *что перелома позвонков нет*.

Смотрим дальше, вот запись в медицинской карте от 24.07.10 г.: *«Заключение: ребенку с компрессионным переломом ТН 5,6 показано вытяжение»*. Следующая запись - от 26.07.10, то есть через два дня после посещения гинеколога: *«Ребенок с подозрением на компрессионный перелом ТН 4,5,6. Показана МРТ»*. И только после исследования девочки на магниторезонансном томографе, проведенного 26 июля, выяснилось – перелома нет. А именно: *«На МРТ данных за компрессионный перелом ТН 4-7 нет. DS: ушиб грудного отдела позвоночника»*. Эта запись также сделана в медицинской карте от 26.07.10. Правда, журналисту Демченко стало «ЯСНО» на два дня раньше.⁴³

И теперь вопрос к Демченко. Если оставить ваши фантазии и откровенную ложь, то можно ли упрекнуть отца ребенка в том, что он, чувствуя свою вину за то, что недоглядел за дочкой, и девочка получила тяжелую травму, теперь беспокоится о здоровье своего ребенка, о том, что даже простое прикосновение к кровати, где лежит на растяжке дочка, доставляет ей боль. Что уж тут говорить о транспортировке в другую больницу на предмет осмотра гинекологом, повод для обращения к которому отец ребенка считает абсурдным? Подчеркиваю, не страх перед разоблачением результатами осмотра у гинеколога руководит Макаровым, позволяющим себе вести разговор с врачом на повышенных тонах, а страх за жизнь и здоровье самого близкого человека, чья перевозка может причинить ей новые страдания. Думал ли об этом журналист-фальсификатор, когда «штудировал» документы из уголовного дела? Вряд ли. Надо полагать, вся его забота состояла об одном – действительно довести до сведения читателя «логику судьи», то есть свою собственную логику, замешанную на вранье.

Остается только удивляться, как у автора статьи хватает сил подмечать «странности» дела Макарова. Тут бы, в порыве болезненного восприятия реальности, не наделать откровенных глупостей, фантазируя и вводя читателя в заблуждение. Однако, «писатель» не унимается: *«Но самая главная стран-*

⁴³ В декабре 2011 года выяснится, что перелом, все же, был, однако врачи, увлеченные своим «диагнозом» «изнасилование», его просмотрели, оставив ребенка без медицинской помощи. Подробно см. «часть вторая. КАССАЦИЯ» настоящей книги.

ность – пишет Демченко - это проверка на детекторе лжи, которую прошел Макаров. Когда Дмитрий Лопаев предложил отцу Карины пройти такой тест, тот отказался. А сам начал искать полиграфолога в частном порядке. И нашел. Игорь Нестеренко».

Начну с отказа от прохождения теста и попробую разяснить г-ну Демченко, что не только В.Макаров, но и его жена Татьяна еще 04.08.10 года выразили готовность пройти проверку на полиграфе. Этот факт зафиксирован следователем Лопаевым и отражен в материалах уголовного дела. А отказался Макаров В. от предложения следователя через неделю – 11.08.10 г. Вопрос, почему? Об этом знают только непосредственные участники событий. Вот как описывает Татьяна Макарова отказ мужа в своем письме, которое было направлено ею на Форум полиграфологов: *«04 августа, то есть за неделю до возбуждения уголовного дела по факту обнаружения сперматозоидов в моче моей дочери мы, давая объяснение следователю, согласились на его предложение пройти обследование с использованием полиграфа. Однако уже с самого начала расследования для нас становилась все более очевидной тенденциозность следователя Лопаева Д., хотя мой муж еще проходил по делу свидетелем. Поэтому мы стали с осторожностью и недоверием относиться ко всем его предложениям. И когда следователь вновь завел речь об опросе с использованием полиграфа, мы с мужем (посоветовавшись со знакомыми юристами) решили, что Владимир должен отказаться от проверки у тех лиц, которых следователь решил привлечь для этой цели и о которых ничего не мог толком рассказать. В своем письменном отказе мой муж сообщил следователю, что будет искать независимого полиграфолога, который не являлся бы сотрудником правоохранительных органов».*

О том, что произошло с «самого начала расследования», и почему возникло недоверие мне рассказывала сама Татьяна Макарова: на одной из первых встреч с Лопаевым, который ее вызвал для дачи объяснений, *«присутствовал некий мужчина – по всей видимости, работник Следственного комитета Прокуратуры, которого я в дальнейшем ни разу не видела. Видимо, он пришел на подмогу своему 24-летнему коллеге... Так вот, этот неизвестный мне мужчина орал на меня, позволял себе фразы типа: «Вы с мужем ребенку маски из спермы делаете, а ты теперь строишь из себя дуру»...я сказала мужу, что ни о каком объективном разбирательстве речь не идет, и сейчас сотрудники Следственного комитета будут делать все, чтобы посадить тебя...».*

Спрашивается, а как на месте Макарова В.В. должен был поступить мужчина (не считая Демченко), который узнает подробности хамского обращения с его женой, которое позволяет себе «неизвестный мужчина из Следственного комитета» в присутствии следователя? Были ли у Макарова В.В. основания усомниться в объективности расследования уголовного дела Лопавым в отношении него?» Надо полагать, более чем достаточные.

Все, что дальше пишет наш журналист про Нестеренко И.Д., можно выразить двумя словами – «Щенячий восторг». Полиграфолог, оказывается, *аттестованный, переаттестованный... Дстойный специалист, живо откликнувшийся на просьбу Макарова В. о помощи*. Не забыл журналист подчеркнуть и природное недоверие полиграфолога к обвинениям, предъявляемым следственными органами, и готовность посодействовать с поиском нужного адвоката: *«поверив в невиновность отца, он посоветовал обратиться к адвокату Богданову, охарактеризовав его как жесткого и крайне неудобного для следователей»*. Журналист забыл добавить еще одну характеристику адвоката – его принципиальность. Это из показаний Нестеренко в протоколе судебного заседания. Нет необходимости дальше подробно описывать «словоблудие» г-на Демченко, рассказывающего о тяжелых буднях адвоката Богданова, который в поте лица строчил ходатайства, добиваясь, чтобы следователь привлек к проверке его подзащитного не кого-нибудь со стороны, а именно полиграфолога Нестеренко. Как говорится *«кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит он кукушку»*. Об этом специфическом «тандеме» и его специфических устремлениях я рассказал в своем заключении. Любой желающий может ознакомиться с этим документом на страницах научного журнала «Библиотека криминалиста» (№1 (2) за 2012 год).⁴⁴

Интересно другое. Интересны мотивы, руководствуясь которыми журналист дословно воспроизводит в своей статье выводы Нестеренко, сформулированные в заключении полиграфолога. Поражает циничная застенчивость «господина» от журналистики. *«Я заранее хочу извиниться перед читателями, что привожу заключение Игоря Нестеренко без купюр. Они, конечно, попадают в категорию детям до 16. Но иначе смысл произошедшего во время проверки на полиграфе может ускользнуть»*. И, чтобы смысл произошедшего не ускользнул от непосвященного читателя, Демченко выводы полиграфолога *цитирует по приговору*. Воспроизведу только один из этих пяти выводов, размещенный

⁴⁴ См. также «часть первая. ПРИГОВОР» настоящей книги.

журналистом под порядковым №2: *«В памяти Макарова В.В. присутствует информация о том, что он когда-либо **намеренно** совершал в присутствии своей дочери Карины любой половой акт»*. Обратите внимание на выделенное мною слово **«намеренно»**. Я сделал это не случайно. Продолжая «благородный» порыв Демченко, а именно, «чтобы не ускользнула мысль», я процитирую вопрос, ответ на который только что привел из статьи Демченко. Вопрос был обращен к испытуемому Макарову, который по условиям проверки на полиграфе обязан был отвечать на него либо «да», либо «нет». Итак, вопрос: *«Вы когда-либо **намеренно** совершали в присутствии своей дочери любой половой акт?»* А теперь, чтобы журналисту Демченко (а с ним и читателям «Комсомолки») был понятен смысл поставленного Макарову полиграфологом вопроса, и полученного от него ответа, я задам аналогичный вопрос журналисту: *«Вы когда-либо **намеренно** в присутствии императора Петра Великого насильовали императрицу Екатерину II?»*. Я жду ответа, г-н Демченко. «Да» или «Нет»? Впрочем, какая разница, каков будет Ваш ответ. **«ДА» намеренно** или **«НЕТ» ненамеренно**, все равно Вы, с позволения сказать, господин журналист, совершили насильственный половой акт, надругавшись над особо охраняемой персоной. И не надейтесь на суд, судье «по барабану», что оба и Петр-1, и императрица скончались более 200 лет назад. Ваша вина доказана и не вызывает ни малейшего сомнения, спросите у Нестеренко. И пожалуйста, господин Демченко, в каземат. Это для Вас, возможно, самое подходящее место.

Чтобы завершить анализ лживой статьи на оптимистической ноте, обращу внимание еще на одну досадную оплошность автора. В оценке «самой главной странности», как назвал Демченко проверку на полиграфе Макарова, проведенную Нестеренко, журналист констатирует *«Эксперты продемонстрировали редкое отсутствие единодушия. Кто-то подтверждал правильность выводов Нестеренко, кто-то объявлял его шарлатаном»*. Автор статьи, вероятно, к экспертам, которые давали оценку профессионализму и обоснованности выводов г-на Нестеренко, по ошибке причислил судью Ларину. А без нее, опять ложь. Ни один профессиональный эксперт-полиграфолог, чьи оценки фигурируют в деле Макарова В.В., про заключение Нестеренко И.Н. не сказал ни одного доброго слова. Единодушно было указано и на некомпетентность, и на необъективность полиграфолога. И вновь приходится читать этот юридический бред Демченко: *«Только очень трудно оспаривать заключение эксперта, которого сам же нанял»*. И вовсе даже не трудно, поскольку по делу Макарова Игорь Нестеренко не давал никакого **«заключения эксперта»**, да и сам он не

был **экспертом** в процессуальном смысле слова. Он – свидетель по делу, и никто более. Да и нанял Нестеренко, если судить по заключенному с ним договору, не Макаров, а именно адвокат Богданов, (правда, за деньги Макарова В.В.), получив немалые посреднические, а именно 100 тысяч рублей. Вы спросите, за что? Отвечаю – за то, что присутствовал при проверке, потратив свои драгоценные аж два или три часа. И его присутствие, «по внутреннему убеждению» судьи стало дополнительным подтверждением «объективности» выводов, к которым пришел полиграфолог Игорь Нестеренко.

Не знаю, найдутся ли у журналиста «единомышленники» накануне рассмотрения «дела Макарова» в кассационной инстанции, но одно могу сказать с уверенностью - после статьи Владимира Демченко «ЛОГИКА» судьи Лариной всем нам, несомненно, стала понятней.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Детский психолог Лейла Соколова была уволена с работы после того, как осенью 2011 года выяснилась ее принадлежность к клубу БДСМ (BDSM), известному садомазохистскими наклонностями его членов. Красочные фотографии с ее участием в лесбийских игрищах этого клуба увидела вся страна⁴⁵. Разумеется, никому не возбраняется демонстрировать свою сексуальную ориентацию, так как он того пожелает. Но можно ли доверять члену лесбийского садомазохистского клуба, который дает заключение по уголовному делу как специалист в области детской психологии? Ведь свой вывод о вовлеченности ребенка в сексуальные отношения с отцом на основании рисунка девочки, где изображена «женщина - кошка» с хвостом, который «эксперт» Лейла Соколова оценила как хвост «фаллической формы», был положен в основу приговора суда, по которому отца ребенка приговорили к 13 годам колонии строгого режима.

В конце мая 2012 года осужденным Макаровым Владимиром Владимировичем была направлена жалоба в Европейский Суд по Правам Человека с мотивировкой: **«нарушение права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное статьей 6 параграфом 1 Конвенции»**. Вряд ли, однако, эта жалоба будет рассмотрена раньше окончания срока отбывания Владимиром Макаровым назначенного Московским городским судом наказания.

⁴⁵ См., например, сайт <http://tltgorod.ru/news/theme-0/news-16717/>

У семьи остался один шанс воссоединиться с отцом прежде, чем окончится пятилетний срок его заключения, и восстановить справедливость – это обжалование неправосудного приговора в Верховном Суде РФ. А пока осужденный Владимир Макаров остается в колонии строгого режима, отбывая наказание за преступление, которого, судя по материалам уголовного дела, он не совершал. Впрочем, и само преступление, скорее всего, стало плодом воображения следователя, прокурора и суда. И, если не произойдет чуда, то быть ему там еще три года. Два года, с учетом срока содержания под стражей на предварительном следствии, Владимир Макаров уже отсидел.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	1
Часть первая. ПРИГОВОР.....	7
Глава 1. Предыстория.....	7
Глава 2. Исследование материалов уголовного дела.....	9
(1) <i>Исходные данные.....</i>	<i>9</i>
(2) <i>О достоверности и допустимости показаний и заключения полиграфолога И.В. Нестеренко.....</i>	<i>11</i>
(3) <i>О достоверности и допустимости показаний и результатов обследований, проведенных Соколовой Л.А. и Николаевой Г.Н.....</i>	<i>33</i>
(4) <i>О достоверности и допустимости заключения судебно-генетической экспертизы № 942 от 23.08.2010 г., проведенной М.В. Исаенко.....</i>	<i>41</i>
(5) <i>О достоверности и допустимости показания сотрудников ДГКБ им. Св. Владимира.....</i>	<i>56</i>
Часть вторая. КАССАЦИЯ.....	67
Глава 1. Исходные данные.....	67
Глава 2. Общие положения.....	69
Глава 3. Об объективности и законности расследования уголовного дела.....	75
(1) <i>О законности и объективности доследственной проверки.....</i>	<i>75</i>
(2) <i>О законности и объективности предварительного следствия.....</i>	<i>79</i>
Глава 4. О соответствии сведений, содержащихся в приговоре, их изложению в протоколе судебного заседания.....	90
(1) <i>Показания потерпевшей Макаровой Э.В. в свете оценок педагога-психолога О.В.Дубинской и других.....</i>	<i>94</i>
(2) <i>О существовании показаний Баранова С.А., прозвучавших в судебном заседании.....</i>	<i>99</i>
(3) <i>Показания Озеровой М.А.</i>	<i>104</i>
(4) <i>Показания Соколовой Л.А.....</i>	<i>105</i>
(5) <i>Сущность показаний Дашкевич Н.Н., Иванова П.Л. и др. об</i>	

<i>обнаружении спермы в мазке.....</i>	106
Глава 5. О доказанности факта обнаружения спермы в анализах мочи Макаровой Э.В.....	108
(1) <i>О достоверности и допустимости показаний сотрудников больницы им. Св.Владимира.....</i>	109
(2) <i>О компетентности сотрудников ДГКБ им. Св. Владимира.....</i>	114
Глава 6. О доказательственном значении заключения судебно- генетической экспертизы №942 (М.В.Исаенко).....	131
(1) <i>О допустимости заключения эксперта №942 и его соответствии требованиям закона.....</i>	131
(2) <i>О соответствии заключения эксперта №942 «совокупности проверенных и исследованных доказательств».....</i>	137
(3) <i>О противоречиях заключений первичной и повторной судебно- генетической экспертизы.....</i>	140
(4) <i>О достоверности выводов заключения эксперта №942, представленного Исаенко М.В.</i>	146
(5) <i>О фальсификации заключения судебно-генетической экспертизы №942.....</i>	155
Часть третья. НАДЗОР.....	162
Часть четвертая. «Дело Макарова» глазами журналиста.....	164
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	185



MoreBooks!
publishing



yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com



VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

